

SDU LAW JOURNAL

**SDU CENTRAL ASIAN
RESEARCH CENTER**

SDU Law Journal

№1 (4)/ 2026

Жылына 4 рет шығады
Published 4 times a year
Выходит 4 раза год

Қаскелең / Kaskelen / Каскелен
2026

Бас редактор
Марат Естемиров, PhD, ассистент профессор, SDU University
Жауапты редактор
Дархан Орынбасаров, MA, ғылыми қызметкер, SDU University
Техникалық редактор
Жұлдызай Кубашева, Ғылым департаментінің маманы, SDU University

Редакциялық алқа:

Айгуль Касенова	з.ғ.к., ассистент профессор, SDU University (Қазақстан)
Айжан Көпбаева	PhD, ассистент профессор, SDU University (Қазақстан)
Майгүл Абилова	PhD, қауымдастырылған профессор, SDU University (Қазақстан)
Ғайни Серім	PhD, қауымдастырылған профессор, SDU University (Қазақстан)
Жасулан Ахметов	PhD, ассистент профессор, SDU University (Қазақстан)
Шатлық Аманов	PhD, ассистент профессор, SDU University (Қазақстан)
Абай Мағауия	MA, аға оқытушы, SDU University (Қазақстан)
Абай Нажимов	MA, аға оқытушы, SDU University (Қазақстан)
Марат Ахмади	PhD, ассистент профессор Maksud Narikbayev University (Қазақстан)
Камал Сабилов	PhD, ҚР Сот әкімшілігі (Қазақстан)
Сергей Саяпин	PhD, профессор, KIMEP University (Қазақстан)
Рустам Атаджанов	PhD, қауымдастырылған профессор, KIMEP University (Қазақстан)
Антъе Химмельрайх	PhD, Шығыс Еуропа құқығы институты (Германия)
Ханс-Йоахим Шрамм	PhD, профессор, Висмар Университеті (Германия)
Алан Ма	PhD, профессор, Birmingham City University (Ұлыбритания)
Чингис Джекебаев	з.ғ.к., ҚР Республикалық жеке сот орындаушылар палатасы (Қазақстан)

Редакцияның мекенжайы: Алматы облысы, Қарасай ауданы
040900, Қаскелең қаласы, Абылай хан көшесі 1/1
*e-mail: lj@sdu.edu.kz

SDU Law Journal
Қазақстан Республикасының Мәдениет және ақпарат министрлігінде тіркелген
30.06.2025, № KZ65VPY00123310 есепке қою туралы куәлігі
ISSN 3105-2649
SDU University
Сайт: <https://lj.sdu.edu.kz/index.php/lj>

Editor-in-chief

Marat Yestemirov, PhD, Assistant Professor, SDU University

Managing Editor

Darkhan Orynassarov, MA, Research Fellow, SDU University

Technical editor

Zhuldyzay Kubasheva, Science Department specialist, SDU University

Editorial board:

Aigul Kassenova	Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, SDU University (Kazakhstan)
Aizhan Kopbayeva	PhD, Assistant Professor, SDU University (Kazakhstan)
Maigul Abilova	PhD, Associate Professor, SDU University (Kazakhstan)
Gainy Serim	PhD, Associate Professor, SDU University (Kazakhstan)
Zhassulan Akhmetov	PhD, Assistant Professor, SDU University (Kazakhstan)
Shatlyk Amanov	PhD, Assistant Professor, SDU University (Kazakhstan)
Abay Magauiya	MA, Senior Lecturer, SDU University (Kazakhstan)
Abay Nazhimov	MA, Senior Lecturer, SDU University (Kazakhstan)
Marat Akhmadi	PhD, Assistant Professor, Maksut Narikbayev University (Kazakhstan)
Kamal Sabirov	PhD, Court Administration of the Republic of Kazakhstan
Sergey Sayapin	PhD, Professor, KIMEP University (Kazakhstan)
Rustam Atadjanov	PhD, Associate Professor, KIMEP University (Kazakhstan)
Antje Himmelreich	PhD, Institute of Eastern European Law (Germany)
Hans-Joachim Schramm	PhD, Professor, Wismar University (Germany)
Alan Ma	PhD, Professor, Birmingham City University (United Kingdom)
Chingis Dzhekebayev	Candidate of Legal Sciences, Republican Chamber of Private Bailiffs of the Republic of Kazakhstan

Address of the editorial office: Almaty region, Karasay district
040900, Kaskelen, 1/1 Abylai Khan street

*e-mail: lj@sdu.edu.kz

SDU Law Journal

Registered by the Ministry of Culture and Information of the Republic of Kazakhstan

Certificate of registration No KZ65VPY00123310 from 30.06.2025

ISSN 3105-2649

SDU University

Site: <https://lj.sdu.edu.kz/index.php/lj>

Главный редактор
Марат Естемиров, PhD, ассистент профессор, SDU University
Ответственный редактор
Дархан Орынбасаров, MA, научный сотрудник, SDU University
Технический редактор
Жулдызай Кубашева, специалист департамента науки, SDU University

Редакционная коллегия:

Айгуль Касенова	к.ю.н., ассистент профессор, SDU University (Казахстан)
Айжан Копбаева	PhD, ассистент профессор, SDU University (Казахстан)
Майгүл Абилова	PhD, ассоциированный профессор, SDU University (Казахстан)
Ғайни Серім	PhD, ассоциированный профессор, SDU University (Казахстан)
Жасулан Ахметов	PhD, ассистент профессор, SDU University (Казахстан)
Шатлык Аманов	PhD, ассистент профессор, SDU University (Казахстан)
Абай Мағауия	MA, старший преподаватель, SDU University (Казахстан)
Абай Нажимов	MA, старший преподаватель, SDU University (Казахстан)
Марат Ахмади	PhD, ассистент профессор, Maksut Narikbayev University (Казахстан)
Камал Сабыров	PhD, Судебная администрация Республики Казахстан
Сергей Саяпин	PhD, профессор, KIMEP University (Казахстан)
Рустам Атаджанов	PhD, ассоциированный профессор, KIMEP University (Казахстан)
Антъе Химмельрайх	PhD, Институт восточноевропейского права (Германия)
Ханс-Йоахим Шрамм	PhD, профессор, Висмарский университет (Германия)
Алан Ма	PhD, профессор, Birmingham City University (Великобритания)
Чингис Джекебаев	к.ю.н., Республиканская палата частных судебных исполнителей РК (Казахстан)

Адрес редакции: Алматинская область, Карасайский район
040900, г. Каскелен, ул. Абылай хана 1/1
*e-mail: lj@sdu.edu.kz

SDU Law Journal
Зарегистрирован Министерством культуры и информации Республики Казахстан
Свидетельство о постановке на учет № KZ65VPY00123310 от 30.06.2025
ISSN 3105-2649
SDU University
Сайт: <https://lj.sdu.edu.kz/index.php/lj>

МАЗМҰНЫ / CONTENT / СОДЕРЖАНИЕ

Жария құқық, жеке құқық және халықаралық құқық ғылымы
The science of public law, private law, and international law
Наука публичного, частного и международного права

Қазақстан Республикасында атқарушылық іс-жүргізу шеңберінде борышкердің жылжымайтын мүлкінен ақы өндіріп алу мәселесі <i>Әсел Жұмабаева</i>	6
Обеспечение автономии воли сторон в международных коммерческих контрактах: анализ национальных и международных механизмов <i>Балнур Келденбаева</i>	25
Балалардың құқықтарын «төменнен жоғары» қарай жүзеге асыру: үшінші сектордың ықпалы <i>Айгерим Мусабалинова, Филиз Полат</i>	43
Особенности правовой охраны товарных знаков в административном судопроизводстве Республики Казахстан: теория и практика <i>Камал Сабиров</i>	57
Правовые механизмы противодействия насилию в отношении женщин и пути их социально-экономической реинтеграции: опыт Узбекистана <i>Сохиба Иноятова</i>	71
Товарищество с ограниченной ответственностью в законодательстве Германии и Казахстана: сравнительный анализ <i>Таня Галандер, Светлана Зеппельт, Нилс Бауманн, Анна Рихтер, Марат Естемиров</i>	88

DOI: <https://doi.org/10.47344/6f51d567>
FTAMP: 10.31.47

Қазақстан Республикасында атқарушылық іс-жүргізу шеңберінде борышкердің жылжымайтын мүлкінен ақы өндіріп алу мәселесі

Әсел Жұмабаева
SDU University, Қаскелең, Қазақстан
email: 241401001@sdu.edu.kz

Андатпа

Аталмыш мақала атқарушылық өндіріс аясында борышкер мүлкінен ақы өндіріп алудың сот практикасындағы ерекшеліктеріне арналған. Сот актілерін орындату жүйесінде борышкердің мүлкін анықтау, тәркілеу және сату арқылы кредитордың талаптарын қанағаттандыру маңызды кезеңдер болып табылады. Мақалада борышкер мүлкін анықтаудың әртүрлі әдістері, соның ішінде банк шоттарын тексеру, жылжымайтын және жылжымалы мүліктерді іздестіру, сондай-ақ жалғыз баспанадан ақы өндіріп алу мүмкіндіктері қарастырылады. Мүлікті тәркілеу барысында заңнамада белгіленген рәсімдердің сақталуы, оның ішінде тәркілеу актісін жасау, мүлікті бағалау және оны сақтау шарттарына ерекше назар аударылады. Мақалада сонымен қатар Қазақстан Республикасында борышкердің жалғыз тұрғын үйінен өндіріп алу мәселесінің құқықтық реттелуі талданады. Зерттеудің мақсаты – атқарушылық іс жүргізу шеңберінде тұрғын үйге қол сұғылмау құқығы мен кредитордың мүліктік мүдделері арасындағы теңгерімді анықтау. Зерттеу барысында нормативтік-құқықтық, салыстырмалы-құқықтық және сот практикасын талдау әдістері қолданылды. 2019–2024 жылдар аралығындағы сот актілеріне эмпирикалық талдау жүргізілді. Зерттеу нәтижелері Қазақстан заңнамасында атқарушылық иммунитет институтының нақты бекітілмегенін және пропорционалдылық қағидатының біркелкі қолданылмайтынын көрсетті. Автор заңнаманы жетілдіру бойынша ұсыныстар береді.

Кілт сөздер: атқарушылық іс-жүргізу, борышкер, мүлік, ақы өндіру, сот тәжірибесі, Қазақстан.

Кіріспе

Қазақстан Республикасы қазіргі таңда әлеуметтік-экономикалық өзгерістердің ортасында тұр, бұл өзгерістер қоғамдық, құқықтық және экономикалық қатынастардың жаңа заңдылықтарын талап етеді. Осы орайда, азаматтардың мүліктік құқықтарының қорғалуы маңызды мәселелердің бірі болып табылады. Әсіресе, борышкерлердің мүлкінен ақы өндіріп алу шаралары әлеуметтік тұрғыдан өткір мәселе болып қала береді.

Атқару өндірісі аясында борышкер мүлкінен ақы өндіріп алу тәртібі - бұл Қазақстан Республикасының “Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушының мәртебесі туралы” заңнамасында белгіленген процедуралар мен қозғалыстарды қамтитын күрделі процесс. Бұл аспектілерді қарастыру мақсатында төмендегі пунктерді ұсынуға болады:

Зерттеу проблемасы - атқару өндірісінің тиімділігі, борышкерлердің құқықтарын қорғау, мүлікті өндіріп алу тәртібінің заңдылығы мен әділдігі. Сот практикасында кездесетін мәселелер, атап айтқанда, борышкердің құқықтарын шектеу, мүлікті бағалау мәселелері.

Зерттеу гипотезасы - борышкер мүлкінен ақы өндіріп алу кезінде сот практикасының тиімділігі мен заңдылығы қаншалықты қамтамасыз етілген.

Қазақстанда азаматтардың қаржылық міндеттемелерді орындамау жағдайлары көбейіп, атқарушылық іс жүргізу саны жыл сайын артып келеді. Соның ішінде борышкердің жылжымайтын мүлкінен, тіпті жалғыз баспанасынан өндіріп алу мәселесі – әлеуметтік жағынан ең қауіпті және құқықтық тұрғыдан күрделі сала. Бұл процесс азаматтың тұрғын үйге конституциялық құқығы мен кредитордың мүліктік құқығы арасындағы тепе-теңдікті сақтауды талап етеді. Сот тәжірибесінде бұл нормаларды қолдану біркелкі емес, құқықтық түсіндірме мен нақты критерийлер жетіспейді. Сондықтан борышкердің жылжымайтын мүлкінен өндіріп алу тетіктерін тәжірибелік және құқықтық тұрғыда талдау өзекті болып табылады.

Зерттеудің мақсаты – Атқарушылық іс жүргізу кезінде борышкердің жылжымайтын мүлкінен мәжбүрлеп өндіріп алудың құқықтық негіздерін және сот тәжірибесінде туындайтын проблемаларды талдау арқылы осы саладағы құқық қолдану тиімділігін арттыру жолдарын ұсыну.

Зерттеу міндеттері:

1. Жылжымайтын мүлікке өндіріп алу шарасының құқықтық табиғатын анықтау;
2. Сот практикасы мысалдары негізінде нақты проблемалық тұстарды анықтау;
3. Борышкердің жалғыз баспанасы бойынша атқарушылық иммунитетті қолдану мәселесін талдау;
4. Нормативтік құқықтық базаны жетілдіру бойынша ұсыныстар әзірлеу.

Зерттеудің нормативтік-құқықтық базасы - Қазақстан Республикасының Конституциясы, Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексін, ҚР Азаматтық процесстік кодекс, Қазақстан Республикасының “Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы” Заңын қамтиды.

Зерттегі олқылығы (research gap). Отандық ғылыми әдебиетте атқарушылық іс жүргізу мәселелері кеңінен зерттелгенімен, борышкердің жалғыз тұрғын үйіне өндіріп алу кезінде қолданылатын пропорционалдылық қағидатының нақты өлшемдері мен сот практикасының эмпирикалық талдауы жеткілікті деңгейде жүйеленбеген. Сонымен қатар, халықаралық құқықтық стандарттар мен Қазақстан сот практикасының өзара сәйкестігі арнайы зерттеу нысаны ретінде кешенді түрде қарастырылмаған. Бұл аталған зерттеудің ғылыми олқылығын (research gap) айқындайды.

Қазақстанда борышкердің жалғыз тұрғын үйінен өндіріп алу мәселесі негізінен нормативтік сипатта талданған. Алайда:

- нақты сот практикасына сүйенген кешенді зерттеу жоқ;
- атқарушылық иммунитетті қолданудың өлшемдері анықталмаған;
- жеке сот орындаушылары қызметінің тиімділігіне терең баға берілмеген;
- электрондық аукцион рәсімдерінің ашықтығы мен әділдігі жеке зерттелмеген.

Осы олқылықты жою — зерттеудің жаңалығы мен ғылыми үлесі болып табылады.

Бұл зерттеу борышкердің жылжымайтын мүлкінен өндіріп алудың құқықтық механизмдерін сот тәжірибесіне сүйене отырып жүйелейді және атқарушылық иммунитетті қолданудың нақты өлшемдерін ұсыну арқылы ғылыми түсінікті толықтырады.

Борышкердің мүлкінен, соның ішінде жалғыз тұрғын үйінен өндіріп алу мәселесі отандық және шетелдік құқықтық әдебиетте әртүрлі қырынан қарастырылып келеді. Қазақстандық зерттеушілер негізінен атқарушылық іс жүргізудің құқықтық табиғатын, сот орындаушыларының өкілеттіктерін және өндіріп алу кезектілігін талдауға басымдық береді. Мәселен, Данабаев Т. атқарушылық өндіріс пен жалғыз тұрғын үй мәселесін меншік құқығы

мен әлеуметтік құқықтардың тепе-теңдігі тұрғысынан қарастырады. Исаханов С. заңнамадағы өзгерістерді талдай отырып, өндіріп алу рәсімдерінің құқықтық кепілдіктерін сипаттайды.

Дегенмен, отандық зерттеулердің басым бөлігі нормативтік талдаумен шектеледі және сот практикасының жүйелі эмпирикалық зерттелуі жеткіліксіз. Сонымен қатар, атқарушылық иммунитет ұғымы Қазақстан заңнамасында нақты бекітілмегенімен, ғылыми айналымда қолданылып жүргенімен, оның өлшемдері мен қолдану критерийлері терең талданбаған.

Шетелдік құқықтық жүйелерде бұл мәселе неғұрлым нақты реттелген. Ресей Федерациясының Азаматтық процестік кодексінің 446-бабында борышкердің жалғыз тұрғын үйіне өндіріп алуға тікелей тыйым салынған. Германияның Азаматтық іс жүргізу кодексінде әлеуметтік маңызы бар мүлік түрлерін қорғау тетіктері көзделген. Еуропалық адам құқықтары соты өз тәжірибесінде тұрғын үйден айыру мәселесін Адам құқықтары жөніндегі Еуропалық конвенцияның 8-бабы (тұрғын үйге құрмет көрсету құқығы) шеңберінде қарастырып, пропорционалдылық принципінің сақталуын талап етеді (*McCann v. the United Kingdom, Rousk v. Sweden*).

Осылайша, халықаралық тәжірибе атқарушылық өндірісте әлеуметтік құқықтарды қорғаудың нақты критерийлерін қалыптастырған. Ал Қазақстанда жалғыз тұрғын үй мәселесі бойынша құқықтық реттеу нақты емес және сот практикасы біркелкі қалыптаспаған. Бұл зерттеудің ғылыми олқылығын айқындайды.

Зерттеу доктриналдық құқықтық талдау және сот практикасын эмпирикалық зерттеу әдістеріне негізделді. Зерттеу барысында 2019–2024 жылдар аралығында қабылданған жалғыз тұрғын үйден өндіріп алу мәселесіне қатысты 30-дан астам сот актісі талданды. Сот шешімдері BestProfi ақпараттық-құқықтық жүйесінен іріктелді.

Іріктеу критерийлері:

- борышкердің жалғыз тұрғын үйіне тыйым салу немесе сату мәселесі;
- электрондық аукцион арқылы мүлікті өткізу;
- үшінші тұлғалардың құқықтарын қорғау туралы даулар;
- сот орындаушысының әрекеттеріне шағымдар.

Зерттеу барысында келесі әдістер қолданылды:

1. Нормативтік-құқықтық талдау – Қазақстан Республикасының Конституциясы, Азаматтық кодексі, Азаматтық процестік кодексі, «Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы» Заңы.
2. Контент-талдау – сот актілеріндегі құқықтық дәлелдемелер мен соттардың уәждерін жүйелеу үшін қолданылды (BestProfi платформасы негізінде).
3. Салыстырмалы-құқықтық талдау – Ресей, Германия және Еуропалық адам құқықтары сотының практикасы негізінде жүргізілді.
4. Логикалық-құрылымдық талдау (қорытындылар мен ұсыныстар шығару) – тұрғын үйге қол сұғылмау құқығы мен кредитордың мүліктік құқығы арасындағы теңгерімді бағалау үшін пайдаланылды.

Зерттеу нәтижелері сот практикасының біркелкі еместігін және атқарушылық иммунитетті қолданудың нақты критерийлері заңнамалық деңгейде бекітілмегенін көрсетті. Жүргізілген нормативтік-құқықтық және сот практикасын талдау Қазақстан Республикасында борышкердің жалғыз тұрғын үйіне өндіріп алу мәселесінің құқықтық реттелуі бірқатар жүйелік ерекшеліктерге ие екенін көрсетті.

Қолданыстағы заңнамада атқарушылық иммунитет институты тікелей және нақты бекітілмеген. «Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы»

Заңда өндіріп алуға жатпайтын мүліктің тізбесі көрсетілгенімен, жалғыз тұрғын үй бұл тізбеге нақты енгізілмеген. Соның салдарынан құқық қолдану тәжірибесінде біркелкілік жоқ: кейбір істерде соттар тұрғын үйге конституциялық құқықты басымдыққа алса, басқа жағдайларда кредитордың мүліктік мүддесін қорғауды басым деп таниды. Бұл жағдай пропорционалдылық қағидатының нақты өлшемдерінің болмауымен байланысты.

Алайда бірқатар жағдайларда бұл мәселе терең талданбай, тек формальды құқықтық нормаларға сүйене отырып шешім қабылданады. Осыған орай, Жоғарғы Сот деңгейінде жалғыз тұрғын үйге қатысты істер бойынша құқық қолдану тәжірибесін біріздендіретін нормативтік қаулы немесе ресми түсіндірме қабылдау ұсынылады. Бұл соттардың шешім қабылдау кезінде әлеуметтік салдарларды, балама тұрғын үй мүмкіндігін және борышкердің нақты жағдайын бағалауын қамтамасыз етуге ықпал етеді.

Осыған байланысты, жалғыз тұрғын үйді өндіріп алу жағдайында борышкер мен оның отбасы мүшелерін ең төменгі әлеуметтік стандарттарға сәйкес келетін балама тұрғын үймен қамтамасыз ету механизмін әзірлеу мүмкіндігін қарастыру ұсынылады. Мұндай тәсіл кредитордың мүліктік мүддесін қанағаттандыру мен азаматтың тұрғын үйге конституциялық құқығын қорғау арасындағы тепе-теңдікті сақтауға мүмкіндік береді.

Жалпы алғанда, зерттеу нәтижелері Қазақстанда жалғыз тұрғын үйден өндіріп алу мәселесі бойынша құқықтық реттеуді нақтылау және сот практикасын біріздендіру қажеттігін көрсетті. Атқарушылық иммунитет институтын заңнамалық тұрғыдан айқындау, пропорционалдылық қағидатын нақты критерийлер арқылы бекіту және әлеуметтік кепілдіктерді күшейту — атқарушылық іс жүргізудің әділдігі мен тиімділігін арттырудың негізгі бағыттары болып табылады.

Талқылау

Қазақстандағы атқарушылық іс жүргізу шеңберінде борышкердің мүлкінен төлемдерді өндіріп алу мәселесі құқық қолдану тәжірибесінің ең өзекті және күрделі мәселелерінің бірі болып табылады. Экономикалық және әлеуметтік шындық азаматтардың құқықтары мен заңды мүдделерін қамтамасыз ету үшін оңтайлы шешімдерді ұдайы іздеуді талап ететін серпінді дамып келе жатқан қоғам жағдайында мүліктің құқықтарын қорғау қажеттілігі ерекше маңызға ие болып отыр. Алайда, Қазақстанда, басқа елдердегі сияқты, атқарушылық іс жүргізу саласындағы заңнама кредиторлардың құқықтары мен борышкерлердің мүдделерін қорғау арасындағы тепе-теңдікті табуға ұмтылады.

Ең алдымен, бұл мақалада атқарушылық өндіріс аясында борышкер мүлкінен ақы өндіріп алу тәртібімен танысу үшін, атқарушылық өндіріс және сот орындаушының қызметі туралы ақпарат алу қажет.

Атқарушылық іс-жүргізу - бұл құқықтық механизм борышкерден атқарушылық құжатта белгіленген міндеттерді, сонымен қатар жеке сот орындаушысының қызмет ақысын мәжбүрлі түрде орындауды қамтамасыз етуге бағытталған шаралар жиынтығы болып табылады. Жалпы, атқарушылық өндіріс борышкер міндеттемесін орындаудан бас тартқан жағдайда іске қосылатын құқықтық процедура. Оның негізгі мақсаты - сот шешімінің орындалуын қамтамасыз ету.

Сот актілерін көптеген жағдайда борышкерлер ерікті түрде орындамағанының салдарынан, заң өндіріп алушыға қарызды қайтару мақсатында көмек көрсететін атқарушылық істі қозғау құқығын қарастырған. Өндіріп алушыларға атқарушылық істі

жүргізу барысында мемлекеттік немесе жеке қызмет көрсетіледі, атап айтқанда, атқарушылық өндірісті атқаратын тұлғалар мемлекеттік сот орындаушысы және жеке сот орындаушысы болып бөлінеді. Қазақстан Республикасында атқарушылық құжаттардың басым көпшілігі жеке сот орындаушыларының құзыретінде. «Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы» заңның 138-бабының 3 тармағына сәйкес, жеке және заңды тұлғалардың пайдасына өндіріп алу туралы атқарушылық құжаттарды орындау – жеке сот орындаушыларының айрықша құзыреті болып табылады. (ҚР “Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы” Заңы, 2010 ж.)

Атқарушылық өндіріс аясында сот орындаушысы борышкерге хабарлама жіберу, банктік шоттарын блоктау арқылы қаражатына тыйым салу, мүлкін тәркілеу, ҚР шығуға тыйым салу және басқа да шараларды қамтитын қызметтерді атқарады. Бұл шаралардың барлығы ҚР «Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушының мәртебесі туралы» Заңында анықталған тәртіппен жүзеге асырылады. (Сот орындаушылардың қызметін реттеу және бақылау бөлімі, 2024 ж.)

Борышкердің мүлкінен ақы өндіріп алу шарасы — бұл оның меншігіндегі мүлікті алып қою немесе оны мәжбүрлі түрде сату не болмаса талап қоюшыға тапсыру процесі. Атқарушылық өндірісте орындау құжаттары бойынша өндіріп алу алдымен борышкердің ақшалай қаражатына, соның ішінде банктер мен өзге де қаржы ұйымдарындағы шоттарындағы сомаларға бағытталады. Егер борышкердің берешекті өтеуге жеткілікті ақшасы болмаса, онда оның басқа жылжымалы және жылжымайтын мүлкіне өндіріп алу жүргізіледі. Кепілдегі мүлікке өндіріп алу басқа мүлік жетпеген жағдайда ғана жүргізіледі және бұл кезде Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінде көзделген кепіл ұстаушының құқықтары сақталады. Борышкер ортақ меншікте үлеске ие болса, сот орындаушы сол мүліктің басқа иелерін хабардар етіп, оларға борышкердің үлесін басымдықпен сатып алу мүмкіндігін береді. Үлестің бағасы маманның жазбаша қорытындысына сүйене отырып анықталады. Атқарушылық жазбаның орындалуын қамтамасыз ету мақсатында сот орындаушы борышкердің мүлкіне арест қояды. Кей жағдайларда бұл тек соттың санкциясымен жүзеге асырылады. Арест мүлікке иелік етуге және оны пайдалануға тыйым салуды білдіреді. Арест ақша қаражатына да салынуы мүмкін, бірақ тек соттың рұқсатымен және қажетті мөлшерде ғана. (Об исполнительном производстве в Казахстане, 2015 ж.)

Сот орындаушы борышкердің мүлкін түгендеп, берешек сомасын және орындау шығындарын өтеуге жеткілікті мөлшерде тізім жасайды. Бұл рәсім борышкер мен куәлардың қатысуымен өткізіледі, ал борышкер қатыспаған жағдайда хаттама куәлардың қатысуымен толтырылады.

Арестке алынған мүлік белгілі бір тәртіппен сатылады:

Бірінші кезекте — өндіріс процесіне қатыспайтын мүлік (бағалы қағаздар, әшекей бұйымдар, көлік құралдары және т.б.);

Екінші кезекте — дайын өнімдер мен материалдық құндылықтар;

Үшінші кезекте — ғимараттар, жер учаскелері, өндірістік құрал-жабдықтар;

Төртінші кезекте — жалға немесе қарызға берілген мүлік.

Өндіріп алынған ақшалай қаражат алдымен айыппұлдарды, кейін орындау шығындарын өтеуге жұмсалады, қалған бөлігі талап қоюшылардың талаптарын қанағаттандыруға бағытталады. Егер қаражат жетпесе, ол заңда белгіленген кезектілікпен бөлінеді:

Бірінші кезекте — алимент, денсаулыққа зиян келтіргені үшін өтемақы, еңбек даулары бойынша төлемдер;

Екінші — авторлық сыйақылар мен азаматтардың мүлкіне келген зиянды өтеу;

Үшінші — кепілмен қамтамасыз етілген қарыздар;

Төртінші — салықтар және міндетті төлемдер;

Бесінші — қалған барлық талаптар.

Сонымен қатар борышкерден орындау әрекеттеріне байланысты барлық шығындар өндіріледі: мүлікті іздеу, бағалау, сақтау, сату, мамандар мен аудармашылардың еңбекақысы, пошта, көлік шығындары және т.б. Шешім толық орындалғаннан кейін мемлекеттік сот орындаушы борышкерге мемлекет кірісіне 10% мөлшерінде орындаушылық санкцияны өз еркімен төлеуді ұсынады. Егер ол бас тартса, бұл сома мәжбүрлеп өндіріледі. Орындау құжатын уақытылы орындамаған борышкерлер әкімшілік немесе қылмыстық жауапкершілікке тартылуы мүмкін.

Жаңа енгізілген нормаға сәйкес, егер борышкер материалдық талаптарды кеш орындаса, сот орындаушы борышкерден әр кешіктірілген күн үшін берешек сомасының 0,1% мөлшерінде айыппұлды өндіріп алуға сотқа жүгіне алады. Бұл жаңалық борышкерлердің тәртіпті болуына және сот шешімдерінің уақытында орындалуына ықпал етеді.

Ендігі, жеке сот орындаушысының борышкер мүлкінен ақы өндіріп алуы бойынша “BestProfi” сайтында келтірілген сот практикасына талдау жүргізіп көрейік:

Істің жалпы сипаттамасын көрсетсек, бұл істе «Айнур» ЖШС-нің жеке сот орындаушысы Касымов М.А-ның әрекеттеріне қарсы шағымы туралы. Негізгі мәселе – борышкердің жылжымайтын мүлкінен ақы өндіріп алуға және оны электрондық сауда арқылы сату барысындағы ЖСО-ның іс-әрекеттерінің заңдылығын анықтау.

Нақты жағдайлар: 2013 жылы «IUS» халықаралық третей сотының шешімімен «ALEM Kence» ЖШС мен оның кепілі Кожахметов Т.Б-дан «АТФ Банк» пайдасына 3,3 млрд теңге қарыз өндіріп алынған. Кейін 2016 жылы «IUS» арбитражы «Айнур» ЖШС-нің кепілге қойған мүлкінен ақы өндіріп алу туралы шешім шығарған. Осы шешім негізінде ЖСО Касымов М.А. атқарушылық өндіріс бастап, компанияның бірқатар мүлкіне (Алматы, Ақтау, Тараз, Павлодар, Қарағанды, Өскемен қалаларында) арест қойып, бағалау жүргізіп, оларды www.auction.kz порталы арқылы сатуға ұсынған.

«Айнур» ЖШС бұл әрекеттерге қарсы шығып, компанияның саудалар туралы уақытылы хабарланбағанын және ЖСО-ның территориялық өкілеттігін бұзғанын көрсеткен.

Талаптардың ұстанымдары: ЖШС «Айнур» ЧСИ-дің іс-әрекеттерін заңсыз деп тануды сұрады, өйткені компания мүліктің сауда саттыққа шығарылғаны туралы хабарланбаған және мүліктің сатылуы жалға алушылардың құқықтарын бұзады деп есептеді.

Жеке сот орындаушысы борышкердің барлық материалдармен танысқанын, оның ішінде бағалау есептері мен мүлікті сатуға беру туралы қаулыны алғанын айтып, заң талаптарын сақтағанын мәлімдеді. АТФ Банк өкілі де ЧСИ-дің әрекеттерін қолдап, «Айнур» ЖШС-нің банктің рұқсатынсыз мүлікті жалға беруі кепіл шартының бұзылуы екенін айқындады.

Бірінші сатыдағы соттың шешімі: 2018 жылдың 11 маусымында Бостандық аудандық соты шағымды қанағаттандырудан бас тартты. Соттың пікірінше, ЖСО-ның әрекеттері заңға сәйкес жасалған, ал шағымда көрсетілген дәлелдер нақты расталмаған.

Апелляциялық инстанцияның қорытындысы: Алматы қалалық сотының азаматтық істер жөніндегі сот алқасы іс материалдарын зерттеп, бірінші саты сотының шешімін дұрыс деп таныды.

Сот алқасы мынандай қорытындыға келді:

- ЖСО-ның әрекеттері ҚР «Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушылар мәртебесі туралы» Заңға сәйкес жүзеге асырылған;
- борышкер мүліктің бағалау нәтижелерімен және сатуға беру туралы қаулымен таныстырылған;
- заңда электрондық сауда өткізу туралы қосымша хабарлау міндеті көзделмеген;
- жалға алушылардың құқықтары бұзылғаны дәлелденбеген;
- бағалау құжаттары мен қаулы заң тәртібімен жойылған немесе жарамсыз деп танылған жоқ.

Сондықтан сот алқасы бірінші инстанция шешімін өзгеріссіз қалдырып, шағымды қанағаттандырмады.

Қорытындылай келе, бұл іс атқарушылық өндіріс саласындағы жеке сот орындаушылардың өкілеттігін түсіндіруде маңызды прецедент болып табылады. Соттар ЖСО-ның жылжымайтын мүлік орналасқан жерде іс-әрекет жасауына құқық берілгенін растады, егер ол заңмен белгіленген тәртіпті сақтаса. Сонымен қатар, сот борышкерді мүлікті бағалау туралы хабардар ету процедурасы жеткілікті деп тапты, ал сауда туралы қосымша хабарлама жіберу міндетті емес екенін айқындады.

Осылайша, бұл кейс жеке сот орындаушысының іс-әрекеттерінің заңдылығын растады және атқарушылық өндірісте тараптардың процестік тәртібін сақтаудың маңыздылығын көрсетті.

Ұлттық практикада кездесетін осы сот шешімі сияқты кейстерді талдай келе, борышкердің мүлкінен ақы өндіріп алу тәртібіндегі мүлікті жария сауда саттыққа шығармас бұрын, борышкерді хабардар ету маңызын байқауға болады.

Атқарушылық іс жүргізудің негізгі мақсаты кредиторлар мен борышкерлердің құқықтары мен заңды мүдделерін қорғау, сондай-ақ сот актілерінен және басқа да құжаттардан туындайтын міндеттемелердің орындалуын қамтамасыз ету болып табылатынын белгілейді. Заңға сәйкес атқарушылық іс жүргізу сот, нотариус немесе басқа уәкілетті орган бере алатын атқару парағы негізінде қозғалады. Атқару парағы борышкердің мүлкін өндіріп алудың негізі болып табылады және оның болуы атқарушылық іс жүргізуді қозғаудың міндетті талабы болып табылады. Атқару құжаты заңда белгіленген белгілі бір талаптарға, оның ішінде лауазымды тұлғаның қолы, мөрі және оның заңдылығы мен негізділігін растайтын басқа да деректемелерге сәйкес келуі керек екенін ескерген жөн.

Қазақстандағы борышкер мүлкінен төлем алудың құқықтық негіздері әртүрлі нормативтік құқықтық актілермен реттеледі, олардың арасында Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі, «Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы» Заңы және азаматтардың құқықтарын қорғауға қатысты басқа да актілер ерекше орын алады. Атап айтқанда, экономикалық тұрақсыздық және халықтың несиелік ұйымдар алдындағы қарызының өсуі жағдайында жалғыз тұрғын үйден төлемдерді алу мүмкіндігі мәселесі өзекті болуда. (Исаханов С., 2020 ж.)

Борышкер мүлкінен төлемдерді өндіру бойынша атқарушылық іс жүргізуді қозғау тәртібі мұқият зерделеуді қажет етеді, өйткені ол түпкілікті нәтижеге айтарлықтай әсер ететін көптеген кезеңдерді және мүмкіндіктерді қамтиды. Атқарушылық іс жүргізу кезінде баспана

иесінің құқықтарын қорғаудың мүмкін жолдары да ерекше назар аударуға тұрарлық. Борышкерлер өз мүдделерін қорғауға құқылы және бұл үшін заңда оларға бірқатар тетіктер қарастырылған. Алайда іс жүзінде бұл механизмдердің көпшілігі қолжетімсіз немесе тиімсіз болып шығады, бұл қосымша талдаулар мен қолданыстағы жүйені жетілдіру бойынша ұсыныстарды қажет етеді.

Сот тәжірибесі борышкерлер мен кредиторлардың нақты тәжірибесі бойынша көптеген мәселелердің шешімін таппағанын көрсетеді, ал құқық қолдану тәжірибесі неғұрлым нақты және дәйекті тәсілдерді қажет етеді. Атқарушылық іс жүргізу шеңберінде борышкер мүлкінен төлемдерді өндіріп алу мәселесін қолданудың тиімділігі тек заңнамаға ғана емес, процеске қатысушылардың құқықтық сауаттылық деңгейіне, олардың құқықтары мен мүдделерін қорғау қабілетіне де байланысты екенін атап өткен жөн. (Исаханов С., 2020 ж.)

Сонымен қатар, қазіргі таңда өзекті мәселеге айналып отырған борышкердің жалғыз баспанасынан ақы өндіріп алу тәртібін зерттеуге көшсек болады.

Қазақстан Республикасында атқарушылық іс-жүргізу аясында ерекше назар аударатын күрделі мәселелерінің бірі – борышкердің жалғыз тұрғын үйінен ақы өндіріп алу мүмкіндігі. Бұл мәселе азаматтардың тұрғын үйге конституциялық құқығы мен кредиторлардың өз талаптарын қанағаттандыру құқығы арасындағы тепе-теңдікті сақтауды талап етеді.

ҚР “Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы” Заңының 62 бап 1 тармағында: Сот орындаушысы атқарушылық құжаттың орындалуын қамтамасыз ету мақсатында борышкердің мүлкіне, оның ішінде заңда көзделген жағдайларда прокурордың санкциясымен тыйым салуға міндетті. Бұл ретте сот орындаушысы атқарушылық құжаттың орындалуын қамтамасыз ету үшін өндіріліп алынатын сомаға мөлшерлес, борышкерге тиесілі бүкіл мүлікке бір мезгілде тыйым салуға құқылы. (ҚР “Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы” Заңы)

Атқарушылық іс-жүргізу саласында шетел тәжірибесінде көбінесе кездесетін құқықтық термин “атқарушылық иммунитет”, осы терминнің мәнін түсінуге тырысып көрейік. Атқарушылық иммунитет - ол борышкердің меншігіндегі жалғыз тұрғын үй-жайға өндіріп алуға заңмен белгіленген тыйым салуды білдіреді. Егер азаматта бірнеше тұрғын үй объектілері болса, қорғау борышкердің өзі және оның отбасы мүшелері нақты тұратын тұрғын үйге қолданылады. Сонымен қатар, орындаушылық (атқарушылық) иммунитеттің әрекеті тұрғын үйдің өзін ғана емес, сонымен бірге ол орналасқан жер учаскесін де қамтиды. Бұдан басқа, иммунитет атқарушылық іс жүргізу шеңберінде алып қоюға жатпайтын жеке пайдалануға арналған заттарға, үй жағдайына, үй жануарларына және мүліктің өзге де түрлеріне қолданылады.

Сонымен қатар, иммунитеттің әсерінен ипотека шарты бойынша кепілге қойылған жылжымайтын мүлік алынып тасталады. Мұндай жылжымайтын мүлік борышкердің отбасының жалғыз тұрғын үйі болған және онда кәмелетке толмаған балалар тіркелген жағдайларда да берешекті өтеу есебінен сатылуы мүмкін. Айта кету керек, орындаушылық иммунитеттің қолданылуы туралы мәселені қарау кезінде соттар әр жағдайда жеке шешім қабылдай отырып, істің нақты жағдайларына негізделіп шешім шығарады.

Сурет 1. Атқарушылық іс жүргізуде борышкердің мүлкін өндіріп алудың құқықтық сипаты

Ескерту: Автордың зерттеуі негізінде құрастырылды

Жалғыз тұрғын үйден ақы өндіріп алуға жол беру туралы мәселені шешкен кезде сот мынадай құқықтық критерийлерді ескеруі қажет:

1. "Атқарушылық иммунитетті қолданудан бас тарту" ең төменгі әлеуметтік нормаларға сәйкес келетін және сол елді мекен шегінде орналасқан борышкер мен оның отбасының тұруға жарамды тұрғын үй-жайға құқығынан айырылуына әкеп соқтырмауға тиіс;

2. Объектінің нарықтық құнын берешек мөлшерімен байланыстыру қажет: егер тұрғын үйді сату қарызды едәуір жабуды қамтамасыз ете алса, бұл өндіріп алу пайдасына дәлел бола алады;

3. Мүліктік иммунитеттің жоғалуы салдарынан тұрғын үй жағдайларының нашарлауы борышкерді атқарушылық немесе банкроттық іс жүргізу шеңберінде расталған осындай салдарлармен өз еркімен келіскен жағдайларды қоспағанда, басқа елді мекенге көшуге мәжбүрlemeуге тиіс.

Бұл қаулының маңызды аспектісі оның дәрменсіздік (банкроттық) туралы істер шеңберінде ғана емес, сонымен қатар борышкердің мүлкі тыйым салынатын басқа жағдайларда да қолданылатындығы болып табылады.

Қазақстан Республикасының заңнамасы азаматтардың тұрғын үйге құқығын қорғауға бағытталған. ҚР "Атқарушылық іс-жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы" Заңының 61-бабына сәйкес: өндіріп алуға болмайтын мүліктің тізбесі көрсетілген, олар: үй жағдайындағы заттар, шаруашылық құрылыстар, отын, мал, мүгедектердің арнайы көлігі, тамақ өнімдері, халықаралық сыйлықтар. Заңда борышкердің және оның отбасы мүшелерінің тұрақты тұратын жалғыз үйінен ақы өндіріп алуға тыйым салынатын жағдайлар нақты көрсетілмеген. Яғни, тұрғын үй туралы ештеңе жазылмаған. Қолданыстағы қазақстандық заңнамада жалғыз тұрғын үйді өндіріп алу мәселесі бойынша шектеулер жоқ, өндіріп алуға тыйым салынған мүліктің құрамына кірмейді. Қазақстан Республикасының Конституциясы "Қазақстан Республикасында азаматтарды тұрғын үймен қамтамасыз ету үшін жағдайлар жасалып жатқаны" туралы жазылған (25-баптың, 2 тармағында).

Алайда, аталған норманың қолданылу аясы шектеулі. Егер тұрғын үй ипотека шарты бойынша кепілге қойылған болса, және борышкер міндеттемелерін орындамаса, онда бұл үйден ақы өндіруге жол берілуі мүмкін. Бұған қоса, сот тәжірибесінде борышкердің әрекеттерінде қасақаналық белгілері анықталған жағдайлар да кездеседі, мысалы, борышкер қарыздарын төлемеу мақсатында мүлкін жасырған немесе жалған мәліметтер ұсынған жағдайда, оның жалғыз үйінен де ақы өндірілуі мүмкін. (Исаханов С., 2020 ж.)

Борышкер-азаматқа меншік құқығымен тиесілі тұрғын үй - жайға (оның бөліктеріне) қатысты мүлктік (орындаушылық) иммунитет-атқарушылық іс жүргізуге қатысушылар ретінде кредитордың (Өндіріп алушының) және борышкер-азаматтың құқықтары мен заңды мүдделерін қорғауды қамтамасыз ету кезінде пропорционалдылықтың Конституциялық қағидатын іске асыру мақсатында-өзінің объективті сипаттамалары (параметрлері) бойынша тұрғын үй-жайға таратылуға тиіс) тіршілікті қамтамасыз етудің қажетті құралы ретінде тұрғын үйге конституциялық маңызды қажеттілікті қанағаттандыру үшін жеткілікті болып табылады.

Мөлшері орташа көрсеткіштерден едәуір асатын, ал құны Өндіріп алушының мүлктік талаптарын қанағаттандыру үшін борышкер азаматтың және оның отбасы мүшелерінің тұрғын үйіне конституциялық құқықтың мәніне нұқсан келтірместен жеткілікті болуы мүмкін. Тұрғын үйде борышкердің мүлктік мүдделерін тек өндіріп алушының мүдделеріне нұқсан келтіре отырып сақтау қанша, демек, бұл борышкер мен кредитордың (Өндіріп алушының) атқарушылық іс жүргізуге қатысушылар ретіндегі мүдделерінің теңгерімін бұзу болып табылады. (Данабаев Т., Исполнительное производство и единственное жилье)

Қазақстан заңнамасы борышкерлердің әлеуметтік құқықтарын да, өндіріп алушылардың мүлктік құқықтарын да тиімдірек қорғауға ықпал ететін тиісті өзгерістер енгізе алады.

Борышкер банкрот болған жағдайда оның мүлкінің құқықтық режимі елеулі өзгерістерге ұшырайды. Заңнамада бір тұрғылықты жері бойынша орналасқан мүлікке өндіріп алу тәртібін реттейтін белгілі бір тетіктер белгіленген. Бұл тараптардың мүдделерінің тепе-теңдігін сақтау қажеттілігімен түсіндіріледі және мұндай мүлікті сату кезіндегі ерекшеліктер мен шектеулерге қатысты ережелерді мұқият әзірлеуді талап етеді. Борышкер банкрот болған жағдайда оның кредиторлары өз талаптарын қанағаттандыруға құқылы екенін ескеру маңызды, бірақ бұл айыру есебінен болмауы керек.

Қазақстан Республикасының азаматтық іс жүргізу заңнамасында атқарушылық іс жүргізу барысында борышкердің жылжымайтын мүлкіне өндіріп алуды қолдану тәртібі арнайы реттелген. Атап айтқанда, Қазақстан Республикасының Азаматтық іс жүргізу кодексіне 2020 жылғы 10 маусымдағы №342-VI «Соттардың жұмысының заманауи форматтарын енгізу, артық сот рәсімдері мен шығындарын қысқарту мәселелері бойынша Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексіне өзгерістер мен толықтырулар енгізу туралы» Заңымен 250-1-бап енгізілді.

Аталған норма атқарушылық іс жүргізуде борышкердің жылжымайтын мүлкіне өндіріп алуды сот арқылы қолданудың нақты құқықтық тетігін айқындауға бағытталған. Бұл ретте сот орындаушысы борышкердің жылжымайтын мүлкіне өндіріп алуды қолдану мәселесін соттың қарауына ұсына алады. Сот істі қарай отырып, борышкердің мүлктік жағдайын, өндіріп алушының талаптарының негізділігін, сондай-ақ тараптардың құқықтары мен заңды мүдделерінің теңгерімін ескере отырып тиісті шешім қабылдайды. (Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексі, 2015 ж.)

250-1-баптың енгізілуі атқарушылық іс жүргізудің тиімділігін арттыруға және борышкердің жылжымайтын мүлкіне қатысты дауларды соттық бақылау арқылы шешуге мүмкіндік берді. Қазіргі уақытта бұл норма тәжірибеде кеңінен қолданылып, аталған мәселе бойынша жеткілікті сот практикасы қалыптасқанын атап өткен жөн. Аталған құқықтық тетік, әсіресе борышкердің жалғыз тұрғын үйіне өндіріп алу мәселелерін қарау кезінде соттардың құқықтық позицияларын қалыптастыруда маңызды рөл атқарады.

Сот практикасында борышкердің жылжымайтын мүлкіне өндіріп алуды қолдану мәселелері нақты мән-жайларды жан-жақты бағалау арқылы шешіледі. Мысал ретінде Шығыс Қазақстан облысы Семей қалалық сотының ісін келтіруге болады. Аталған іс бойынша жеке сот орындаушысы Сұлтанбеков Талғат Оразбекұлы борышкер Б.Ш.Т.-ға тиесілі Семей қаласы, 3 көшесі, 33-үй, 54-пәтерде орналасқан 4 бөлмелі пәтерге өндіріп алу туралы ұсыныспен сотқа жүгінген. Істі қарау барысында сот аталған пәтер ерлі-зайыптылардың ортақ бірлескен меншігі болып табылатынын, борышкердің үлесі сот тәртібімен айқындалмағанын және мүлікті ерікті түрде сату үшін берілген мерзім аяқталмай сотқа жүгінілгенін анықтады. (Закон и Право, 2022 ж.)

Сонымен қатар, Қазақстан Республикасы Азаматтық іс жүргізу кодексінің (бұдан әрі – АІЖК, ҚР АІЖК) 250-1-бабының 1-бөлігіне сәйкес борышкердің жылжымайтын мүлкіне өндіріп алу тек өзге мүлік есебінен берешекті өтеу мүмкін болмаған жағдайда ғана қолданылуы мүмкін. Ал АІЖК-нің осы бабының 3-бөлігіне сәйкес борышкер болып табылмайтын кепіл берушінің мүлкіне өндіріп алу туралы өтініш қарауға жатпайды. Іс бойынша пәтер борышкердің жұбайымен ортақ бірлескен меншікте болғандықтан, ол да тең меншік иесі болып табылады. (Закон и Право, 2022 ж.)

Бұдан басқа, Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының "Соттардың атқарушылық іс жүргізу туралы заңнаманың кейбір нормаларын қолдану туралы" 2017 жылғы 31 наурыздағы №1 нормативтік қаулысының 8-тармағына сәйкес ортақ бірлескен меншіктегі мүлікке өндіріп алу кезінде сот орындаушысы алдымен борышкердің үлесін сот тәртібімен айқындауы тиіс. Алайда бұл талап орындалмаған. (Закон и Право, 2022 ж.)

Осы мән-жайларды ескере отырып, сот ұсынысты мерзімінен бұрын берілген және заң талаптарына сәйкес келмейді деп танып, оны қанағаттандырудан бас тартқан.

Сот практикасы көрсеткендей, борышкердің жылжымайтын мүлкіне өндіріп алуды қолдану мәселелері соттардың жан-жақты бағалау пәні болып табылады. Мәселен, соттардың бірқатар істерінде сот орындаушысының борышкердің тұрғын үйіне өндіріп алуды қолдану туралы ұсыныстары сот талаптарына сәйкес келмеген жағдайда қанағаттандырусыз қалдырылған. Соттар мұндай жағдайларда ұсынылған құжаттардың заң талаптарына сәйкестігін, мүліктің құқықтық мәртебесін, сондай-ақ борышкердің және үшінші тұлғалардың құқықтарының бұзылмауын тексереді. Егер ұсыныс заң талаптарына сәйкес келмесе немесе мүлікке өндіріп алуды қолдану үшін жеткілікті негіздер анықталмаса, сот арызды қанағаттандырудан бас тартуы мүмкін.

Бұл практика соттардың атқарушылық іс жүргізу барысында борышкердің тұрғын үйіне өндіріп алуды қолдану мәселелерін қарау кезінде құқықтық тепе-теңдік қағидатын басшылыққа алатынын көрсетеді.

Осылайша, ҚР АПК-нің 250-1-бабы атқарушылық іс жүргізуде борышкердің жылжымайтын мүлкіне өндіріп алуды қолданудың соттық бақылау тетігін қамтамасыз етіп, борышкердің жалғыз тұрғын үйіне қатысты дауларды шешуде құқықтық тепе-теңдікті сақтауға бағытталған маңызды процессуалдық норма болып табылады.

Қазақстан Республикасының Азаматтық іс жүргізу кодексінің 251-бабында шешімді орындау барысында үшінші тұлғалардың құқықтарын қорғау тетігі көзделген. Сот тәжірибесі бұл норманың борышкер мүлкіне тыйым салу кезінде меншік иелері мен өзге заңды мүдделі тұлғалардың құқықтарын қорғауда маңызды рөл атқаратынын көрсетеді.

Қазақстан Республикасы Азаматтық іс жүргізу кодексінің 251-бабы «Шешімді орындау кезінде басқа адамдардың құқықтарын қорғау» деп аталады. Аталған норма атқарушылық іс жүргізу барысында борышкерге тиесілі деп танылып, тыйым салынған мүлікке қатысты үшінші тұлғалардың құқықтарын қорғауға бағытталған.

Сот практикасы бұл баптың негізінен келесі жағдайларда қолданылатынын көрсетеді:

– борышкер мүлкі деп танылған мүлікке үшінші тұлғалардың меншік құқығын даулауы кезінде;

– ортақ (үлестік немесе бірлескен) меншік режиміндегі мүлікке тыйым салынғанда;

– некеде алынған мүлікті өндіріп алу барысында жұбайының құқықтары қозғалғанда.

Практикада жиі кездесетін даулардың бірі – атқарушылық әрекеттер аясында борышкер мүлкі ретінде тізімге енгізілген жылжымайтын мүлікке үшінші тұлғаның меншік құқығын тану туралы талап қою. Мұндай істерде соттар мүліктің нақты иесін анықтау үшін сатып алу-сату шарттарын, мемлекеттік тіркеу деректерін, төлем құжаттарын және мүлікті нақты пайдалану фактілерін жан-жақты зерттейді.

Жоғарғы Соттың құқық қолдану тәжірибесін талдау барысында, соттар 251-бапты қолдану кезінде формальды меншік тіркеуімен ғана шектелмей, мүліктің пайда болу негізіне, тараптардың ниетіне және мүлікті нақты иелену белгілеріне мән беретіні байқалды. Бұл үшінші тұлғалардың құқықтарын қорғаудың тиімді тетігі ретінде қалыптасқанын көрсетеді.

Сот практикасы сондай-ақ алименттік және өзге де әлеуметтік маңызды талаптар бойынша өндіріп алу кезінде үшінші тұлғалардың құқықтары мен өндіріп алушының мүдделері арасында әділ тепе-теңдік сақтауға ұмтылатынын аңғартады. Осылайша, АІЖК-нің 251-бабы Қазақстан Республикасында атқарушылық іс жүргізу барысында үшінші тұлғалардың құқықтарын қорғаудың негізгі процессуалдық кепілдіктерінің бірі ретінде қалыптасқан және оны қолдану сот тәжірибесінде тұрақты сипатқа ие болып келеді.

Борышкердің жалғыз тұрғылықты жерінде орналасқан мүлікті сатудың шектеулері мен ерекшеліктері құқықтық реттеудің маңызды аспектісі болып табылады. Заңдар өндіріп алуға жатпайтын мүліктің тізбесімен қатар, сондай-ақ оны өткізу тәртібін белгілейді. Бұл борышкерді кредиторлардың шектен тыс қысымынан қорғауға және оның лайықты өмір сүру құқығын қамтамасыз етуге мүмкіндік береді. Айта кету керек, мұндай шектеулер істің нақты жағдайларына байланысты әр түрлі болуы мүмкін, бұл әрбір іске жеке қарауды қажет етеді.

Борышкердің мүлкін сату кезінде үшінші тұлғалардың құқықтарын қорғау да назар аударуды қажет ететін маңызды аспект болып табылады. Мүлікті сату процесінде үшінші тұлғалардың құқықтарының бұзылуы мүмкін жағдайлар туындауы мүмкін. Бұл, мысалы, мүлік үшінші тұлғалардың құқықтарын ескере отырып сатып алынған немесе оған ауыртпалықтар салынған жағдайларға қатысты болуы мүмкін. Заңнамада мұндай тұлғалардың мүдделерін қорғайтын және ықтимал теріс әрекеттердің алдын алатын тетіктер қарастырылуы керек.

Құқықтық реттеу жүйесінде борышкердің мүлкін сату кезіндегі теріс әрекеттердің алдын алудың құқықтық тетіктері ерекше орын алады. Борышкерлердің де, кредиторлардың да теріс пайдалануын болдырмау үшін банкроттық рәсімдерінің ашық және болжамды болуы

маңызды. Процеске барлық қатысушылардың құқықтарын тиімді қорғау – дауларды әділ шешудің және экономикалық жүйедегі тұрақтылықты сақтаудың кепілі.

Борышкердің жалғыз тұрғылықты жеріндегі мүліктің құқықтық режимін қолданудың практикалық аспектілері ерекше назар аударуды қажет етеді. Тәжірибеде қандай мүлікті өндіріп алудан шығаруға болатынын және қайсысы сатылуға жататынын анықтауда қиындықтар жиі туындайды. Бұл саладағы сот тәжірибесінің де өзіндік ерекшеліктері бар және процеске қатысушылар бетпе-бет келетін үрдістер мен проблемаларды анықтау үшін талдауды талап етеді.

Сот орындаушыларының қызметі туралы ашық есептерден және электрондық саудасаттықтың мониторингі бойынша жасалған статистикалық мәліметтерге сүйенсек, соңғы үш жылда Қазақстанда борышкерлердің жалғыз баспанасынан ақы өндіріп алу шаралары бойынша істердің саны біртіндеп артып келе жатқаны байқалады. 2022 жылы бұл санаттағы істер бойынша 1 140 талап-арыз тіркелсе, 2024 жылы олардың саны 1 389-ға дейін көбейген. Сонымен қатар, қанағаттандырылған істер саны да өскен — 412-ден 553-ке дейін. Бұл өз кезегінде, соттардың мұндай дауларда өндіріп алушы тараптың пайдасына жиі шешім шығара бастағанын көрсетеді.

Іс жүзінде мүлікті өндіріп алу бойынша нақты орындалған жағдайлар да айтарлықтай артқан: 2022 жылы 95 нысан сатылымға шығарылса, 2024 жылы бұл көрсеткіш 147-ге жеткен. Сол сияқты, сатылған тұрғын үйдің орташа бағасы да өсіп отыр — 26,4 миллион теңгеден 31,7 миллион теңгеге дейін. Бұл өзгеріс, бір жағынан, тұрғын үй нарығындағы жалпы бағаның өсуімен байланысты болса, екінші жағынан, саудаға шығарылатын мүлік құрылымының өзгеруін де аңғартады — яғни, неғұрлым өтімді, бағасы жоғары нысандарға басымдық берілуде.

Алайда, аталған істердің жалпы атқарушылық іс жүргізудегі үлесі салыстырмалы түрде төмен: жыл сайын тіркелетін шамамен 400 мың атқарушылық істің ішінде мұндай даулардың үлесі 0,35 %-дан 0,41 %-ға дейін ғана. Алайда, бұл көрсеткіштің де жыл сайын артып келе жатқанын ескеру қажет. Жеке тұлғаның жалғыз баспанасынан ақы өндіріп алу шарасын қолдану — әлеуметтік тұрғыдан аса сезімтал мәселе болғандықтан, бұл бағытта заңнамалық тұрғыда да, құқық қолдану тәжірибесінде де аса мұқият және тепе-тең көзқарас қажет.

Борышкердің жалғыз тұрғылықты жерінде орналасқан мүлікке борышкер өз қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін, сондай-ақ кәсіпкерлік қызметті жүзеге асыру үшін пайдаланатын мүліктің барлық түрлері жатады. Бұл жылжымалы немесе жылжымайтын мүлік, оның ішінде тұрғын үй-жайлар, жер учаскелері, көлік құралдары, тұрмыстық заттар, сондай-ақ борышкердің меншігі болып табылатын басқа да заттар болуы мүмкін. Қолданыстағы заңнамаға сәйкес борышкердің жалғыз тұрғылықты жерін анықтаудың кредиторлардың құқықтарына да, борышкердің өз құқықтарына да қатысты заңды салдары болатынын атап өткен жөн.

Азаматтық заңнамаға сәйкес борышкердің тұрақты немесе басым тұратын мекен-жайы жалғыз тұрғылықты жері болып табылады. Бұл орын тек юрисдикцияны анықтауға ғана емес, сонымен қатар мүліктің құқықтық жағдайын бағалауға да қызмет етеді. Борышкерге тиесілі, бірақ оның қажеттіліктерін қанағаттандыру үшін пайдаланбаған мүлікке қарағанда, тұрғылықты жері бойынша орналасқан мүлік ерекше қорғауға жатады. Осылайша, заң мұндай мүлікті мәжбүрлеп алып қоюға шектеулерді белгілейді, бұл азаматтардың тұрғын үй және ең төменгі өмір сүру жағдайларына құқықтарын қорғау қажеттілігімен байланысты.

Борышкердің жалғыз тұрғылықты жерінде орналасқан мүліктің сипаттамаларын оның құқықтық мәртебесі, функционалдық мақсаты және әлеуметтік мәні призмасы арқылы қарауға болады. Ең алдымен, мұндай мүлік, әдетте, борышкер банкрот болған жағдайда, оның алименттерді, салықтарды немесе басқа да міндетті төлемдерді төлеу жөніндегі міндеттемелері бойынша берешекті өтеуге қатысты жағдайларды қоспағанда, қамауға алуға және тыйым салуға жатпайтынын атап өткен жөн. Себебі, заңнама борышкерге тұрғын үй мен өмірге қажетті заттардың болуын қамтитын қалыпты өмір сүру мүмкіндігін қамтамасыз етуге ұмтылады.

Сонымен қатар, борышкердің жалғыз тұрғылықты жерінде орналасқан мүлік көбінесе борышкердің өзі және оның отбасы үшін ерекше құндылыққа ие. Бұл тек негізгі қажеттіліктерді қамтамасыз ететін заттарды ғана емес, сонымен қатар отбасылық мұралар, сыйлықтар және жеке тарих пен естеліктермен байланысты басқа да заттар сияқты эмоционалдық және мәдени құндылығы бар заттарды қамтуы мүмкін. Сондықтан борышкердің мүлкіне қатысты мәселелерді реттейтін заңнама тек экономикалық емес, әлеуметтік аспектілерді де ескеруі керек. (Қазақстан Республикасының "Тұрғын үй қатынастары туралы" Заңы)

Мысалы, салыстырмалы құқықтық талдау Қазақстандағы жалғыз тұрғын үйді қорғау тетіктерінің бірқатар шетелдік модельдерден (Германия, Франция, Польша) едәуір әлсіз екенін көрсетті. Мысалы, Германияда борышкерге міндетті түрде әлеуметтік тұрғын үй ұсынылады, ал Польшада өндірілген мүлік құнының бір бөлігі жаңа, ең төменгі тұрғын үй сатып алуға жеткілікті болуы қажет. Францияда медиация институты мен әлеуметтік қорғау механизмдері міндетті түрде қолданылады. Бұл елдерде мемлекеттің әлеуметтік міндеттемелері тұрғын үйге қатысты құқықтарды қорғаудың жоғары стандарттарын қамтамасыз етеді.

Сонымен қатар, ҚР “Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы” Заңнамасын жетілдіру бойынша ұсыныстарым:

1. Ерекше жағдайларда жалғыз тұрғын үйден ақы өндіріп алуға жол беретін заңға өзгертулер енгізу:

- егер тұрғын үй ауданы мен құны бойынша әлеуметтік стандарттардан едәуір асып кетсе;
- егер борышкер мен оның отбасы аталған тұрғын үйде тұрмаса;
- егер тұрғын үй элиталық жылжымайтын мүлік объектісі болса, ал борышкердің басқа активтері болмаса.

2. Пропорционалдылық принципін бекіту - атқарушылық иммунитет борышкердің құқығын қорғағанмен, өндіріп алушының да мүдделерін ескере отырып қолданылуы керек.

3. Ауыстырылатын тұрғын үй механизмін әзірлеу: мүлікті сату және борышкер мен оның отбасы мүшелерін ең төменгі тұрғын үй стандарттарына сәйкес келетін басқа тұрғын үймен қамтамасыз ету мүмкіндігін қамтамасыз ету.

4. Халықаралық органдардың құқықтық ұстанымдары мен шетелдік тәжірибені ескере отырып, Қазақстандағы осындай даулар бойынша сот практикасын дамытуды ынталандыру.

Бұл саладағы әділдік пен заңдылықты қамтамасыз етуде борышкердің мүлкін сату кезіндегі теріс әрекеттердің алдын алудың құқықтық тетіктері де басты рөл атқарады. Қолданыстағы нормалар борышкерлерді де, кредиторларды да әділетсіз әрекеттерден қорғауға бағытталуы керек. Бұл мүлікке билік ету процесін бақылау шараларын да, заңсыз әрекеттерге шағымдану тетіктерін құруды да қамтуы мүмкін. Борышкерлердің де, кредиторлардың да құқықтарын тиімді қорғау неғұрлым тұрақты және болжамды құқықтық ортаны қалыптастыруға ықпал етеді.

Борышкердің жалғыз тұрғылықты жеріндегі мүліктің құқықтық режимін қолданудың практикалық аспектілері де талқылаудың маңызды тақырыбы болып табылады. Тәжірибеде көптеген борышкерлер өз құқықтарын жүзеге асыруда қиындықтарға тап болады, бұл өз құқықтарын жеткіліксіз білуге де, тиімді қорғау тетіктерінің болмауына да байланысты болуы мүмкін. Сондықтан азаматтарды құқықтық тәрбиелеу бағдарламаларын әзірлеп, жүзеге асыру, сондай-ақ заң қызметтеріне қолжетімділікті жақсарту қажет. Бұл борышкерлерге өз мүдделерін тиімдірек қорғауға және үйлерінен айырылу қаупін азайтуға көмектеседі.

Борышкердің мүлкі мәселелері бойынша заңнама мен тәжірибенің даму тенденциялары да назар аударуды қажет етеді. Соңғы жылдары борышкерлерге қойылатын талаптарды қатайту үрдісі байқалуда, бұл азаматтардың әлеуметтік жағдайына кері әсерін тигізуі мүмкін. Дегенмен, сонымен бірге борышкерлердің құқықтарын қорғау мәселелеріне қызығушылық артып отыр, бұл азаматтардың осы санатының құқықтық жағдайының жақсаруына әкелуі мүмкін. Заңнаманың қиын қаржылық жағдайдағы азаматтардың құқықтарын барынша қорғау бағытында дамуы және қазіргі заманғы шындық пен қоғамның қажеттіліктерін ескеруі маңызды.

Қорытынды

Жұмыс барысында құқықтық негіздер, атқарушылық іс жүргізу тәртібі, сот орындаушының құқықтық мәртебесі, квалификациясы, қызмет ақысына ақы төлеу тәртібі, сондай-ақ борышкер мүлкінен ақы өндіру кезектілігі, мүлікке бағалау жүргізу және жалғыз тұрғын үй, меншік иелерінің құқықтарын бағалау және қорғау ерекшеліктері, сондай-ақ ақы өндірудің практикалық аспектілеріне қатысты негізгі элементтер қарастырылды.

Зерттеу нәтижесінде жеке сот орындаушылары арқылы борышкердің жылжымайтын мүлкінен өндіріп алу рәсімі Қазақстан Республикасының қолданыстағы заңнамасында жеткілікті деңгейде регламенттелгені анықталды. Сонымен қатар, практикалық қызмет барысында туындайтын құқықтық даулар көбінесе үшінші тұлғалардың құқықтарын қорғау және мүлікті өткізу рәсімдерінің ашықтығына байланысты екені белгілі болды.

Тұрғын үйден төлемдерді өндіру бойынша атқарушылық іс жүргізуді қозғау тәртібі мұқият қарауды талап ететін негізгі кезең болып табылады. Атқарушы органдардың барлық әрекеттері заңды және негізді болуы маңызды, бұл өз кезегінде азаматтардың сот жүйесіне сенімін арттыруға ықпал етеді.

Қазақстандағы жалғыз баспана мәртебесі қарызды өндіріп алу жағдайында ерекше маңызға ие. Заңнама азаматтардың мүдделерін қорғайды, егер бұл борышкерді шатырдан айыруға әкеп соқтырса, жалғыз баспана мәжбүрлеп өндіріп алу нысанасы бола алмайтынын көрсетеді. Алайда, іс жүзінде бұл мәртебеге қарсы шығуға болатын жағдайлар туындайды және борышкер баспанасынан айырылып қалу қаупі бар. Бұл жеке тұрғын үй мәртебесін нақтырақ анықтау және қорғау, сондай-ақ кредиторлар мен атқарушы органдар тарапынан теріс пайдаланудың алдын алу тетіктерін әзірлеу қажеттілігін көрсетеді.

Жалғыз тұрғын үйден төлемдерді алу кезіндегі бағалау қызметінің ерекшеліктері де ерекше назар аударуды қажет етеді. Тұрғын үйдің құнын дұрыс бағалау атқарушылық іс жүргізу нәтижелеріне әсер ететін маңызды аспект болып табылады. Зерттеу көрсеткендей, Қазақстанда бағалаушылардың біліктілігінің жеткіліксіздігіне, сондай-ақ бірыңғай бағалау стандарттарының болмауына байланысты бірқатар проблемалар бар. Бұл дұрыс емес

бағалауға алып келуі мүмкін, бұл өз кезегінде адам құқықтарын қорғау тетіктеріне кері әсерін тигізеді және азаматтардың жалғыз баспанасынан заңсыз айырылуына әкелуі мүмкін.

Жұмыста қарастырылған маңызды аспект – атқарушылық өндіріс процесінде жалғыз баспана иесінің құқықтарын қорғаудың ықтимал жолдары. Зерттеу барысында борышкерлердің өз мүдделерін қорғау үшін пайдалануға болатын бірқатар құқықтары бар екені анықталды. Алайда іс жүзінде олардың көпшілігі өз құқықтарын білмейді немесе оларды тиімді пайдалана алмайды. Бұл азаматтардың құқықтарын қорғаудың қолжетімді және түсінікті тетіктерін құру, сондай-ақ халық арасында құқықтық сана деңгейін арттыру қажеттілігін көрсетеді.

Атқарушылық іс жүргізу шеңберінде жалғыз тұрғын үйден төлемдерді өндіріп алу мәселесін қолдану тиімділігін талдау бұл процестің нәтижесіне әсер ететін бірқатар факторлардың бар екенін көрсетті. Жинаудың тиімділігі тек құқықтық нормаларға ғана емес, сонымен қатар атқарушы органдар қызметкерлерінің дайындық деңгейі мен біліктілігі сияқты практикалық аспектілерге, сондай-ақ процеске әртүрлі қатысушылардың өзара әрекеттестігіне байланысты екенін атап өткен жөн. Көптеген азаматтар қаржылық қиындықтарға тап болған жағдайда кредиторлардың да, борышкерлердің де мүдделерін ескеретін теңгерімді тәсілді қамтамасыз ету маңызды.

Осыған байланысты Қазақстан Республикасының «Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы» Заңына борышкердің жалғыз тұрғын үйін өндіріп алудың нақты критерийлерін бекітетін норма енгізу орынды деп санаймын. Атап айтқанда:

- тұрғын үйдің әлеуметтік қажеттілік өлшемін анықтау;
- балама тұрғын үйдің бар-жоғын тексеру міндеті;
- әлеуметтік осал топтар үшін қосымша кепілдіктер енгізу.

Әдебиеттер тізімі

- Korgan Юридическая компания. (2015, 05 маусым). *Об исполнительном производстве в Казахстане.* [enforcement-proceedings-kazakhstan](#) Соңғы қаралған күні: 02.03.2026
- Ақмола облысының Әділет департаменті. (2024, 07 тамыз). *Атқарушылық іс жүргізу саласындағы мемлекеттік қызметтер.* [822757](#) Соңғы қаралған күні: 11.03.2026
- Александрычева Ю. (2024, 31 қазан). *Обращение взыскания на единственное жилье должника.* [1626861-obrashenie-vzyskaniya-na-edinstvennoe-zhile](#) Соңғы қаралған күні: 20.03.2026
- Атқарушылық іс жүргізу және сот орындаушыларының мәртебесі туралы. 2010 жылғы 2 сәуірдегі № 261-IV Заңы. [Z100000261](#)
- Данабаев, Т. (2016, 28 қараша). *Исполнительное производство и единственное жилье.* https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37757927 Соңғы қаралған күні: 24.02.2026
- Заң және құқық адвокаттық кеңсесі. (2022, 27 сәуір). *Борышкердің жылжымайтын мүлкін өндіріп алудан бас тартылды, соттың тыйым салынған пәтерді сатудан бас тартуы, жеке сот орындаушысының әрекеттерінен заңды қорғау.* [boryshkerdin-zhylzhymaytyn-mulkin-ondirip-aludan-bas-tartyldy-sottyn-tyyym-salyngan-paterdi-satudan-bas-tartuy-zheke-sot-oryndaushysynyn-areketterinen-zandy-qorgau](#) Соңғы қаралған күні: 24.03.2026

- Исаханов, С. (2020). *Об основных изменениях и дополнениях в Закон РК “Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей” важные нововведения.* <https://tks.law/ru/publications/ob-osnovnyh-izmeneniyah-i-dopolneniyah-v-zakon-rk-ob-ispolnitel-nom-proizvodstve-i-statuse-sudebnyh-ispolniteley-ot-26-06-2020-g-vazhnye-novovvedeniya> Соңғы қаралған күні: 18.02.2026
- Қазақстан Республикасы азаматтарының төлем қабілеттілігін қалпына келтіру және банкроттығы туралы. 2022 жылғы 30 желтоқсандағы № 178-VII ҚРЗ. [Z2200000178](#)
- Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексі. 1994 жылғы 27 желтоқсандағы № 268-XIII. [K940001000](#)
- Қазақстан Республикасының Азаматтық процесілік кодексі. 2015 жылғы 31 қазандағы № 377-V ҚРЗ. [K1500000377](#)
- Қазақстан Республикасының Конституциясы. 1995 жылғы 30 тамызда республикалық референдумда қабылданды. [compare](#)
- Сот қаулысы. (2018). [2100636417](#)
- Соттардың атқарушылық іс жүргізу туралы заңнаманың кейбір нормаларын қолдану туралы. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының 2017 жылғы 31 наурыздағы № 1 Нормативтік қаулысы. [P170000001S](#)
- Тұрғын үй қатынастары туралы. 1997 жылғы 16 сәуірдегі № 94 Заңы. [Z970000094](#)

References

- Aleksandrycheva Yu. (2024, 31 qazhan). *Obrashchenie vzyaskaniya na edinstvennoe zhile dolzhnika.* [1626861-obrashenie-vzyaskaniya-na-edinstvennoe-zhile](#) Songy qaralghan kun: 20.03.2026
- Aqmola oblysynyn Adilet departamenti. (2024, 07 tamyz). *Atqarushylyq is zhurgizu salasyndaghy memlekettik qyzmetter.* [822757](#) Songy qaralghan kun: 11.03.2026
- Atqarushylyk is jurgizu zhane sot oryndaushylarynyng martebesi turaly. 2010 zhylygy 2 sauirdegi № 261-IV Zany. [Z100000261](#)
- Danabaev, T. (2016, 28 qarasha). *Ispolnitelnoe proizvodstvo i edinstvennoe zhile.* https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37757927 Songy qaralghan kun: 24.02.2026
- Isakhanov, S. (2020). *Ob osnovnykh izmeneniyakh i dopolneniyakh v Zakon RK “Ob ispolnitelnom proizvodstve i statuse sudebnykh ispolniteley” vazhnye novovvedeniya.* <https://tks.law/ru/publications/ob-osnovnyh-izmeneniyah-i-dopolneniyah-v-zakon-rk-ob-ispolnitel-nom-proizvodstve-i-statuse-sudebnyh-ispolniteley-ot-26-06-2020-g-vazhnye-novovvedeniya> Songy qaralghan kun: 18.02.2026
- Korgan Yuridicheskaya kompaniya. (2015, 05 mausym). *Ob ispolnitelnom proizvodstve v Kazakhstane.* [enforcement-proceedings-kazakhstan](#) Songy qaralghan kun: 02.03.2026
- Qazaqstan Respublikasy azamattarynyng tolem qabiletiligin qalpyna keltiru zhane bankrottygy turaly. 2022 zhylygy 30 zheltoqsandagy № 178-VII QRZ. [Z2200000178](#)
- Qazaqstan Respublikasynyn Azamattyq kodeksi. 1994 zhylygy 27 zheltoqsandagy № 268-XIII. [K940001000](#)
- Qazaqstan Respublikasynyn Azamattyq protsestik kodeksi. 2015 zhylygy 31 qazhandagy № 377-V QRZ. [K1500000377](#)
- Qazaqstan Respublikasynyn Konstitutsiyasy. 1995 zhylygy 30 tamyzda respublikalyq referendymda qabyldandy. [compare](#)

Sot qaulysy. (2018). [2100636417](#)

Sottardying atqarushylyq is zhurgizu turaly zannamanyng keibir normalaryn qoldanu turaly. Qazaqstan Respublikasy Zhogharghy Sotynyng 2017 zhylgy 31 nauryzdagy № 1 Normativtik qaulysy. [P170000001S](#)

Turghyn uy qatynastary turaly. 1997 zhylgy 16 sauirdegi № 94 Zany. [Z970000094](#)

Zan zhane quqyq advokattik kensesi. (2022, 27 sauir). *Boryshkerding zhylzhymaityn mulkin ondirip aludan bas tartylady, sottyn tyym salyngan paterdi satudan bas tartuy, zheke sot oryndaushysynyn areketterinen zandy qorgau.* [boryshkerdin-zhylzhymaityn-mulkin-ondirip-aludan-bas-tartylady-sottyn-tyym-salyngan-paterdi-satudan-bas-tartuy-zheke-sot-oryndaushysynyn-areketterinen-zandy-qorgau](#) Songy qaralghan kun: 24.03.2026

IRSTI: 10.31.47

The issue of collecting fees from the debtor's real estate in the framework of enforcement proceedings in the Republic of Kazakhstan

Assel Zhumabaeva

SDU University, Kaskelen, Kazakhstan

email: 241401001@sdu.edu.kz

Abstract

This article is devoted to the peculiarities of judicial practice of collecting payments from the debtor's property in the framework of enforcement proceedings. In the judicial act enforcement system, important stages are the satisfaction of the creditor's claims by identifying, confiscating and selling the debtor's property. The article discusses various methods of identifying the debtor's property, including checking bank accounts, searching for real estate and movable property, as well as the possibility of collecting fees from a single dwelling. When confiscating property, special attention is paid to the conditions for compliance with the procedures established by law, including the preparation of an act of confiscation, the valuation of property and its storage. The article also analyzes the legal regulation of the issue of foreclosure from the debtor's only home in the Republic of Kazakhstan. The purpose of the study is to determine the balance between the right of inviolability of the home and the property interests of the creditor in the framework of enforcement proceedings. In the course of the research, methods of analyzing regulatory, comparative, and judicial practice were used. An empirical analysis of judicial acts for 2019-2024 has been carried out. The results of the study showed that the institution of executive immunity is not clearly established in Kazakh legislation and the principle of proportionality is unevenly applied. The author provides recommendations for improving legislation.

Keywords: enforcement proceedings, debtor, sole housing, collection of fees, judicial practice, Kazakhstan.

МРНТИ: 10.31.47

Вопрос взыскания платы с недвижимого имущества должника в рамках исполнительного производства в Республике Казахстан

Асель Жумабаева
SDU University, Каскелен, Казахстан
email: 241401001@sdu.edu.kz

Аннотация

Данная статья посвящена особенностям судебной практики взыскания платы с имущества должника в рамках исполнительного производства. В системе исполнения судебных актов важными этапами являются удовлетворение требований кредитора путем выявления, конфискации и продажи имущества должника. В статье рассматриваются различные методы выявления имущества должника, в том числе проверка банковских счетов, поиск недвижимого и движимого имущества, а также возможности взыскания платы с единственного жилья. При конфискации имущества особое внимание уделяется условиям соблюдения установленных законодательством процедур, в том числе составления акта конфискации, оценки имущества и его хранения. В статье также анализируется правовое регулирование вопроса взыскания с единственного жилья должника в Республике Казахстан. Целью исследования является определение баланса между правом неприкосновенности жилища и имущественными интересами кредитора в рамках исполнительного производства. В ходе исследования были использованы методы анализа нормативно-правовой, сравнительно-правовой и судебной практики. Проведен эмпирический анализ судебных актов за 2019-2024 годы. Результаты исследования показали, что в казахстанском законодательстве четко не закреплён институт исполнительного иммунитета и неравномерно применяется принцип соразмерности. Автор даёт рекомендации по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: исполнительное производство, должник, имущество, взыскание платы, законодательство, судебная практика, Казахстан.

Келіп түсті: 05 мамыр, 2025

DOI: <https://doi.org/10.47344/zhvsm025>

MPHTI: 10.89.01

Обеспечение автономии воли сторон в международных коммерческих контрактах: анализ национальных и международных механизмов

Балнур Келденбаева

SDU University, Каскелен, Казахстан

email: balnurkeldenbayeva@gmail.com

Абстракт

В статье рассматривается принцип автономии воли сторон как один из ключевых институтов международного частного права и международного коммерческого оборота. Исследуются исторические этапы становления данного принципа, его юридическая природа, а также соотношение материально-правовых и коллизионно-правовых элементов. Особое внимание уделяется анализу автономии воли в контексте законодательства Республики Казахстан, в частности статьи 1091 Гражданского кодекса Республики Казахстан. В работе обосновывается смешанный характер автономии воли сторон, сочетающий свободу договора и коллизионную функцию выбора применимого права. Выявляются основные проблемы правоприменения, связанные с определением действительной воли сторон, пределами допустимого выбора права, действием императивных норм и публичного порядка, а также с развитием цифровых и трансграничных договорных отношений. По результатам исследования делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования национального законодательства и выработки единых критериев оценки допустимости выбора применимого права в международных коммерческих отношениях.

Ключевые слова : автономия воли сторон, международное частное право, свобода договора, коллизионные нормы, императивные нормы, международные коммерческие договоры

Введение

Принцип автономии воли сторон справедливо считается одним из краеугольных камней современного частного международного права и международного коммерческого оборота. Его сущность заключается в признании за сторонами договора права самостоятельно выбирать применимое право, условия сделки и арбитражную юрисдикцию, в которой будут разрешаться возможные споры. Именно эта свобода обеспечивает гибкость, предсказуемость и эффективность международного делового взаимодействия.

В условиях глобализации, стремительного развития цифровых технологий и трансформации международных экономических связей значение принципа автономии воли существенно возрастает. Он выступает не только гарантом правовой стабильности и справедливого распределения рисков, но и важнейшим инструментом укрепления доверия в трансграничных коммерческих отношениях. Для субъектов международного бизнеса возможность свободно определить применимое право означает выбор предсказуемого правового режима, а значит – снижение издержек, связанных с неопределённостью законодательства и судебной практики различных государств.

Однако, несмотря на универсальное признание автономии воли как фундаментального принципа международного частного права, практическая реализация этого принципа сталкивается с рядом ограничений и противоречий.

Во-первых, различия в национальных правовых системах приводят к отсутствию единообразного подхода к пределам свободы договора. В одних государствах допускается практически неограниченная автономия сторон, в других – она ограничена императивными нормами, положениями о публичном порядке, принципами добросовестности и запретом обхода закона. Это многообразие правовых подходов создаёт неопределённость и потенциальные конфликты юрисдикций при выборе применимого права.

Во-вторых, международные правовые акты и унификационные инструменты – такие как Гаагские конвенции, Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, а также модельные законы ЮНСИТРАЛ – сыграли ключевую роль в формировании современного понимания автономии воли. Тем не менее, даже они не устраняют полностью противоречия между интересами суверенных государств и свободой частных лиц. В отдельных правопорядках сохраняются ограничения, продиктованные национальной правовой политикой, что препятствует формированию единообразной международной практики.

Наряду с технологическими изменениями, сохраняются и традиционные юридические вызовы, связанные с соотношением автономии воли и императивных норм. К числу таких проблем относятся:

- возможность применения норм публичного порядка, независимо от выбора сторон;
- допустимость выбора права, не связанного с правоотношением;
- пределы действия обязательных норм государства, наиболее тесно связанного с договором;
- признание недействительности соглашения о выборе права в случае нарушения принципов добросовестности.

Эти аспекты приобретают особую *актуальность* в контексте национального законодательства Республики Казахстан, где институт автономии воли сторон закреплён в статье 1091 Гражданского кодекса. Данная норма предоставляет сторонам право самостоятельно определять применимое право, но при этом сохраняет действие императивных положений, обеспечивающих защиту основ правопорядка и публичных интересов. Таким образом, казахстанское законодательство следует общепринятой международной тенденции, признавая автономию воли смешанным институтом, объединяющим материально-правовые и коллизионно-правовые элементы.

Юридическая природа автономии воли сторон проявляется в её двойственном характере.

С одной стороны, она представляет собой материально-правовую категорию, основанную на принципе свободы договора и выражающую право сторон самостоятельно определять содержание своих обязательств. С другой стороны, она обладает коллизионным измерением, поскольку выбор применимого права фактически выступает в качестве особой коллизионной привязки, определяющей, нормы какого государства будут регулировать соответствующее правоотношение.

Именно сочетание этих элементов делает автономию воли уникальным механизмом

согласования интересов государства и частных лиц, а также важнейшим инструментом правовой гармонизации на международном уровне.

Таким образом, автономия воли сторон выполняет не только договорно-регулятивную, но и системообразующую функцию: она служит мостом между частным и публичным началом в международном праве. Этот институт обеспечивает баланс между частной инициативой участников международного оборота и императивными началами государственного регулирования, что особенно важно в эпоху цифровизации и транснационализации правовых отношений.

Несмотря на нормативное закрепление автономии воли сторон в международных и национальных правопорядках, в современной правоприменительной практике отсутствует единообразный подход к определению действительной воли сторон при выборе применимого права.

В одних случаях суды и арбитражи исходят из формального толкования соглашения о выборе права, признавая приоритет прямо выраженного волеизъявления сторон. В других - анализируют экономическую цель договора, наличие объективной связи с выбранным правопорядком и возможный обход императивных норм.

Различие в подходах приводит к неодинаковым правовым последствиям при сходных обстоятельствах, что снижает уровень правовой определенности в трансграничных коммерческих отношениях.

Таким образом, *ключевой проблемой исследования* является отсутствие единых критериев оценки действительной воли сторон при реализации принципа автономии воли.

Исходя из этого, *цель настоящего исследования* заключается в комплексном анализе становления и развития принципа автономии воли сторон в международном частном праве, выявлении его юридической природы и роли в современной договорной практике. Задачи исследования включают:

- изучение исторических этапов формирования автономии воли и её доктринальных основ;
- анализ соотношения материальных и коллизионных аспектов автономии;
- рассмотрение особенностей её реализации в праве Республики Казахстан и в международных актах;
- выявление современных тенденций и проблем, возникающих при применении принципа автономии воли в цифровой и трансграничной среде.

Исследовательский вопрос: Каковы критерии определения действительной воли сторон при выборе применимого права и каким образом отсутствие единообразного подхода влияет на предсказуемость международных коммерческих отношений?

Научная новизна исследования заключается в авторском обосновании смешанного характера автономии воли сторон – как категории, объединяющей материально-правовые и коллизионно-правовые элементы. В работе предлагается новая интерпретация статьи 1091 ГК РК как нормы, выражающей двойственную природу автономии воли: с одной стороны, закрепляющей свободу сторон, а с другой – обеспечивающей действие императивных положений публичного порядка.

Научный вклад статьи состоит в уточнении критериев допустимости автономии воли при выборе применимого права и в выявлении тенденций её трансформации в условиях цифровизации международных сделок.

Обзор литературы. Принцип автономии воли сторон широко исследован в международном частном праве. Его теоретические основы заложены Ш. Дюмуленом и Ф. К. фон Савиньи, которые обосновали право сторон самостоятельно выбирать применимое право. В дальнейшем идея получила развитие в трудах Л. А. Лунца, М. М. Богуславского, Г. К. Матвеева, подчёркивавших необходимость баланса между свободой сторон и действием императивных норм.

Современные авторы (А. В. Асосков, Е. Н. Суханов) рассматривают автономию воли как смешанный институт, сочетающий материально-правовой и коллизионно-правовой аспекты. В зарубежной доктрине (А. Манчини, Р. Дэвид) она признаётся инструментом правовой гармонизации, но при этом отмечается риск злоупотреблений чрезмерной свободой выбора.

Международные акты – Принципы УНИДРУА, Принципы европейского договорного права, Гаагские конвенции – закрепляют автономию воли как базовый принцип, однако единообразия регулирования до сих пор не достигнуто.

Таким образом, остаются *научные пробелы*, связанные с определением пределов автономии воли, её соотношением с публичным порядком и применением в цифровой среде.

Исследование основано на использовании сравнительно-правового, формально-юридического и системного *методов* анализа. Применение сравнительного подхода позволило выявить особенности регулирования принципа автономии воли в различных национальных правовых системах и международных актах. Формально-юридический метод использовался для анализа норм Гражданского кодекса Республики Казахстан и международных конвенций, а системный – для определения взаимосвязи материально-правовых и коллизионно-правовых аспектов автономии воли.

Результаты исследования показали, что принцип автономии воли сторон обладает двойственной правовой природой, объединяя материально-правовые и коллизионно-правовые аспекты. Он выполняет функцию согласования интересов частных лиц и государства, обеспечивая баланс между договорной свободой и действием императивных норм. Установлено, что автономия воли является ключевым механизмом правовой гармонизации и предсказуемости международных коммерческих отношений, а также требует адаптации к современным условиям цифровизации и трансграничного взаимодействия.

Обсуждение обобщает полученные результаты и подчёркивает их значение для развития международного частного права. В исследовании показано, что принцип автономии воли сторон обеспечивает гибкость и предсказуемость международных договорных отношений, способствуя укреплению правовой определённости. Особое внимание уделено необходимости переосмысления данного принципа в условиях цифровизации, когда традиционные подходы требуют адаптации к новым формам трансграничных сделок. На основе анализа предложены направления для дальнейшего совершенствования правового регулирования автономии воли сторон и её практического применения в международных коммерческих отношениях.

Развитие автономии воли в международном частном праве

Изначально в римском праве юрисдикция по гражданским спорам определялась преимущественно на основе территориальных и персональных критериев, включая место

проживания ответчика, его гражданство, а также место заключения или исполнения договора. В спорах, касающихся права собственности, производство могло осуществляться *in rem*, то есть по месту нахождения соответствующей вещи. Такой подход исключал возможность осознанного выбора применимого права самими сторонами и отражал приоритет государственной власти в регулировании частноправовых отношений.

В общем праве аналогичные принципы сохранялись длительное время: споры подлежали рассмотрению в судах по месту совершения действия либо нахождения ответчика, что было связано с особенностями процессуальной системы и формированием суда из лиц, связанных с соответствующей территорией. Рассмотрение дел с иностранным элементом вызывало значительные затруднения, в связи с чем в судебной практике постепенно сформировались правовые фикции, позволявшие рассматривать такие дела в английских судах.

Со временем значение строгой территориальной привязки стало ослабевать. Законодательные реформы и развитие судебной практики привели к снижению роли местных процессуальных требований и способствовали разграничению между делами, требующими территориальной связи, и так называемыми переходными или личными действиями. Так, требования, связанные с правом собственности на недвижимость, по-прежнему рассматривались как местные дела, ограниченные местом нахождения имущества, тогда как споры, вытекающие из договорных обязательств, могли рассматриваться судами по месту нахождения ответчика. В результате внимание постепенно сместилось с места совершения событий на личную связь сторон с юрисдикцией суда.

На этом фоне идея автономии воли сторон начала приобретать всё большее значение. Уже в конце XVIII века в судебной практике общего права стали проявляться элементы признания соглашений сторон о выборе юрисдикции, особенно в сфере морского права. При этом такие соглашения ещё не рассматривались как полностью исключающие государственную юрисдикцию, однако суды допускали приостановление национального производства, если это отвечало интересам разумного и эффективного правосудия.

Значительное влияние на развитие теоретических основ автономии воли оказали взгляды Ф. К. фон Савиньи. Он связывал применимое право и юрисдикцию с так называемым «правовым местом» обязательства, определяемым объективными обстоятельствами заключения и исполнения договора. Хотя Савиньи не признавал автономию воли в её современном понимании, его концепция способствовала отходу от исключительно территориального подхода и заложила основу для учёта интересов частных лиц в международных обязательствах (Ф. К. фон Савиньи, 1848).

В конце XIX века интересы частных сторон получили более широкое признание в области юрисдикции. Суды начали отказывать в рассмотрении дел в случаях, когда стороны заранее согласовали иностранный суд или арбитражный трибунал. Даже при наличии действительных соглашений об арбитраже национальные суды допускали приостановление производства, что свидетельствовало о постепенном смещении акцента с исключительной государственной юрисдикции на волеизъявление участников правоотношения.

В XX веке идея автономии сторон получила дальнейшее развитие и широкое распространение, особенно в правопорядках общего права, а затем и в континентальной системе. Она нашла нормативное закрепление в ряде международных соглашений, предоставляющих сторонам возможность выбора форума и применимого права. Для континентальной правовой традиции этот процесс завершился позднее — с принятием

международных актов и регламентов, регулирующих выбор права в договорных и внедоговорных обязательствах.

Следует отметить, что, в отличие от выбора форума, элементы выбора применимого права существовали в международном частном праве значительно раньше. Уже в раннем Средневековье применение права нередко определялось на основе личного статуса лица, его этнической или племенной принадлежности. Хотя такие формы регулирования не являлись автономией воли в современном смысле, они свидетельствовали о постепенном отходе от исключительно территориального принципа. В этот период получили развитие ранние формы выбора права, включая *professio iuris*, представлявшую собой одностороннее волеизъявление лица.

Официального признания автономия сторон в средневековой статутной системе международного частного права не получила, однако косвенно учитывалась через применение права места заключения или исполнения договора. Новое осмысление автономии воли в выборе применимого права было предложено во Франции в XVI веке Шарлем Дюмуленом, который считается основателем современной доктрины автономии сторон (Гетьман-Павлова, 2009, стр. 3). Его подход исходил из приоритета намерений сторон над формальными территориальными связями и отражал потребности развивающейся международной торговли.

Влияние идей Дюмулена не было бесспорным. Ряд учёных, включая Д'Аржантре, настаивали на приоритете территориального права и публичных интересов государства (Mills, 2018, стр. 48). Попытка примирения этих подходов была предпринята голландскими мыслителями XVII века, в частности Хубером, который обосновывал применение иностранного права как проявление международного уважения, но при сохранении суверенитета государства над собственной территорией (Mills, 2018, стр. 77).

Несмотря на развитие доктрины, автономия воли сторон долгое время сохраняла неопределённый статус. Лишь в конце XIX – начале XX века судебная практика начала применять ограниченное понимание автономии, предоставляя сторонам возможность выбора между правом места заключения и правом места исполнения договора. Окончательное и широкое признание автономии воли в выборе применимого права произошло после Второй мировой войны, когда данный принцип был закреплён в международных конвенциях и унификационных актах и стал универсальным элементом современного международного частного права.

Сравнительный анализ автономии воли сторон и свободы договора

В научной литературе и правоприменительной практике нередко наблюдается смешение понятий свободы договора и автономии воли сторон, что затрудняет корректное понимание их юридической природы и функционального назначения. Несмотря на тесную взаимосвязь, данные категории относятся к различным уровням правового регулирования и выполняют неодинаковые задачи, особенно в контексте международного частного права.

Свобода договора представляет собой фундаментальный принцип материального гражданского права. Она выражается в праве субъектов самостоятельно вступать в договорные отношения, выбирать контрагента, определять содержание договора, а также изменять или прекращать обязательства по своему усмотрению в пределах, установленных законом. Данный принцип направлен на регулирование внутреннего содержания договорного

обязательства и действует в рамках конкретного национального правопорядка. Его пределы определяются императивными нормами материального права, требованиями добросовестности, разумности и справедливости, а также необходимостью защиты публичных интересов и слабой стороны договора.

Иная правовая природа характерна для автономии воли сторон в международном частном праве. В отличие от свободы договора, автономия воли не регулирует содержание договорных условий, а выполняет коллизионную функцию. Её основное назначение заключается в предоставлении сторонам возможности самостоятельно определить право, подлежащее применению к трансграничному частноправовому отношению. В этом смысле автономия воли выступает в качестве особой коллизионной привязки (*lex voluntatis*), которая позволяет отступить от объективных критериев определения применимого права, таких как место заключения договора или место исполнения обязательства.

Нормативное закрепление такого коллизионного понимания автономии воли находит отражение в современных унификационных актах международного частного права.

Так, статья 2(1) Гаагских принципов о выборе права в международных коммерческих договорах 2015 года (Hague Conference on Private International Law [HCCH], 2015) устанавливает:

“A contract is governed by the law chosen by the parties.”

Аналогичный подход Данная формулировка подтверждает признание воли сторон самостоятельной коллизионной привязкой (*lex voluntatis*), не требующей обязательного наличия объективной связи между выбранным правопорядком и договором.

Аналогичный подход закреплен в статье 3(1) Регламента (ЕС) № 593/2008 (European Parliament & Council, 2008):

“A contract shall be governed by the law chosen by the parties.”

В то же время статья 9 Регламента предусматривает применение *overriding mandatory provisions* независимо от выбора сторон, что демонстрирует ограниченный характер автономии воли и её сочетание с императивными началами правового регулирования.

Таким образом, свобода договора отвечает на вопрос «какие условия могут быть согласованы сторонами», тогда как автономия воли в международном частном праве решает вопрос «какое право будет регулировать согласованные условия». Эти институты функционируют на разных уровнях правового регулирования: первый – в сфере материального права, второй – в сфере коллизионного права. Их отождествление приводит к методологической ошибке, поскольку расширительное толкование автономии воли может создать иллюзию полной свободы сторон в обход императивных норм применимого правопорядка.

Различие между указанными категориями имеет существенное значение для правоприменения. Нарушение принципа свободы договора, как правило, влечёт гражданско-правовые последствия в виде недействительности отдельных условий или договора в целом. Ограничение же автономии воли проявляется иначе – через применение императивных норм, норм публичного порядка либо права государства, с которым договор имеет наиболее тесную связь, независимо от выбора сторон. Это означает, что даже при действительном соглашении о выборе применимого права автономия воли не может исключить действие обязательных норм соответствующего правопорядка.

Международные договоры и унификационные акты подтверждают данное разграничение, закрепляя автономию воли именно в её коллизионном значении. Они признают

за сторонами право выбора применимого права, однако одновременно сохраняют действие норм публичного порядка и обязательных положений, направленных на защиту фундаментальных правовых ценностей. Тем самым автономия воли не подменяет свободу договора, а дополняет её, функционируя как самостоятельный механизм в системе международного частного права.

Дополнительное разграничение свободы договора и автономии воли сторон имеет значение и с точки зрения систематики источников права. Свобода договора традиционно реализуется в рамках материально-правового регулирования и непосредственно связана с действием норм гражданского законодательства, определяющих допустимые модели поведения участников гражданского оборота. Автономия воли в международном частном праве, напротив, реализуется опосредованно – через механизм коллизионных норм, которые лишь указывают на применимый правопорядок, но не регулируют содержание обязательства напрямую.

Кроме того, различие между данными категориями проявляется в характере судебного усмотрения. При оценке соблюдения свободы договора суд анализирует соответствие условий договора императивным нормам материального права и общим принципам гражданского законодательства. При реализации автономии воли суд, прежде всего, решает вопрос допустимости выбора применимого права и определяет, подлежат ли применению нормы публичного порядка или обязательные нормы национального законодательства независимо от такого выбора.

Следовательно, автономия воли сторон и свобода договора представляют собой взаимосвязанные, но функционально различные правовые категории. Свобода договора обеспечивает формирование содержания обязательства, тогда как автономия воли определяет правовой режим, в рамках которого это обязательство будет оцениваться и исполняться. Чёткое разграничение этих понятий имеет принципиальное значение для обеспечения правовой определённости, предотвращения злоупотреблений при выборе применимого права и поддержания баланса между частной инициативой и публичными интересами в международных договорных отношениях.

Юридическая природа автономии воли и ретроспектива ее применения

Автономия воли сторон как правовая категория впервые сформировалась в середине XVI века в трудах французского юриста Шарля Дюмулена (Charles Dumoulin), изложенных в его работе «*Conclusiones de statutis et consuetudinibus localis*» (Гетьман-Павлова, 2009, стр.5). Именно с этого момента идея автономии воли сторон получила самостоятельное доктринальное значение и со временем превратилась в один из фундаментальных принципов частного международного права.

Несмотря на прошедшие столетия, дискуссии об автономии воли не теряют своей актуальности. Современная доктрина выделяет несколько подходов к определению юридической природы автономии воли, каждый из которых имеет собственные теоретические и практические основания. Условно их можно объединить в три основные группы.

Международно-правовая природа автономии воли

Первая точка зрения связывает происхождение автономии воли с международным публичным правом. Наиболее подробно эта позиция представлена в трудах итальянского юриста и государственного деятеля Паскуале Станислао Манчини (1817–1886), который рассматривал автономию воли как производную от универсальных принципов международного права – таких как свобода, суверенитет и принцип гражданства.

По мнению П. Манчини, государства обязаны признавать за физическими и юридическими лицами свободу выбора правопорядка, регулирующего их договорные отношения. Он утверждал, что свобода есть «право сторон самостоятельно определять, какое право должно регулировать их контракт» (Каримов, 2013, стр.5). В этой связи Манчини исходил из возможности применения лицом собственного национального права, а не норм иностранного законодательства.

Подобного подхода придерживался и российский исследователь А. Рубанов, который связывал автономию воли с международными обычаями и отмечал, что институт автономии воли получил широкое признание на национальном уровне. Он подчеркивал, что автономия воли основана на принципах международной правовой практики государств, что подтверждает её международно-правовую природу (Каримов, 2013, стр.4).

Тем не менее, данная точка зрения утратила актуальность с развитием национальных законодательств. Международные обычаи не обладают нормативной силой в пределах внутреннего правопорядка, а потому не могут служить основанием для регулирования частноправовых отношений. С середины XX века автономия воли получила легализацию в международных договорах (в том числе с участием СССР – с 1937 года) и в национальном законодательстве (с 1961 года).

Кроме того, в современном международном частном праве общепризнано, что обычаи, регулирующие отношения между государствами как субъектами публичного права, не могут применяться для урегулирования частных правоотношений между физическими и юридическими лицами. Следовательно, международно-правовая природа автономии воли в настоящее время носит, скорее, историко-теоретический характер.

Автономия воли как категория национального права

Второй подход рассматривает автономию воли как институт национального права. Одним из ведущих представителей данной концепции является М. М. Богуславский, утверждавший, что материальная природа гражданского права обеспечивает реализацию автономии воли сторон (Богуславский, 2004).

Согласно этой теории, условие договора о выборе применимого права приравнивается к иным условиям, касающимся существенных аспектов сделки – таких как предмет, цена, количество или качество. Следовательно, принцип свободы договора, закрепленный в гражданском законодательстве, предполагает, что стороны обладают правом самостоятельно определять условия соглашения, включая и выбор применимого права.

При этом положения, согласованные сторонами, имеют приоритет только над диспозитивными нормами, но не могут исключать действие императивных норм законодательства. Это означает, что автономия воли не является безусловной и не может ограничивать применение обязательных норм той правовой системы, с которой договор имеет наиболее тесную и объективную связь.

Интересную модификацию этого подхода предложил Л. А. Лунц, который рассматривал автономию воли как форму коллизионного регулирования. Он отмечал, что

согласие сторон на выбор права устраняет необходимость обращения к объективным коллизионным привязкам, поскольку воля сторон сама по себе выступает коллизионным критерием (Лунц, 2002).

Однако данная точка зрения вызывает определённые сомнения. Применение императивных норм права, не являющихся частью выбранного правопорядка, ставит под вопрос чисто коллизионное понимание автономии воли. Примером служит статья 1091 Гражданского кодекса Республики Казахстан, распространяющая свои положения на все случаи определения применимого права. Это свидетельствует о смешанном характере регулирования и подтверждает, что автономия воли не может рассматриваться исключительно как элемент коллизионного права.

Все указанные обстоятельства показывают, что коллизионная трактовка автономии воли остаётся предметом научных споров и требует дополнительного теоретического осмысления.

Автономия воли как самостоятельный правовой институт

Третья группа теорий выделяет автономию воли как самостоятельный юридический институт, отличающийся как от норм материального, так и от норм коллизионного права. Представитель этого подхода — А. Л. Маковский — утверждал, что автономия воли призвана не разрешать, а предупреждать споры, тем самым обеспечивая предсказуемость и стабильность гражданско-правовых отношений (Иванов, 1984).

Автономия воли в данном контексте рассматривается как особый механизм правового регулирования, направленный на согласование интересов сторон до возникновения конфликта. Однако некоторые исследователи указывают, что даже при наличии соглашения о выборе права результатом может стать неопределенность, особенно в случае кумулятивных соглашений, когда стороны предусматривают применение нескольких правопорядков. В таких ситуациях всё же возникает необходимость обращения к объективным коллизионным критериям.

Таким образом, тезис о «предотвращении» конфликтов выглядит спорным, поскольку решение вопроса о применимом праве чаще всего возникает уже после возникновения разногласий, и именно тогда требуется обращение к материальным нормам соответствующего законодательства.

Рассмотренные концепции обобщают основные доктринальные подходы, характерные для советской и постсоветской правовой науки. В отличие от западноевропейских теорий, в отечественной доктрине автономия воли получила менее широкое распространение и чаще рассматривалась через призму соотношения материальных и коллизионных норм.

Во второй половине XX века определённую популярность приобрели теории, признающие за автономией воли законодательный характер, либо трактующие её как юридический факт, который учитывается при определении применимого права наряду с другими обстоятельствами, указывающими на место локализации договора. Однако такие подходы обладают существенными недостатками, поскольку выбор правопорядка осуществляется сторонами не произвольно, а в рамках нормы, допускающей подобное регулирование.

В этой связи представляется обоснованным вывод о том, что автономия воли в современном частном международном праве носит смешанную правовую природу, объединяя элементы как материального, так и коллизионного регулирования.

Материальный аспект выражается в необходимости взаимного согласия сторон при выборе применимого права и в обязательности действия императивных норм государства, с которым договор наиболее тесно связан.

Коллизионный аспект проявляется в возможности сторон определять применимое право наряду с объективными коллизионными привязками, а также в ограничении автономии воли только в исключительных случаях, когда этого требуют принципы публичного порядка и защита правопорядка соответствующего государства.

Таким образом, автономия воли выступает как комплексный правовой институт, обеспечивающий баланс между свободой усмотрения сторон и гарантией правовой определенности, что делает её одной из центральных категорий современного частного международного права.

Реализация принципа автономии воли в праве Республики Казахстан: статья 1091 ГК РК и проблемы правоприменения

В праве Республики Казахстан принцип автономии воли сторон получил нормативное закрепление в статье 1091 Гражданского кодекса, регулирующей выбор применимого права к договорным обязательствам с иностранным элементом. Анализ конструкции данной нормы позволяет утверждать, что казахстанский законодатель последовательно воспринял концепцию автономии воли как института смешанной правовой природы, сочетающего материально-правовые и коллизионно-правовые элементы. Такая модель регулирования отражает стремление обеспечить баланс между свободой усмотрения сторон и необходимостью сохранения устойчивости национального правопорядка.

Коллизионный аспект автономии воли проявляется в признании за сторонами права самостоятельно определить право, подлежащее применению к их договору. В этом случае воля сторон выступает в качестве самостоятельной коллизионной привязки, способной заменить объективные критерии локализации обязательства, такие как место заключения или исполнения договора. Тем самым казахстанский подход сближается с универсальными тенденциями международного частного права и соответствует положениям международных унификационных актов, признающих автономию воли важнейшим инструментом правовой предсказуемости в трансграничных отношениях.

В то же время материально-правовой элемент автономии воли выражается в установлении пределов допустимого выбора применимого права. Статья 1091 ГК РК прямо или косвенно сохраняет действие императивных норм и допускает их применение независимо от избранного сторонами правопорядка. Это означает, что автономия воли не носит абсолютного характера и реализуется в рамках, определяемых публичными интересами, принципами правопорядка и необходимостью защиты слабой стороны договора. Именно сочетание диспозитивности и императивности придаёт автономии воли в казахстанском праве смешанную юридическую природу и отличает её от чисто коллизионных конструкций.

Практика применения статьи 1091 ГК РК выявляет ряд проблем и коллизий, возникающих при реализации данного принципа. Одной из наиболее распространённых является ситуация, когда стороны выбирают иностранное право, не имеющее реальной и объективной связи с договорным отношением. Это порождает вопросы о допустимости такого выбора, а также о пределах применения обязательных норм казахстанского законодательства.

В подобных случаях суды и иные правоприменительные органы сталкиваются с необходимостью определения соотношения избранного правопорядка с императивными требованиями национального права.

Аналогичная неопределенность прослеживается и в международной арбитражной практике, где отсутствует единый подход к оценке действительной воли сторон при выборе применимого права.

В международной арбитражной практике сформировались различные модели толкования соглашений о выборе права.

В ряде дел арбитражные трибуналы исходили из формального приоритета прямо выраженного условия о выборе права. В практике Международной торговой палаты (ИТС) арбитражные составы признавали действительным выбор права даже при отсутствии объективной связи договора с избранной юрисдикцией, руководствуясь принципом автономии воли как базовым принципом международной торговли.

Вместе с тем в иных делах, включая отдельные инвестиционные споры, рассматривавшиеся в рамках ICSID, трибуналы выходили за пределы буквального толкования условия и анализировали экономическую цель сделки, поведение сторон, а также возможный обход императивных норм. В подобных случаях выбор права мог быть признан недопустимым при наличии признаков злоупотребления или уклонения от обязательных требований правопорядка, наиболее тесно связанного с договором.

Указанное различие подходов подтверждает отсутствие универсальных критериев оценки действительной воли сторон и усиливает необходимость нормативного уточнения пределов автономии воли в национальном законодательстве.

Другой проблемный аспект связан с попытками сторон посредством выбора иностранного права обойти нормы, направленные на защиту публичных интересов, включая валютное регулирование, антимонопольные ограничения, налоговые требования или нормы в сфере защиты потребителей. В таких ситуациях автономия воли вступает в прямой конфликт с охранительной функцией императивных норм, что требует от правоприменителя не формального, а содержательного подхода, направленного на выявление действительной цели выбора применимого права.

Особую актуальность в казахстанской практике приобретает вопрос применения автономии воли в цифровых и трансграничных договорах, заключаемых с использованием электронных платформ и автоматизированных систем. В условиях дистанционного заключения договора возникают сложности с установлением действительного волеизъявления сторон, момента заключения соглашения о выборе права и соотношения цифрового согласия с требованиями национального законодательства. Эти обстоятельства актуализируют необходимость адаптации положений статьи 1091 ГК РК к реалиям цифровой экономики и новым формам договорных отношений.

Таким образом, статья 1091 ГК РК выступает не только формальным закреплением принципа автономии воли, но и ключевым инструментом балансирования между частной инициативой участников международного оборота и публичными интересами государства. Практика её применения демонстрирует, что автономия воли в казахстанском праве носит ограниченный, функциональный и контекстуальный характер, требующий учёта императивных норм, целей правового регулирования и особенностей конкретного правоотношения, что в полной мере подтверждает её смешанную правовую природу.

Заключение

Историческая эволюция института автономии воли сторон в международных коммерческих отношениях свидетельствует о постепенном, но закономерном переходе от полного подчинения частноправовых связей государственной власти – к признанию свободы участников экономического оборота самостоятельно определять применимое право и условия своего взаимодействия.

В ранних этапах развития права, особенно в римском и феодальном периодах, юрисдикция и выбор права рассматривались исключительно как проявление государственного суверенитета. Любые отношения, выходящие за пределы национальной юрисдикции, регулировались через призму власти государства, а частное усмотрение сторон исключалось. Однако с ростом международной торговли, усложнением договорных связей и активным развитием международных ярмарок и арбитражей начала формироваться новая правовая потребность – потребность в гибкости и единообразии.

Именно торговая практика XVI–XVII веков создала предпосылки для появления принципа автономии воли как основы трансграничного частного права. Уже в трудах Ш. Дюмулена (XVI в.) начала прослеживаться идея того, что стороны могут самостоятельно выбирать право, применимое к их договору, а в XIX веке Ф. К. фон Савиньи придал этой идее теоретическую завершённость, обосновав связь договора с «правовым местом» (*Sitz des Rechtsverhältnisses*).

Таким образом, от «жёсткого территориального правопорядка» право постепенно перешло к концепции «персонализированного выбора», где основное значение имеет волеизъявление сторон. В XIX–XX веках данный подход получил широкое распространение в судебной практике и в международных соглашениях – например, в Гаагских конвенциях о праве, применимом к договорным обязательствам, и в ряде региональных актов.

Закрепление автономии воли в международных договорах и национальных правопорядках (в частности, в кодификациях СССР с 1937 г. и в гражданском законодательстве с 1961 г.) свидетельствовало о признании её универсального значения. Сегодня автономия воли сторон рассматривается как фундаментальный принцип международного частного права, обеспечивающий баланс между частной инициативой и публичными интересами государства.

Значение автономии воли проявляется в нескольких ключевых аспектах. Во-первых, она обеспечивает предсказуемость и правовую определённость при заключении и исполнении международных контрактов. Во-вторых, автономия воли снижает уровень правовых рисков в трансграничных сделках, позволяя сторонам заранее определить правопорядок, подлежащий применению. В-третьих, она придаёт гибкость договорным отношениям, предоставляя сторонам возможность адаптировать содержание договора к индивидуальным особенностям их взаимодействия, языку бизнеса и международным стандартам.

Однако автономия воли сторон не является безусловной и абсолютной. Её реализация ограничивается как императивными нормами публичного порядка, так и необходимостью защиты слабой стороны – например, потребителя, работника или франчайзи. Эти ограничения носят охранительный характер, направленный на предотвращение злоупотребления принципом свободы договора и обеспечение равновесия интересов участников. Таким

образом, современное право выстраивает тонкий баланс между свободой усмотрения сторон и контролем государства за соблюдением фундаментальных правовых принципов.

Изучение юридической природы автономии воли показывает, что данный институт имеет смешанный характер, сочетающий материально-правовые и коллизионно-правовые элементы.

Материальная природа автономии воли проявляется в том, что стороны, достигнув соглашения, самостоятельно формируют правовую основу своих отношений, определяя применимое право как часть договорной свободы. Этот аспект закреплён в национальных законодательствах многих стран, в том числе и в Гражданском кодексе Республики Казахстан, который предусматривает необходимость взаимного согласия сторон в выборе права, а также уважение к императивным нормам той страны, с которой договор имеет наиболее тесную связь.

Коллизионная природа автономии воли выражается в том, что данный институт рассматривается как самостоятельная коллизионная привязка — наряду с иными объективными критериями, такими как место заключения договора, место исполнения обязательства или местонахождение характерного исполнителя. Автономия воли в этом смысле является инструментом, который позволяет сторонам устранить неопределённость и избежать применения чуждого им правопорядка, если это не противоречит публичным интересам государства.

Современное законодательство Казахстана, в частности статья 1091 Гражданского кодекса, закрепляет возможность выбора применимого права, при этом устанавливая пределы действия такого выбора в целях защиты императивных норм и поддержания правового баланса. Это подтверждает, что национальная правовая система восприняла универсальные подходы, сложившиеся в международной практике.

Автономия воли сторон в международных коммерческих контрактах выполняет важнейшую системообразующую функцию: она соединяет в себе свободу частноправового усмотрения и государственные гарантии правопорядка. С одной стороны, этот принцип способствует развитию международной торговли и привлечению инвестиций, обеспечивая сторонам предсказуемость и нейтральность правового режима. С другой — он укрепляет доверие к правовой системе государства, демонстрируя её готовность признавать и уважать волю сторон, действующих добросовестно и в рамках закона.

Следовательно, автономия воли сторон представляет собой не только один из краеугольных принципов частного международного права, но и важнейший элемент правовой политики в сфере международного сотрудничества. Её реализация обеспечивает стабильность гражданского оборота, способствует интеграции национальных правовых систем в глобальную правовую среду и повышает уровень юридической безопасности участников внешнеэкономической деятельности.

В дальнейшем развитие института автономии воли будет зависеть от совершенствования механизмов ограничения её чрезмерного применения, формирования единообразных критериев допустимости выбора права и укрепления роли международных договоров в гармонизации коллизионных норм.

Таким образом, можно заключить, что автономия воли сторон — это комплексный юридический феномен, сочетающий свободу договора, предсказуемость правового регулирования и уважение к публичным интересам. Её дальнейшее исследование и практическое применение имеют ключевое значение для укрепления правового порядка,

развития международного частного права и обеспечения эффективного функционирования глобального рынка.

С учетом выявленного отсутствия единообразных критериев установления действительной воли сторон при выборе применимого права предлагается дополнить статью 1091 ГК РК нормой, предусматривающей ориентиры для судебной оценки действительности такого выбора. К ним целесообразно отнести: (1) наличие прямо выраженного соглашения сторон; (2) наличие либо отсутствие объективной связи выбранного правового порядка с договором/сторонами; (3) отсутствие цели обхода императивных норм; (4) соответствие выбора принципам добросовестности и разумности. Это позволит повысить правовую определенность и предсказуемость международных коммерческих отношений.

Список литературы

- Boguslavskii, M. M. (2004). *Международное частное право: Учебник*. Москва: Юрист, с. 265–267.
- Getman-Pavlova, I. V. (б.г.). *Шарль Дюмулен – основоположник теории автономии воли в международном частном праве*.
- Ivanov, G. G., & Makovskii, A. L. (1984). *Международное частное морское право*. Ленинград: Судостроение.
- Kanashevsky, V. A. (2009). *Международное частное право: Учебник*. Москва.
- Karimov, S. (2013). *Автономия воли: теории о правовой природе*. *Журнал международного права и международных отношений*, (4).
- Lunts, L. A. (2002). *Курс международного частного права* (в 3 т., Т. 3). Москва: Спарк.
- Mills, A. (б.г.). *Party Autonomy in Private International Law*.
- Savigny, F. C. Von . (1848). *Трактат о владении : или Jus Possessionis гражданского права* (6-е изд., пер. с нем. Сэром Эрскином Перри).
- United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). (1980, 11 апреля). Вена. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/ccisg/ccisg.htm> Дата обращения: 8.01.2025
- Гаагская конвенция 1978 года о праве, применимом к агентским соглашениям. (1978). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=72> Дата обращения: 18.11.2025
- Гаагская конвенция 1986 года о праве, подлежащем применению к договорам международной купли-продажи товаров. (1986). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=41> Дата обращения: 2.12.2025
- Гражданский кодекс Республики Казахстан. (1994, 27 декабря). Утвержден Постановлением Верховного Совета Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000> Дата обращения: 15.07.2025
- Кодекс Бустаманте (Конвенция о международном частном праве 1928 года). (1928). URL: https://www.oas.org/juridico/english/bus_convention_eng.htm Дата обращения: 2.12.2025
- Конвенция СНГ 1993 года о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. (1993). URL: http://www.cisstat.com/en/database/document_new.php?id=433720 Дата обращения: 2.10.2025

- Межамериканская конвенция 1994 года о праве, подлежащем применению к международным договорам. (1994). URL: https://www.oas.org/en/sla/dil/General%20Information/Inter_American_Convention_on_the_Law_Applicable_to_International_Contracts_1994.asp Дата обращения: 8.01.2025
- Принципы УНИДРУА международных коммерческих договоров 2016 года. (2016). Рим: Международный институт унификации частного права (UNIDROIT). URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf> Дата обращения: 3.08.2025
- Савиньи, Ф. К. фон. (1848) . *Трактат о владении: или Jus Possessionis гражданского права*. 6-е изд., пер. с немецкого Сэрмом Эрскином Перри.
- Соглашение СНГ 1992 года о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности. (1992). URL: http://www.cis.minsk.by/documents1/agreement.64_2951.doc Дата обращения: 12.09.2025
- Сухроб, К . (2013). *Автономия воли: теории о правовой природе. Журнал международного права и международных отношений*, (4).

References

- Boguslavskii, M. M. (2004). *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik*. Moskva: Yurist, s. 265–267.
- Gaagskaya konventsiya 1978 goda o prave, primenimom k agentskim soglasheniyam. (1978). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=72> (Data obrasheniya: November 18, 2025)
- Gaagskaya konventsiya 1986 goda o prave, podlezhashchem primeneniyu k dogovoram mezhdunarodnoi kupli-prodazhi tovarov. (1986). URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=41> (Data obrashheniya: 2.12.2025)
- Getman-Pavlova, I. V. (b.g.). *Sharl Dyumulen – osnovopolozhnik teorii avtonomii voli v mezhdunarodnom chastnom prave*.
- Grazhdanskii kodeks Respubliki Kazakhstan. (1994, 27 dekabrya). Utverzhden Postanovleniem Verkhovnogo Soveta Respubliki Kazakhstan. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000> (Data obrashheniya: 15.07.2025)
- Ivanov, G. G., & Makovskii, A. L. (1984). *Mezhdunarodnoe chastnoe morskoe pravo*. Leningrad: Sudostroenie.
- Kanashevsky, V. A. (2009). *Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: Uchebnik*. Moskva.
- Karimov, S. (2013). *Avtonomiya voli: teorii o pravovoi prirode. Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii*, (4).
- Kodeks Bustamante (Konventsiya o mezhdunarodnom chastnom prave 1928 goda). (1928). URL: https://www.oas.org/juridico/english/bus_convention_eng.htm (Data obrashheniya: 2.12.2025)
- Konventsiya SNG 1993 goda o pravovoi pomoshchi i pravovykh otnosheniyakh po grazhdanskim, semeinym i ugovnym delam. (1993). URL: http://www.cisstat.com/en/database/document_new.php?id=433720 (Data obrashheniya: 2.12.2025)

5.10.2025)

- Lunts, L. A. (2002). Kurs mezhdunarodnogo chastnogo prava (v 3 t., T. 3). Moskva: Spark.
- Mezhamerikanskaya konventsiya 1994 goda o prave, podlehashchem primeneniyu k mezhdunarodnym dogovoram. (1994). URL: https://www.oas.org/en/sla/dil/General%20Information/Inter_American_Convention_on_the_Law_Applicable_to_International_Contracts_1994.asp (Data obrashhenija: 8.01.2026)
- Mills, A. (b.g.). Party Autonomy in Private International Law.
- Printsipy UNIDROIT mezhdunarodnykh kommercheskikh dogovorov 2016 goda. (2016). Rim: Mezhdunarodnyi institut unifikatsii chastnogo prava (UNIDROIT). URL: <https://www.unidroit.org/wp-content/uploads/2021/06/Unidroit-Principles-2016-English-bl.pdf> (Data obrashhenija: 3.08.2025)
- Savigny, F. C. von. (1848). Traktat o vladenii, ili Jus Possessionis grazhdanskogo prava (6-e izd., per. s nem. Serom Erskinom Perri).
- Savinyi, F. K. fon. (1848). Traktat o vladenii: ili Jus Possessionis grazhdanskogo prava. 6-e izd., per. s nemetskogo Serom Erskinom Perri.
- Soglashenie SNG 1992 goda o poryadke razresheniya sporov, svyazannykh s osushchestvleniem khozyaistvennoi deyatel'nosti. (1992). URL: http://www.cis.minsk.by/documents1/agreement.64_2951.doc (Data obrashhenija: 2.09.2025)
- Sukhrob, K. (2013). Avtonomiya voli: teorii o pravovoi prirode. Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii, (4).
- United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). (1980, 11 April). Vienna. URL: <https://legal.un.org/avl/ha/ccisg/ccisg.htm> (Data obrashhenija: 8.01.2026)

FTAMP:10.89.01

Халықаралық коммерциялық шарттарда тараптар еркінің автономиясын қамтамасыз ету: ұлттық және халықаралық тетіктерді талдау

Балнур Келденбаева
SDU University, Қаскелең, Қазақстан
email: balnurkeldenbayeva@gmail.com

Аңдатпа

Мақалада тараптар еркінің автономиясы халықаралық жеке құқық пен халықаралық коммерциялық айналымның негізгі институттарының бірі ретінде қарастырылады. Аталған қағидаттың қалыптасуының тарихи кезеңдері, оның құқықтық табиғаты, сондай-ақ материалдық-құқықтық және коллизиялық-құқықтық элементтердің арақатынасы зерттеледі. Қазақстан Республикасының заңнамасы, атап айтқанда Қазақстан Республикасы Азаматтық кодексінің 1091-бабы аясында тараптар еркі автономиясының жүзеге асырылуына ерекше назар аударылады. Жұмыста тараптар еркі автономиясының шарт еркіндігі мен қолданылатын құқықты таңдаудың коллизиялық функциясын ұштастыратын аралас құқықтық сипаты негізделеді. Қолданылатын құқықты таңдаудың шектері, императивтік нормалар мен жария тәртіптің әсері, сондай-ақ цифрлық және трансшекаралық шарттық қатынастар жағдайындағы құқық қолдану мәселелері айқындалады. Зерттеу нәтижесінде

халықаралық коммерциялық қатынастарда қолданылатын құқықты таңдаудың рұқсат етілуін бағалаудың бірыңғай өлшемдерін қалыптастыру және ұлттық заңнаманы одан әрі жетілдіру қажеттігі туралы қорытынды жасалады.

Кілт сөздер: тараптар еркінің автономиясы, халықаралық жеке құқық, шарт еркіндігі, коллизиялық нормалар, императивтік нормалар, халықаралық коммерциялық шарттар

IRRSST:10.89.01

Ensuring Party Autonomy in International Commercial Contracts: Analysis of National and International Mechanisms

Balnur Keldenbayeva

SDU University, Kaskelen, Kazakhstan

email: balnurkeldenbayeva@gmail.com

Abstract

This article examines the principle of party autonomy as one of the key institutions of private international law and international commercial transactions. It explores the historical stages of the formation of this principle, its legal nature, and the relationship between its substantive-law and conflict-of-laws elements. Particular attention is paid to the implementation of party autonomy under the legislation of the Republic of Kazakhstan, especially Article 1091 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan. The paper substantiates the mixed legal nature of party autonomy, combining freedom of contract with the conflict-of-laws function of choosing the applicable law. It identifies the main law-enforcement issues related to determining the true intention of the parties, the limits of permissible choice of law, the operation of mandatory rules and public policy, as well as the development of digital and cross-border contractual relations. The study concludes that there is a need for further improvement of national legislation and for the development of uniform criteria for assessing the admissibility of the choice of applicable law in international commercial relations.

Key words: party autonomy, private international law, freedom of contract, conflict-of-laws rules, mandatory rules, international commercial contracts

Дата поступления: 3 ноябрь, 2025

DOI: <https://doi.org/10.47344/rn5edq41>

IRSTI: 10.01.39

The Bottom-Up Implementation of Children's Rights: The Impact of the Third Sector

Aigerim Mussabalinova*¹, Filiz Polat²

¹ School of Law, KIMEP University, Almaty, Kazakhstan

² Graduate School of Education, Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan

*email: a.mussabalinova@kimep.kz

Abstract

The implementation of children's rights is associated with challenges that depend on the context of a particular state. Unless a state takes a long-term and sustainable approach in practice, children's rights tend to be the last on the agenda and are implemented under pressure from international organisations or parents. Kazakhstan is a relatively young state, where children's rights are ensured by international and national non-governmental organisations.

This article is devoted to the analysis of two fundamental children's rights: the right to be raised in a family environment and the right to education for children with special educational needs. The first right is considered through the prism of deinstitutionalization processes for children left without parental care, while the second focuses on the political and practical aspects of inclusive education. Both areas are undergoing active reform in the Republic of Kazakhstan, where non-governmental organisations (NGOs) play a key role, demonstrating more effective practices compared to previously applied models.

The article presents a secondary analysis of data from two studies based on the use of a qualitative semi-structured method. This method explores participants' opinions through open questions aligned with the study's goals, ensuring their unique experiences are considered.

The study highlights the crucial role of NGOs in implementing these rights, including family placement, support centers, specialist training, and services for children with special needs. This approach represents a distinctive model emerging in Kazakhstan for the implementation children's rights in practice.

Key words: children's rights, family-based care, special educational needs (SEN), Sustainable development, inclusive education

Introduction

Children are human rights holders according to both the UN Declaration of Human Rights and the UN Convention on the Rights of the Child. Discrimination against children is not permitted based on any grounds. All countries ratified the UN CRC apart from the USA. However, similar to human rights, children's rights are not implemented accordingly in many countries.

Kazakhstan is not an exception where child protection and childcare practices do not comply with the law and the UN CRC. The lack of services and resources has led to violence against children and the violation of their rights (Haar, 2011). The state services for children are agency-oriented (Mussabalinova, 2021) while it should be child-oriented (Hamilton & Watkins, 2011) The Soviet legacy in child protection and child-related spheres is resistant to changes, but the third sector pushes it and implements innovations, showing better ways to meet children's needs and rights. For example, Ismayilova et. al (2014) discussed resistance attitude in the post-Soviet states, including Kazakhstan, to deinstitutionalization policies recommended by UNICEF in spite of evidence of abuse and neglect

in residential care.

As many other ex-Soviet countries, Kazakhstan is under constant reforms in all spheres - political, economic, and social, with different levels of success. The social sphere came to the surface the latest, in 2009, including children and their problems, despite the UNCRC being ratified in 1994, almost immediately after Kazakhstan obtained independence in 1991. The relevant domestic law “On the Rights of Children” was approved in 2002 which is eight years after the ratification of the UNCRC, while the child rights ombudsman position emerged in Kazakhstan in 2017, which is 15 years after the approval of the law. Formalism of implementation of children’s rights to family-based care and inclusive education were earlier discussed in literature (see Mussabalinova, 2020; Mussabalinova, 2021; Mussabalinova & Polat, 2023, Mussabalinova, 2025). In its 2024 report to the UN Committee on the Rights of the Child, Kazakhstan outlines recent legal and institutional reforms aimed at strengthening child protection, including measures to prevent violence against children in accordance with Article 19 of the UN Convention on the Rights of the Child. However, the information provided primarily describes ongoing efforts and initiatives and provides little data on the prevalence of violence in practice or the effectiveness of protection mechanisms. In its 2025 review, the UN Committee on the Rights of the Child asked Kazakhstan to provide more specific evidence on how these measures are implemented in practice, particularly with regard to preventing violence, reporting such cases, and coordinating responses across agencies. These documents demonstrate that, despite significant steps at the policy and legislative level, a significant gap remains between accepted commitments and the implementation of a child-centered protection system in practice (Mussabalinova, 2025a; Mussabalinova, 2026).

For this paper, the children's rights approach of Freeman (1992, 1997, 1998), O’Neill (1988), and Fortin (2003) was applied, as well as Galtung’s theory of positive peace (Galtung, 1990). Freeman argues that children cannot enjoy their rights without relevant services, including medical, educational and social services. Galtung believes that a person can only develop their full potential in the conditions of positive peace, in other words, the lack of structural violence.

The literature views the state as the primary duty bearer for child protection and cannot escape responsibility simply because care or services are provided by NGOs or other non-state actors (Johnson, 2025). At the same time, NGOs are increasingly described as having separate but complementary responsibilities (Žibera et al., 2025), meaning that they can help fill operational (practical) gaps but do not replace the state's obligation to respect, protect, and fulfill children's rights. When the state does not guarantee and provide services, the third sector or representatives of civil society, if such exist, starts to fill in that gap. As practice shows and will be discussed below, Kazakhstan is not an exception as child protection practice do not always comply with national and international law on children’s rights. The third sector helps the state to implement children’s rights in practice.

Despite the growing body of research on children's rights and child protection reforms in the post-Soviet context, relatively little work examines how these rights are realized in practice through the interaction of state institutions and civil society actors. Existing research on Kazakhstan primarily focuses on legal reforms, institutional legacies, and policy development in areas such as deinstitutionalization and inclusive education. However, the specific role of non-governmental organizations as drivers of practical implementation has received limited attention in academic research.

This article addresses this gap by analyzing empirical data from two qualitative studies and conceptualising the emerging model as a bottom-up form of children's rights implementation, in which civil society actors implement practical models that are subsequently incorporated into public

policy.

The right of the child to be raised in the family.

The harm of a child's separation from mother on the child's development, especially in early ages, was explained by the attachment theory of John Bowlby (1973, 1982). The existing studies proved the adverse impact of raising children in orphanages and other institutions besides the family (MacLean, 2003; Tizard & Hodges, 1978).

Haar's research (2017) indicates that approximately 43% of children residing in shelters and 50% of those in orphanages or facilities for children with behavioural issues in Kazakhstan reported observing instances of violence among peers within these institutions. Furthermore, Haar (2017) reported that 40% of staff in infant homes, 69% of staff in institutions catering to children with psycho-neurological conditions and severe disabilities, and 80% of staff in special education correctional facilities witnessed violence among children. Both children and staff acknowledged that violence perpetrated by staff against children represents a significant issue in these institutions. Specifically, 26% of children in shelters, 35% in orphanages, and 41% in facilities for children with behavioural challenges reported witnessing staff engaging in violent behaviour, while 22% of staff in infant homes, 51% of staff in institutions for children with psycho-neurological conditions and severe disabilities, and 56% of staff in special correctional institutions admitted to observing staff violence against children. Alarmingly, between 25% and 53% of staff expressed support for the use of corporal punishment in these settings.

Haar's findings were released in the Kazakhstani media and caught the attention of both official bodies and the third sector. The latter established the social movement titled "The child has the right to live in the family" and organised the civil forum with the same title in March 2013 (Bodrova, 2013), where suggested the replacement of residential care by alternative family-based care.

Residential care in the nomadic society of Kazakhstan is a social phenomenon that emerged during the Soviet Union as a result of hunger, the Second World War, forced settlement, forced migration, and prisons for the state's enemies and their families (Mussabalinova, 2021). In 2011, the number of children deprived of parental care in residential care was 12 925 (Office of National Statistics, Strategic Planning and Reforms Agency of the Republic of Kazakhstan, 2024). Foster families, as well as prevention measures, did not exist. Carolyn Hamilton highlighted in her report for UNICEF in 2011 that the child protection system in Kazakhstan is not child-oriented. Since then, the situation changed under the third sector lead and according to the UN recommendations.

The foster family as an alternative placement was legalised in 2015, the orphanages transformed into child support centres in 2020, mentorship for children in residential care was legalised in 2023, and family support centres are in the process of starting their work in 2024. At the time this article was written, the most recent statistics indicated a decline in the overall number of children in residential care who were deprived of parental care. By 2022, the total number of such children in residential care had decreased to 3,790, including 177 children under the age of 2 and 1,824 children with disabilities (Human Right Watch, 2019) Notably, the fostering and mentorship programme does not work for children with disabilities, who remain excluded. Therefore, professional fostering may be a solution. Relevant legal changes are under discussion at the parliamentary level in collaboration with representatives of the non-governmental sector.

The right of children with special educational needs to education.

A child's right to education in Kazakhstan is enshrined in the UN international conventions

“On the Rights of the Child”, “On the Rights of Persons with Disabilities”, as well as in national legislation, for example, in articles 15 and 31 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On the Rights of the Child in the Republic of Kazakhstan”. The definition of inclusive education in the Kazakhstan law emerged in 2011, while internationally the Salamanca Statement defined it in 1994. In particular, it established the fundamental principles of inclusive education: “All children should learn together, wherever possible, regardless of any difficulties or differences they may have. Inclusive schools must recognise and respond to the diverse needs of their students”. Kazakhstani practice on inclusive education has varied since 2011, moving from a medical to a social approach. According to the definition of the child with special educational needs (SEN) provided in the Law “On Education” in 2018, inclusive education meant education for children who have limitations due to health reasons. In 2021, the definition of the child with special educational needs changed and embraced any child “who experiences permanent or temporary needs in special conditions to receive education at the appropriate level and additional education”. Now, any child with special needs can receive special support if their parents choose to enroll them in mainstream schools or preschools. Alternatives for these children are special educational organisations or homeschooling.

In recent years, the topic of inclusive education in Kazakhstan has generated considerable debate among academics and the general public (Oralbekova et al., 2016; Somerton et al., 2021; Makoelle, 2020; Rollan & Somerton, 2021). Additionally, considerable attention has been drawn to analytical reports by international organisations such as the Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD, 2016; OECD, 2017) and Human Rights Watch (2019). These reports highlight the numerous developmental reforms taking place within Kazakhstan's education system, including pre-school education. Despite these advancements, persistent inequalities in access to education remain, particularly for children from vulnerable groups, including those with disabilities (OECD, 2016, 2017)

The third sector is the active actor in these ongoing reforms (Mussabalinova & Polat, 2023). Several NGOs built up their reputation via sustainable and efficient contribution into development of inclusive education, for example, DARA Charitable Foundation; The Public Union ‘Association of Holders of Bolashak International Scholarship of the President of the Republic of Kazakhstan’; Bolat Utemuratov Foundation. However, in terms of inclusive education, the third sector in Kazakhstan pays more attention to schools, but less attention to early childhood education. This might be explained by the later development of this sector in the context of inclusive education. The major reason for the underdevelopment of early childhood education in Kazakhstan is the loss of this sector during the 90s and hard recovery in recent years (Mussabalinova, 2023; Hensher & Passingham, 1996)

Since this paper discusses findings of the research on early childhood inclusive education, the following statistics provide the overall picture of inclusive education in 2017-2018. As of January 1, 2017, out of 7,285 children with special needs aged 0-3 years, 4,360 (59.9%) children received access to education, of which 1,933 (26.5%) were in general education groups of state mainstream kindergartens, and 1,840 (25.3%) children in private educational organisations. As for children with special needs aged 3-6 years, their number was 40,943 children, of which 29,849 (72.9%) children receive education, of which 13,151 (19.6%) are in general education groups of general kindergartens, and in private educational organisations 4,766 (11.6%) (Nogaibaeva et al., 2017). It may be noted that access to education also includes home education for children aged 3 to 6 years; such an option is not established for children under 3 years of age.

Overall, the aim of this article is to explore the role of the third sector in the implementation of children’s rights in Kazakhstan. While existing research examines legal reforms and institutional

legacy in Kazakhstan, significantly less attention has been paid to how children's rights are realized in practice through the interaction of state institutions and civil society organizations. In particular, the question of whether NGO participation complements the state or effectively replaces state functions in implementing children's rights remains understudied. This article contributes to this debate by analyzing empirical data from two qualitative studies and exploring the identified pattern as a bottom-up model of child rights implementation. This article focuses on two children's rights: the right to be raised in the family and the right of children with special educational needs to education. The former discusses the deinstitutionalisation of children deprived of parental care, while the latter touches upon the policies and practices of inclusive education.

This article argues that in Kazakhstan, the implementation of specific children's rights is shaped by a bottom-up approach, with non-governmental organizations acting as practical initiators of reform in areas where the state is slow to develop effective service delivery mechanisms. Although the state retains formal legal responsibility under international human rights law, empirical evidence shows that NGOs often initiate institutional innovations that are subsequently enshrined in state policy. Accordingly, the article addresses the following research questions:

1. What role do NGO-led initiatives play in realizing children's rights in Kazakhstan?
2. How do NGO-led initiatives influence state reforms in the areas of family care and inclusive education?
3. To what extent does this bottom-up principle reflect a complementary partnership or a substitution of state responsibilities?

Methods

This paper provides secondary descriptive analysis of data from two research studies on children's rights to family and inclusive education (see Mussabalinova, 2021; Mussabalinova & Polat, 2023, Polat et. al, 2023).

Qualitative semi-structured interviews were applied as a method for original data collection in two studies mentioned. This method enables exploring the opinions of the interviewees (Kvale, 1996). The interview's questions were focused on the research aims and questions. This paper presents the findings on one of the themes only which is the impact of the third sector on the implementation of children's rights in Kazakhstan. It applies a descriptive approach to law implementation in Kazakhstan. The purpose of this article is not to conduct an exhaustive assessment of state policy, but rather to identify recurring patterns in the practice of implementing child rights.

Data:

All interview questions were open-ended that allowed researchers to lead the interview depending on the participant's experience.

Participants:

All interviews were conducted with professionals working with children, including teachers, medical workers in the education sphere, representatives of NGOs, representatives of state bodies responsible for children's protection and education, and parents. Ethical approval was obtained prior to data collection. Participants were given pseudonyms or codes to ensure their anonymity. Data collection took place for the first research in 2018 with 20 participants from NGOs and state bodies, for the second research in 2020 with 10 professionals working for NGOs, 32 parents, and 30 teachers

of preschool organisations. Data was collected in different parts of Kazakhstan, including the capital – Astana city and the ex-capital – Almaty city, in two languages: Kazakh and Russian, and the analysis was translated to English.

Theoretical framework:

Both studies were conducted from the Children’s Rights perspectives (Freeman, 1992; O’Neill, 1988; Fortin, 2003) where the researchers explored the implementation of the right to be raised in the family in the first study and the right of the child to education in the other two. Data collected for the studies mentioned were analysed thematically. The original empirical data were triangulated with the children’s rights approach of Freeman (1992, 1997, 1998), O’Neill (1988) and Fortin (2003) and Galtung’s theory of positive peace (1990). Both studies applied thematic analysis, where preliminary coding were introduced based on literature review and finalised after data were collected. New codes or changes in preliminary codes were common for both studies. This paper presents the findings on one of the common themes, which is the impact of the third sector on the implementation of children’s rights in Kazakhstan. It applies rather a descriptive than critical approach to law implementation in Kazakhstan. It is not comparative study.

Although the empirical material comes from two independent studies conducted in different years and covering different policy areas, the data sets were analytically combined in this article because they identified a recurring thematic pattern: the role of the third sector in the practical realization of children’s rights. This approach follows the methodology of qualitative thematic synthesis, in which previously collected data sets are reanalyzed to identify common patterns across various political and social spheres. This analytical strategy allowed us to examine how similar dynamics emerge across different policy areas, in particular family care and inclusive education.

Results

1) The right of children to be raised in the family.

Data collected in 2018 regarding child care system in Kazakhstan showed that representatives of the third sector had a vision of how the system should change toward family-based care. While the state representatives were saying that they do not know how it will work, as they did not see any example:

“We did not see it as an example, as it will be, we do not know” (Darya, guardianship authority, personal communication, 2018).

The participants from the non-governmental sector already suggested and saw how it would. It relates to the transformation of orphanages into family support centres and professional foster families.

“For guardianship authorities to function effectively, the establishment of Family Support Centres remains essential. These centres must be created, specialists need to be trained, and their skills must be continuously enhanced to ensure they are equipped to deliver high-quality services to families” (Zhuldyz, NGO representative, personal communication, 2018).

“You need to rely on NGOs because they have already accumulated certain experience, you need to choose the best, and you need to rely on them. The first thing that NGOs did was train foster parents. There are certain models, there are several organisations that began to do this, developed programme, studied international experience, that is, there are already ready-made solutions. The attitude towards transformation is what it should be. It is not easy to close everything, education of

orphanages is an objective process while expanding placement into families, but if you do not open central child care centres in place of these orphanages, then well, this is a temporary step because if you do not do normal prevention, after some time they need to be opened again. The concept of foster families is unclear in Kazakhstan. If they are considered foster families, they must act as professional foster families. Providing training to foster families is a positive approach to preventing children from being placed in orphanages. In our system, foster families operate on a patronage model with increased financial support - they are given more money - but in essence, they are the same as foster care. I don't see any difference.” (Mira, NGO representative, personal communication, 2018).

Two years later, the orphanages were renamed to children’s support centres and in 2023 into support centres for children in need of special social services. Family support centers were established in Kazakhstan in 2024, while legal amendments that introduce professional foster families were approved in 2025. One of the key problems that was raised during the study is the shortage of staff in the child care system that can supervise such foster families and prevent a child’s return to institutions.

“Over the past two years, over 20 per cent of children was returned to orphanages because the selection was not made correctly, the foster carers were not properly trained.” (Olga, NGO representative, personal communication, 2018).

“To improve the work of the guardianship authorities, well, first of all, we need to increase the staff definitely and we need to make/create conditions for them so that there is no staff turnover, well, because people come and almost immediately leave, they don’t have time to familiarise themselves with the specifics of the work” (Zhuldyz, NGO representative, personal communication, 2018).

Legal changes that are suggested at the current stage include increasing the number of staff and additional payment for workers of the childcare system, but the project has been discussed for more than a year. The system remains agency-oriented when needs have to meet the resources which are limited according to the rate of the soviet legacy system due to the lack of political will. All changes in this regard are the result of national and international advocacy.

“All the same, agency (state bodies) interest remains higher than the interest of the child, and many authorities do not want to take on additional burdens and concerns in order to equalise the situation in order to adequately consider this as a whole, what kind of help is needed, and therefore they involve NGOs. Now the question arises that many such forms of work with families could be transferred to the non-governmental sector. The financing scheme itself requires planning, and effectiveness - quality - instability - risk - can worsen the situation of children. The state must monitor how services are provided; plans must be developed by the state, and execution can be transferred to NGOs and a number of other organisations.” (Aigul, NGO representative, personal communication, 2018).

2) *The right of children with special educational needs to education.*

Analysis of data collected during the 2021 study on early childhood inclusive education and the 2022 study on the right of children affected by nuclear testing in the ex-Semipalatinsk region shows that teachers of mainstream preschool and school level are neither taught nor prepared to teach children with special educational needs, while the trainings are not free:

“An inclusive child requires more attention, and here, of course, the problem is either for these children, or then the inclusive child will be left alone (not involved in class activities). Or if I pay more attention to this child, then other children may misunderstand something. It would be nice if we had some kind of seminars, like now in the Karaganda region, on inclusive practice. Previously, when we had correctional groups, every year we had a seminar in kindergarten, a seminar on correctional work, where we travelled to each other, what we learned, something that could be used in work, then

we took notes. If there were the same seminars on inclusion, at least once a year, where we could really see each other and watch how other teachers work and take something interesting and new for ourselves, it would be wonderful.” (T2, Karaganda region, Shahtinsk).

“There are a lot of problems. We signed an agreement so that we are introducing inclusion into the education system, but ... on a piece of paper, this is one thing, but in reality, whatever happens. Well, first of all, my opinion is that these children should be trained in some specialised classes and schools” (T2, Almaty Mini center, rural).

“Now there are a lot of courses on inclusive education, but ... of course I want to take them, but they are all expensive, not free of charge. I have not yet seen programmes with free ones.” (T2, Almaty Mini Center, rural).

Conversely, representatives of the third sector promote and implement best practices in inclusive education within state-owned organisations through collaboration and formal agreements, such as memorandums signed with local authorities or state educational institutions. According to analysis of research data, NGOs in Kazakhstan engaged in inclusive education operate through three main avenues: 1) providing training; 2) enhancing facilities; and 3) delivering inclusive services within schools and preschool organisations.

“We prepared a course on inclusive education, and more than 2.5 thousand teachers from all over Kazakhstan took part in it” (NGO representative 1, 2021).

“We understand that teachers and educators do not possess such knowledge, of course, take on our topic, yes, for autism, autism spectrum disorders. We conducted professional development courses for ordinary schoolteachers, for correction rooms, because, again, I think this is an innovative approach to working with children with autism in our centres. (NGO representative 10, personal communication, 2021).

“My main task was to expand the networks of offices of psychological and pedagogical correction. At that time, there were about 183 state offices of psychological and pedagogical correction (OPPCs). It should be noted that the goal of the state was mainly directed to the countryside. More precisely, they were focused on villages, and in cities, such OPPCs were not opened. We already operate over 45 centres. 39 of these centres were given on a turnkey basis. 39 of the centres were fully constructed and organised.” (NGO representative 1, personal communication, 2021).

“To date, we have opened 43 inclusion support offices, or in other words, resource rooms. In two kindergartens, in which we have created conditions for the integration of preschool children.” (NGO representative 4, personal communication, 2021).

Children with disabilities started to be excluded from society according to the Soviet legacy since they are born. Namely, in maternal hospitals, it is common practice that parents of children with disabilities are encouraged to abandon their child after the child is born:

“For some reason, they (author’s comment: they are doctors at a maternal hospital) somehow reacted in this way. For his skin ... "Will you take this?" I thought I forgot the package or something else. They just took him to this place. And they said: "Will you take this?" ... They said, "you can leave." I say, but he is my child. I wanted to quickly escape from there. It seemed to me that they would suddenly take him away from me. Maybe they have such laws. Yes, they announced to me that he has Down syndrome. I, of course, did not understand what it was” (P2_KG2_Nur-Sultan_18-Mar_21_Eng).

When it comes to education, there are other exclusive practices that create several barriers to education for children with special educational needs. First, as mentioned above, teachers are not ready to work with children with special educational needs (SEN). Second, there are not enough

special educational organisations for all children with SEN. Consequently, children with SEN have no choice other than to remain in homeschooling, which means they have no environment for socialisation. However, with the third sector intervention, more children have the chance to remain with their parents and join educational organisations. Good practices that are demonstrated by NGOs initiatives lead and encourage the state to implement their evidence-based practice across the country.

Discussion and Conclusions

From a legal perspective, the findings of this study raise an important question about the relationship between state obligations and third-sector participation in realizing children's rights. According to the UN Convention on the Rights of the Child, the state remains the primary actor responsible for respecting, protecting, and ensuring children's rights. The empirical data presented in this article demonstrate that in Kazakhstan, many practical innovations were initially introduced by NGOs and only later incorporated into state policy. This creates an implementation dynamic in which civil society actors act as catalysts for reform, while the state retains formal legal responsibility.

After the collapse of the Soviet Union, all post-Soviet states inherited similar standards and systems of state services, including medical and education services. Restructuring and reforming state services mechanisms vary from state to state and from sphere to sphere.

The Government of Kazakhstan collaborates with the third sector to strengthen the child protection system and promote children's rights. Although it took decades to be heard in the above-discussed cases, the third sector of Kazakhstan demonstrates sustainability and efficiency. The global history of human rights saw various revolutions and advocacy campaigns for human rights from different groups of rights holders, including women, people with disabilities, and migrants. The Kazakhstani practice of children's rights implementation is the case of a peaceful state-civil society partnership. As outlined in the fifth and sixth consolidated periodic reports on Kazakhstan's implementation of the Convention on the Rights of the Child, approved by Government Decree No. 942 on December 28, 2021, the number of non-governmental organisations in the country has grown significantly over the past three decades, rising from 100 to 22,000. Among these, over 200 organisations specifically offer services to children in need.

The purpose of this study was to explore the role of the third sector in the implementation of children's rights in Kazakhstan. The findings of two research revealed the contradictory state practice by being non-proactive in the implementation of children's rights in practice and allowing the third sector to do so. The positive aspect of this contradiction is state-civil society collaboration regarding innovation in the realm of children's rights. However, according to the UNCRC, the state must implement children's rights in practice. The factual delegation of the state's commitments to the third sector might be explained and justified by the state, but remains a fact. Therefore, the bottom-up implementation of children's rights is a distinctive model emerging in Kazakhstan for the implementation children's rights in practice.

Kazakhstani NGOs continue to lead the state in working on prevention and inclusion. Family support centres suggested by NGOs above assume the prevention of child separation from families in difficulties. The best and most visible example of family, namely mother support, is the "Dom Mamy" (*Mother's House*) project that has prevented the abandonment of 6,695 newborns in maternal hospitals by providing help to mothers in need (Dom Mamy, 2024). Regarding inclusion and the right child with special needs to education, the best and most sustainable example is the Different-Equal project through which 46 Psychological and pedagogical service centres operate in the regions

and regional centres of Kazakhstan, 48 inclusive education resource centres opened in general (mainstream) education schools, 25 800 children with disabilities receive services in the existing centres and 750 children receive support from teachers at school (Dara Foundation, 2024). The further development of state-civil society collaboration is possible if there is the political will for the legalisation of services provided by NGOs. Kazakhstan might benefit from studying the Western states' practice in collaboration with the third sector in this regard.

The authors of this paper express concern about the practice of non-governmental organisations taking the lead in protecting children's rights and interests, highlighting the risk of uneven and selective implementation due to financial and operational constraints. This approach is also unsustainable for the same reason, as it does not ensure equal access to services for all children due to the lack of a systemic approach to implementing children's rights. Building on theoretical framework (Freeman, 1992, 1997, 1998; O'Neill, 1988; Fortin, 2003; Galtung, 1990), the study recommends that policymakers in Kazakhstan learn from successful third sector initiatives and work together to scale up good practices across the country through systemic reforms. So far, although the third sector in Kazakhstan introduces a good practice and based on that suggest changes such as family support centers, foster families, inclusive classes, the implementation of these innovations in practice remains inefficient or limited. One reason of that might be assumed that NGOs promoted child-centered approach and were heard in terms of additional services needed, but were not engaged enough for systematic dissemination of good practice across the country.

This paper contributes to the scarce discussion on children's rights in Kazakhstan. However, the authors acknowledge the limitation of the scope of this paper, covering only two children's rights practices: the right of the child to be raised in the family and the right of the child with special education needs to education. This paper opens the door for other research with a wider scope that embraces other children's rights practices in Kazakhstan and the involvement of the third sector in the implementation of these rights. The findings suggest the emergence of a bottom-up pattern of implementing children's rights in Kazakhstan. Further comparative research would be necessary to determine how distinctive this dynamic is in relation to other post-Soviet contexts.

Future research could benefit from a comparative analysis of practices in other countries. In particular, Kazakhstani policymakers would likely be interested in policy recommendations based on evidence-based analysis of international practice. This is consistent with the general practice of legal transplantation in developing countries to improve their legal frameworks.

Acknowledgements

The authors are thankful to participants who shared their opinions, concerns and personal stories.

Funding

This work was supported by different sources, including: the first research on the right of the child to be raised in the family was funded by the Government of Kazakhstan; and the second research on early childhood inclusive education was funded by Nazarbayev University, Kazakhstan.

Disclosure statement:

Authors have nothing to disclose.

References

- Baimenova, B., Bekova, Z., & Saule, Z. (2015). Psychological readiness of future educational psychologists for the work with children in the conditions of inclusive education. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 205, 577–583. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.09.063>
- Bodrova, E. (2013). Ребенок должен жить в семье! — в Астане стартовал гражданский форум [A child should live in a family! — A civic forum launched in Astana]. *KTK*. Retrieved September 20, 2025 from <https://www.ktk.kz/ru/news/video/2013/02/28/21529>
- Bowlby, J. (1973). *Attachment and loss: Vol. 2. Separation*. Hogarth Press.
- Bowlby, J. (1982). *Attachment and loss: Vol. 1. Attachment* (2nd ed.). Hogarth Press.
- Dom Mamy. (2024). *Dom Mamy*. Retrieved August 15, 2025 from <https://dom-mamy.kz/ru/glavnaya>
- Fortin, J. (2003). *Children's rights and the developing law* (2nd ed.). Cambridge University Press.
- Freeman, M. D. (1992). Taking children's rights more seriously. *International Journal of Law, Policy and the Family*, 6(1), 52–71. <https://doi.org/10.1093/lawfam/6.1.52>
- Freeman, M. D. (1997). *The moral status of children: Essays on the rights of the child*. Martinus Nijhoff Publishers. <https://doi.org/10.1163/9789004481637>
- Freeman, M. (1998). The sociology of childhood and children's rights. *The International Journal of Children's Rights*, 6(4), 433–444. <https://doi.org/10.1163/15718189820494640>
- Galtung, J. (1990). Cultural violence. *Journal of Peace Research*, 27(3), 291–305. <https://doi.org/10.1177/0022343390027003005>
- Haar, R. N. (2011). *Violence against children in state-run residential institutions in Kazakhstan: An assessment*. UNICEF.
- Haar, R. (2017). *Violence against children in families in Kazakhstan: Research into knowledge, attitudes and practices. Brief analytical report*. UNICEF. Retrieved September 12, 2025 from <https://www.unicef.org/kazakhstan/media/10841/file/KAP%20survey.pdf>
- Hensher, M., & Passingham, S. (1996). The impact of economic transition on kindergartens in Kazakhstan: Problems and policy questions. *Compare*, 26(3), 305–313. <https://doi.org/10.1080/0305792960260305>
- Human Rights Watch. (2019). *On the margins: Education for children with disabilities in Kazakhstan*. Retrieved December 11, 2025 from <https://www.hrw.org/report/2019/03/19/margins/education-children-disabilities-kazakhstan>
- Ismayilova, L., Ssewamala, F., & Huseynli, A. (2014). Reforming child institutional care in the Post-Soviet bloc: The potential role of family-based empowerment strategies. *Children and Youth Services Review*, 47, 136–148.
- Johnson, A. K. (2025). Global norms, organizational action: Leveraging international children's rights law to advance child safeguarding. *Leiden Journal of International Law*, 1–32.
- Kvale, S. (1996). *InterViews: An introduction to qualitative research interviewing*. Sage Publications.
- MacLean, K. (2003). The impact of institutionalization on child development. *Development and Psychopathology*, 15(4), 853–884. <https://doi.org/10.1017/S0954579403000415>
- Makoelle, T. M. (2020). Schools' transition toward inclusive education in post-Soviet countries: Selected cases in Kazakhstan. *SAGE Open*, 10(2), 1–13. <https://doi.org/10.1177/2158244020919521>
- Mussabalina, A. (2020). Formalism, tribalism, and nationalism in the protection of children's rights in Kazakhstan. *CABAR.asia*. Retrieved January 20, 2025 from <https://cabar.asia/en/formalism-tribalism-and-nationalism-in-the-protection-of-children-s->

[rights-in-kazakhstan](#)

- Mussabalinova, A. (2021). *The right of the child to be raised in the family: Reflections on decision-making processes in child placement in Kazakhstan in the light of English experience* (Doctoral dissertation, University of Sussex).
- Mussabalinova, A. A., & Polat, F. (2023). Контекстуализация инклюзивного дошкольного образования в образовательной политике Казахстана [Contextualising inclusive preschool education in Kazakhstan's education policy]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya Pedagogika*, 109(1), 32–44.
- Mussabalinova, A. (2025a). The present and future of social orphans in Kazakhstan. *CABAR.asia*. <https://cabar.asia/en/the-present-and-future-of-social-orphans-in-kazakhstan>
- Mussabalinova, A. (2025b). Exploring access to education for children affected by the nuclear tests in Kazakhstan. *Education and Conflict Review*. <https://doi.org/10.14324/000.ch.10216113>
- Mussabalinova, A. (2026, January 22). Children's rights in Kazakhstan: Discrepancies of child protection from violence in paper and in practice. *GC Human Rights Preparedness*. Retrieved September 20, 2025 from <https://www.gchumanrights.org/preparedness/childrens-rights-in-kazakhstan-discrepancies-of-child-protection-from-violence-in-paper-and-in-practice/>
- Nogaibaeva, G., Zhumazhanova, S., & Korotkih, E. (2017). *Рамка мониторинга инклюзивного образования в Республике Казахстан* [Framework for monitoring inclusive education in the Republic of Kazakhstan]. Information and Analytical Center.
- O'Neill, O. (1988). Children's rights and children's lives. *Ethics*, 98(3), 445–463. <https://doi.org/10.1086/292962>
- OECD. (2016). *Starting strong IV: Early childhood education and care data country note: Kazakhstan*. <https://www.oecd.org/education/starting-strong-iv-kazakhstan.pdf>
- OECD. (2017). *Early childhood education and care policy review*. <https://www.oecd.org/education/early-childhood-education-and-care.pdf>
- Office of National Statistics, Strategic Planning and Reforms Agency of the Republic of Kazakhstan. (2024). *Orphans and children without parental care*. <https://bala.stat.gov.kz/en/harakteristiki-detej-sirot-i-detej-ostavshih-sya-bez-popecheniya-roditelej-nahodyaschihsya-v-internetnyh-uchrezhdeniyah/>
- Oralbekova, A. K., Arzymbetova, S. Z., Begalieva, S. B., Ospanbekova, M. N., Mussabekova, G. A., & Dauletova, A. S. (2016). Application of information and communication technologies by the future primary school teachers in the context of inclusive education in the Republic of Kazakhstan. *International Journal of Environmental and Science Education*, 11(9), 2813–2827.
- Polat, F., Karakuş, M., Helmer, J., Malone, K., Gallagher, P., Mussabalinova, A., ... & Mnazhatdinova, A. (2023). Factors affecting multi-stakeholders perspectives towards inclusive early childhood education (IECE) in Kazakhstan. *Children and Youth Services Review*, 155, 107224.
- Rollan, K., & Somerton, M. (2021). Inclusive education reform in Kazakhstan: Civil society activism from the bottom-up. *International Journal of Inclusive Education*, 25(10), 1109–1124. <https://doi.org/10.1080/13603116.2019.1624845>
- Somerton, M., Helmer, J., Kasa, R., Hernández-Torrano, D., & Makoelle, T. M. (2021). Defining spaces: Resource centres, collaboration and inclusion in Kazakhstan. *Journal of Educational Change*, 22, 315–334. <https://doi.org/10.1007/s10833-020-09390-8>
- Tizard, B., & Hodges, J. (1978). The effect of early institutional rearing on the development of eight-year-old children. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 19(2), 99–118.

<https://doi.org/10.1111/j.1469-7610.1978.tb00453.x>

UNESCO. (1994). *The Salamanca statement and framework for action on special needs education*.

<https://www.unesco.org/education/salamanca-statement>

UNICEF. (2011). *Modelling for integrated child protection system in Kazakhstan*.

<https://www.unicef.org/kazakhstan/en/reports/modelling-integrated-child-protection-system-kazakhstan>

Žiberna, T. R., Rihter, L., & Rakar, T. (2025). Complementing the state: NGOs and the challenge of providing inclusive public services in Slovenia. *Social Inclusion*, 13.

FTAMP 10.01.39

Балалардың құқықтарын «төменнен жоғары» қарай жүзеге асыру: үшінші сектордың ықпалы

Айгерим Мусабалинова*¹, Филиз Полат²

¹Құқық мектебі, КИМЭП университеті, Алматы, Қазақстан

²Жоғары білім беру мектебі, Назарбаев университеті, Астана, Қазақстан

*email: a.mussabalinova@kimep.kz

Аңдатпа

Балалар құқықтарын жүзеге асыру белгілі бір мемлекеттің жағдайына байланысты қиындықтармен байланысты. Егер мемлекет іс жүзінде ұзақ мерзімді және тұрақты тәсілді қолданбаса, балалар құқықтары күн тәртібінде соңғы орында болады және халықаралық ұйымдардың немесе ата-аналардың қысымымен жүзеге асырылады. Қазақстан - балалар құқықтары халықаралық және ұлттық үкіметтік емес ұйымдармен қамтамасыз етілетін салыстырмалы түрде жас мемлекет.

Бұл мақала балалардың екі негізгі құқығын талдауға арналған: отбасылық ортада тәрбиелену құқығы және ерекше білім беру қажеттіліктері бар балалардың білім алу құқығы. Бірінші құқық ата-анасының қамқорлығынсыз қалған балаларды деинституционализациялау процестері тұрғысынан қарастырылады, ал екіншісі инклюзивті білім берудің саяси және практикалық аспектілеріне бағытталған. Екі сала да Қазақстан Республикасында белсенді реформадан өтуде, онда үкіметтік емес ұйымдар (ҮЕҰ) маңызды рөл атқарады, бұрын қолданылған модельдермен салыстырғанда тиімдірек тәжірибелерді көрсетеді.

Мақалада сапалы жартылай құрылымдалған әдісті қолдануға негізделген екі зерттеуден алынған деректерді талдау ұсынылған. Бұл әдіс қатысушылардың пікірлерін зерттеу мақсаттарына сәйкес келетін ашық сұрақтар арқылы зерттейді, олардың бірегей тәжірибелері ескеріледі. Зерттеуде үкіметтік емес ұйымдардың осы құқықтарды жүзеге асырудағы маңызды рөлі, соның ішінде отбасына орналастыру, қолдау орталықтары, мамандандырылған оқыту және ерекше қажеттіліктері бар балаларға арналған қызметтер атап өтілген. Бұл тәсіл балалар құқықтарын іс жүзінде жүзеге асырудың Қазақстандағы бірегей моделін білдіреді.

Кілт сөздер: балалардың құқықтары, отбасылық тәрбие, ерекше білім беру қажеттіліктері (ЕБҚ), тұрақты даму, инклюзивті білім беру.

МРНТИ 10.01.39

Реализация прав детей снизу вверх: влияние третьего сектора

Айгерим Мусабалинова*¹, Филиз Полат²

¹ Школа права, Университет КИМЭП, Алматы, Казахстан

² Высшая Школа Образования, Университет Назарбаева, Астана, Казахстан

* email: a.mussabalinova@kimep.kz

Аннотация

Реализация прав детей сопряжена с проблемами, которые зависят от контекста конкретного государства. Если государство не применяет долгосрочный и устойчивый подход на практике, права детей, как правило, оказываются на повестке дня последними и реализуются под давлением международных организаций или родителей. Казахстан – это относительно молодое государство, где права детей обеспечиваются международными и национальными неправительственными организациями.

Настоящая статья посвящена анализу двух фундаментальных прав ребёнка: права на воспитание в семейной среде и права на образование для детей с особыми образовательными потребностями. Первое право рассматривается через призму процессов деинституционализации детей, оставшихся без родительского попечения, тогда как второе акцентирует внимание на политических и практических аспектах инклюзивного образования. Обе указанные области находятся в стадии активных реформ в Республике Казахстан, где неправительственные организации (НПО) выступают важным участником, демонстрируя более эффективные практики в сравнении с ранее применяемыми моделями.

В статье представлен анализ данных двух исследований, основанных на применении качественного полуструктурированного метода. Данный метод обеспечивает изучение мнений участников через открытые вопросы, адаптированные к целям и задачам исследования, что позволяет учитывать их уникальный опыт.

Результаты исследования свидетельствуют о ключевой роли неправительственных организаций в обеспечении реализации данных прав, что охватывает такие направления, как семейное устройство, функционирование центров поддержки семей, профессиональная подготовка специалистов и предоставление дополнительных услуг для детей с особыми образовательными потребностями. Данный подход представляет собой уникальную модель Казахстана по практической реализации прав детей.

Ключевые слова: права детей, семейное устройство, особые образовательные потребности (ООП), устойчивое развитие, инклюзивное образование.

Received: 27 January, 2026

DOI: <https://doi.org/10.47344/vfg73b78>

IRSTI: 10.17.31

Особенности правовой охраны товарных знаков в административном судопроизводстве Республики Казахстан: теория и практика

Камал Сабиров

Заведующий сектором Судебной администрации РК, Астана, Казахстан

email: 707-0392@sud.kz

Аннотация

Статья посвящена анализу особенностей правового регулирования и рассмотрения споров, связанных с охраной и защитой прав на торговые знаки, в порядке административного судопроизводства Республики Казахстан. Цель исследования заключается в выявлении специфики административно-правовых механизмов разрешения таких споров, а также проблем правоприменительной практики и направлений ее совершенствования.

Методологическую основу работы составляет анализ судебной практики за 2023–2025 годы, включая судебные акты административных судов по делам об оспаривании решений уполномоченных органов в сфере регистрации, признания недействительными и прекращения действия товарных знаков. Дополнительно исследуются позиции казахстанских ученых-юристов относительно правовой природы споров о торговых знаках и их места в системе административного права.

В статье также особое внимание уделено статистике рассмотрения административных споров по делам данной категории. В работе рассматривается влияние реформ судебной системы и введения принципа единообразия административных процедур на формирование устойчивой правоприменительной практики. Отдельно анализируется проблематика баланса между защитой исключительных прав и обеспечением свободной конкуренции, а также значение международных обязательств Республики Казахстан в сфере охраны интеллектуальной собственности. Сделан вывод о формировании системного и предсказуемого подхода к разрешению споров о товарных знаках при сохранении актуальности совершенствования законодательства.

На основе выявленных тенденций формулируются выводы о существующих пробелах и коллизиях законодательства. Результаты исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности, судебной практике и дальнейших научных разработках.

Ключевые слова: торговые знаки, административное судопроизводство, судебная практика, защита интеллектуальной собственности, административные споры.

Введение

Правовая охрана товарных знаков является составной частью права интеллектуальной собственности Республики Казахстан. В ее основе находятся как положения раздела 5 особенной части гражданского кодекса Республики Казахстан от 1 июля 1999 года, так и нормы закона Республики Казахстан от 26 июля 1999 года «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименованиях мест происхождения товаров» (далее – Закон). Другой большой частью права интеллектуальной собственности является авторское право, однако в контексте настоящей статьи в фокусе внимания находится судебная практика административных судов по спорам связанным с товарными знаками.

Важность прозрачного регулирования права интеллектуальной собственности неоднократно подчеркивалась Главой государства, в том числе и в рамках посланий народу Казахстана (например, от 1 сентября 2023 года), а также уполномоченными органами и должностными лицами.

До введения в Республике Казахстан института административной юстиции и принятия 29 июня 2020 года Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан (далее - АППК), споры в сфере торговых знаков рассматривались в рамках гражданского судопроизводства. В настоящее время часть споров вокруг торговых знаков, в которых истцы подают иски к государственным органам (административным органам) рассматриваются административными судами. Те же споры по торговым знакам, которые возникают у субъектов гражданского оборота по отношению друг к другу все также рассматриваются гражданскими судами.

За пять лет работы административной юстиции сформировалась стабильная административная практика по спорам в сфере торговых знаков. Значительную роль в них сыграли и постановления Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан.

Настоящая статья направлена на изучение судебной практики по делам данной категории и анализ некоторых особенностей правового регулирования споров, связанных с охраной и защитой прав на торговые знаки.

Методы исследования

В основу представленного исследования был положен анализ судебных актов и практики отправления правосудия административными судами Республики Казахстан. Также были изучены мнения казахстанских и зарубежных ученых-юристов в области защиты интеллектуальной собственности.

Учитывая что право интеллектуальной собственности занимает важную роль в регулировании предпринимательской деятельности, развитии экономического оборота и общественных отношений, оно является предметом исследований междисциплинарного характера. В разное время изучению правового регулирования торговых знаков в рамках права интеллектуальной собственности уделялось значительное внимание ученых-юристов Республики Казахстан. Их основные позиции и взгляды также были рассмотрены в настоящей статье.

Проведенное исследование опирается на общенаучные методы познания. Так, применяя формально-юридический метод были проанализированы нормы действующего законодательства Республики Казахстан в сфере правовой охраны товарных знаков. По итогам анализа были выявлены особенности толкования и применения обозначений товарных знаков в административном судопроизводстве.

Результаты

Судебная практика Республики Казахстан по спорам связанным с товарными знаками демонстрирует наличие системного и взвешенного подхода. Суды последовательно развивают практику по делам данной категории, укрепляют установленные процессуальные принципы. С момента введения административного судопроизводства в 2021 году часть споров по

товарным знакам, связанным с исками граждан и бизнеса к уполномоченному органу, рассматривается в административных судах.

В силу наличия специальных принципов административной юстиции (например, принципа активной роли суда) данные споры получают всестороннее изучение со стороны судей. При этом за годы работы административных судов со стороны Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда сформировалась стабильная практика отправления правосудия по делам данной категории.

Вышеуказанная практика указывает на то, что суды при определении сходства товарных знаков до степени смешения, исходят из необходимости выявления сходства «сильного элемента». Таковым, согласно установленному законодательству, является доминирующий элемент товарного знака. Если совпадение затрагивает именно сильный элемент, вероятность признания знаков сходными существенно возрастает. В случаях совпадения второстепенных, «слабых элементов» суды склонны оценивать их совпадения в совокупности, уделяя особое внимание восприятию потребителя. В таких случаях решение судов опирается на мнение привлеченного эксперта.

Также, важно отметить, что почти половина поданных административных исков удовлетворяется в пользу истцов (граждан и бизнеса). Это способствует росту доверия участников гражданского оборота к судебной практике и институтам судебной защиты, что полностью отвечает задачам развития экономики Республики Казахстан.

Вместе с тем для улучшения сложившейся практики и законодательной прозрачности дел по данной категории предлагается:

1. Уполномоченному органу проработать вопрос утверждения единых методик лингвистической, фонетической и семантической экспертизы обозначений, так как на практике могут возникать споры между различными экспертизами и позициями экспертов. В указанных методиках должны быть определены требования к обязательной структуре и содержанию экспертного заключения;

2. С учетом того, что значительная часть административных споров связана с оспариванием решений Апелляционного совета при Министерстве юстиции необходимо принять меры по повышению прозрачности его работы. Это особенно актуально с учетом количества удовлетворенных исков по делам данной категории;

3. Систематически продолжать работу по развитию механизмов досудебного урегулирования споров о сходстве обозначений. С учетом того, что большинство споров связано с вопросами уточнения сходства обозначений товарных знаков, они могут быть решены в досудебном порядке.

4. В перспективе можно ожидать дальнейшего усложнения споров в связи с развитием технологий искусственного интеллекта и процессов цифровизации экономики. Возникает вопрос о том, кому принадлежат права на подобные результаты, и каким образом производить оценку различий. Отечественная законодательная и нормативная база, а равно как и судебная практика, должна быть адаптирована к подобным вызовам.

В целом данные предложения помогут закрепить сложившуюся практику и снизить количество споров по делам данной категории, равно как и нагрузку на суды.

Обсуждение

Судебная практика Республики Казахстан по спорам в сфере интеллектуальной собственности разделяет споры связанные с авторскими правами и споры связанные с товарными знаками. В Законе под товарным знаком понимается *«обозначение, зарегистрированное в соответствии с Законом или охраняемое без регистрации в силу международных договоров, в которых участвует Республика Казахстан, служащее для отличия товаров (услуг) одних юридических или физических лиц от однородных товаров (услуг) других юридических или физических лиц»* (пп.8 ст.1 Закона). Однако правовое наполнение указанной дефиниции формируется в первую очередь практикой, как в условиях правоприменения законодательства об интеллектуальной собственности, так и в рамках судопроизводства по делам указанной категории.

Как отмечает А.Рабец - товарные знаки способны существовать вне правовой системы и независимо от нее. Исходя из этого, товарный знак является социальной реальностью, лежащей вне права, но при этом правовые нормы придают ему юридическое значение (Рабец, 2003). И основой в этом вопросе выступает именно судебная практика

Важно также отметить, что судебная практика, хотя и создает юридическую основу функционирования правового регулирования товарных знаков, сама по себе не является его источником и существует в сложившейся системе законодательства. Поэтому можно считать не совсем справедливой критику отдельных ученых-исследователей, считающих, что в казахстанском праве сложился перекосяк в сторону защиты субъективных прав обладателей интеллектуальной собственности. Так, Р.Канатов еще в 2019 году отмечал, что законодательство Республики Казахстан об интеллектуальной собственности построено на основе принципа *«все или ничего»*. При этом, по мнению ученого, *«суды не вправе ни при каких обстоятельствах, отказывать в защите нарушенных исключительных прав патентообладателей»*. И как следствие *«судебные решения в пользу защиты прав патентообладателей в определенных случаях могут создавать вред развитию инновации»* (Канатов, 2019).

На самом указанное в большей степени является следствием общей направленности доктрины права интеллектуальной собственности в Казахстане, а не самой судебной практики. Однако пробелы в самом праве интеллектуальной собственности в Казахстане были верно отмечены ученым и его предложения по совершенствованию законодательства сохраняют актуальность по сегодняшний день.

Так, предложения Р.Канатова все еще можно считать актуальными в контексте развития международного регулирования торговых знаков. В числе прочего следует отметить вопросы необходимости защиты суверенитета национальной экономики и соблюдения баланса интересов между защитой права интеллектуальной собственности и развитием свободной конкуренции. К слову, на эту проблематику еще в 2019 году обращала внимание А.Арыстан, комментируя статью Р.Канатова и справедливо ссылаясь на положения Соглашения ТРИПС. Она указывала на то, что охрана прав на интеллектуальную собственность не должна идти в ущерб здоровью граждан и социально-экономическому развитию государства (Арыстан, 2019, с.243).

Следует обратить внимание, что указанные взгляды излагались еще до пандемии COVID-19. При этом именно период пандемии выявил серьезную уязвимость права интеллектуальной собственности в вопросах гибкого подхода к имплементации передовых лекарственных средств и отечественных дженериков. К сожалению, актуальность данного вопроса остается серьезной проблемой в связи с зависимостью отечественного рынка

лекарственных изделий от патентованных лекарственных препаратов иностранной разработки.

На мой взгляд в данном вопросе интерес представляют различные механизмы защиты публичных интересов. Однако их внедрение требует взвешенного подхода, чтобы не подорвать инвестиционную привлекательность и гарантии защиты права собственности. Формируемая политика в этой сфере должна учитывать широкий социально-экономический контекст принимаемых решений.

Следует учитывать, что подходы к регулированию права интеллектуальной собственности могут различаться в разных государствах, исходя из специфики гражданского оборота и направленности секторов экономики. Более того, такие различия в подходах являются более приоритетными с точки зрения защиты права собственности в развивающихся государствах, которые зачастую имеют потребность в дополнительной поддержке и развитии отдельных секторов экономик (Ajakaуe, 2023, с.819).

В целом, следует различать судебные споры по интеллектуальной собственности в гражданском и административном судопроизводстве. В силу особенностей административного производства истцом в нем всегда является физическое или юридическое лицо, а ответчиком государственный орган. Поэтому в административном судопроизводстве споры связанные с интеллектуальной собственностью всегда подаются в отношении административного органа принявшего оспариваемое решение или издавшего административный акт. Часто гражданский иск может дополняться административным, например компания может подать гражданский иск в отношении конкурента о прекращении использования товарного знака и взыскании упущенной выгоды, и одновременно административный иск в отношении органов юстиции, о признании регистрации товарного знака недействительной.

В целом количество споров связанных с товарными знаками, поданными в административные суды, остается незначительным, так в 2025 году поступило всего 46 таких исков, в 2024 году – 33, а в 2023 году – 32. Важно подчеркнуть, что речь идет только о спорах связанных с товарными знаками, не учитывая споры по авторскому праву или иных споров по интеллектуальной собственности. Также указанная статистика приведена по административным судам, то есть учитывает лишь иски правообладателей к государственным органам, в гражданских судах складывается иная статистика.

Большинство указанных административных исков связано с оспариванием административных актов или действий административных органов в отношении товарных знаков. Подавляющее большинство таких исков подается в отношении Министерства юстиции Республики Казахстан. Так, в 2024 году в 83% административных исках по спорам данной категории ответчиком выступало Министерство юстиции РК. При этом исковые требования могут незначительно различаться в деталях. Например, оспариваться может решение апелляционного совета при Министерстве юстиции РК по регистрации товарного знака или иск может предъявляться напрямую к самому Министерству юстиции об аннулировании регистрации и выведении из-под охраны словесного обозначения товарного знака.

Также следует отметить, что большинство поданных исков оканчивается вынесением решения. Процент возвратов по делам данной категории незначителен, так в 2025 году из 46 поступивших исков возвращено было лишь девять. При этом из них три иска было возвращено в связи с отзывом иска со стороны истца, т.е. фактическим исчерпанием спора. Чуть подробнее о возвратах исков будет рассмотрено ниже.

Несмотря на различие в деталях суть данных исков единообразна и связана с определением обозначения товарного знака. В указанных делах суды зачастую привлекают экспертов, для определения сходства товарных знаков или наоборот, подтверждения их различий. Целью является запрет на использование схожих товарных знаков, нарушающих права правообладателя товарного знака.

Еще один момент заключается в особенностях административного судопроизводства. Выше уже упоминались принципы административной юстиции, такие как активная роль суда. Суды не ограничиваются доказательствами представленными сторонами, но изучают все материалы дела. В этих условиях важен стандарт доказывания, обоснованность и законность актов административного органа. В контексте споров по торговым знакам это то, какие именно критерии были применены при оценке сходства обозначений, какие выводы были сделаны экспертами. С учетом максимальной прозрачности судопроизводства, при наличии признаков формального подхода со стороны государственных органов, иски удовлетворяются в пользу истцов (граждан).

Справедливо и обратное, в отдельных случаях регистрация товарного знака может использоваться для ограничения доступа конкурентов к рынку, особенно если речь идет об общеупотребительных обозначениях. Судебная практика постепенно вырабатывает критерии, позволяющие выявлять подобные случаи, что обеспечивает баланс между охраной частных интересов и поддержанием конкурентной среды.

Здесь следует уточнить некоторую особенность товарного знака. Как отмечает Ж.А. Нурмагамбетов *«если правообладателю других объектов интеллектуальной собственности, например, правообладателю на объект авторского права прямо предоставлено право запрещать третьим лицам использование объекта авторского права, то правообладателю товарного знака право запрещать напрямую не предоставлено законодательством»* (Нурмагамбетов, 2022). Далее он делает справедливый вывод о том, что несмотря на отсутствие прямого указания на право запрета товарного знака правообладателем, такое право непосредственно следует из анализа правовых норм.

Законом устанавливается, что не допускается регистрация в качестве товарных знаков или их элементов обозначений *«являющихся ложными или способными ввести в заблуждение относительно товара или его изготовителя, услуги или лица, предоставляющего услуги, а также наименований географических объектов, способных ввести в заблуждение относительно места производства товара»* (пп.1 п.3 ст.6 Закона). На практике иногда речь заходит о разнице в одну букву или символ. Например, в деле № 6001-25-00-6ап/21 от 15 мая 2025 года рассматривалась разница между прошедшим регистрацию товарным знаком «SANDALYE,CÍ» и словесным элементом фирменного наименования истца «SANDALYECÍ».

В своем постановлении Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда указала, что при сравнительном анализе таких средств индивидуализации как фирменное наименование и товарный знак, признак визуального сходства не играет существенной роли, при этом определяющее значение для вывода о сходстве этих средств индивидуализации имеют признаки фонетического и семантического сходств. При этом в указанном деле по признакам фонетического сходства судом было установлено полное совпадение, а по признакам семантического сходства установлено совпадение понятий, идей.

Впрочем, судебная практика не всегда бывает достаточно ясной, чтобы поставить точку в споре. Например, в другом деле №6001-23-00-6ап/1183 от 05 февраля 2025 года истцом, правообладателем товарного знака оспаривалась регистрация органами юстиции другого

товарного знака. Судом первой инстанции иск был удовлетворен, однако решение суда было отменено апелляционной инстанцией суда.

Суд первой инстанции удовлетворяя требования истца, исходил из заключения привлеченного к участию в деле специалиста, который установил сходство словесных элементов товарных знаков. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, исходил из заключения комплексной экспертизы РГКП «Центр судебных экспертиз Министерства юстиции Республики Казахстан», которая не установила сходства до степени смешения.

При рассмотрении указанного дела в Верховном суде Республики Казахстан было установлено, что нижестоящим судом не была дана надлежащая оценка противоречиям в заключении экспертизы. Это послужило отменой судебного акта и отправлением дела на новое рассмотрение.

Как наглядно видно из указанного примера споры вокруг товарных знаков могут вызывать серьезные затруднения при судебном рассмотрении, судам необходимо вникать в материалы и опираться на заключения экспертизы. При этом судьи могут допускать ошибки, о чем указывают суды вышестоящих инстанций.

В вышеприведенном примере рассматривался комбинированный товарный знак, т.е. содержащий комбинацию обозначений (п.1 ст.5 Закона). В таких случаях специалисты, как правило, учитывают значимый элемент в комбинации обозначений. На практике основные споры могут возникать вокруг подобных элементов.

Например, в другом деле № 6001-22-00-6ап/818 от 11 октября 2022 года рассматривались товарные знаки, которые состояли из нескольких элементов, сильным (значимым) элементом указанных товарных знаков является словесный элемент «REZIDENT». Апелляционный совет госоргана не нашел признаков сходства до степени смешения. Однако проведенная экспертиза привлеченного по делу специалиста установила, что в сравниваемых комбинированных товарных знаках, в том числе с учетом степени, в которой этот элемент способствует реализации непосредственной функции товарного знака, а именно – индивидуализации услуг другого, обнаружено сходство до степени смешения комбинированного товарного знака.

Иными словами судебная практика указывает, что в комбинированных товарных знаках необходимо обратить внимание на то, способствует ли значимый элемент реализации непосредственной функции товарного знака.

То есть речь идет об идентификационной функции товарного знака, под которой традиционно выделяют два аспекта, индивидуализирующий (выделяющий конкретный товар) и отличительный, т.е. обозначение изготовителя, продавца (Амиргалиев, 2011).

Следует обратить внимание, что в указанном примере суд обратил внимание на наличие «сильного элемента». Это ключевое требование исходя из установленных Правилами проведения экспертизы заявок на товарные знаки, знаки обслуживания, географические указания и наименования мест происхождения товаров, утвержденных приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 29 августа 2018 года №1349. Указанными правилами под сильным элементом подразумевается доминирующий элемент товарного знака, соответственно все остальные, не доминирующие элементы являются «слабыми элементами».

Так, в другом деле № 6001-24-00-6ап/190 от 23 июля 2024 года суды, разрешая спор и удовлетворяя требования истца, сделали вывод, что сравниваемые объекты являются сходными, так как содержат в своем составе тождественное доминирующее основополагающее словесное обозначение FINISH, выполненное латинскими буквами, и оба

объекта имеют сходное до степени семантическое значение, которое переводится как «заканчивать, завершать, закончить».

Как наглядно видно из данного примера сильным элементом было признано словное обозначение, которое занимало большую часть товарного знака и формировало ключевое восприятие обозначения товарного знака потребителем, и запоминалось им в первую очередь. Для сравнения слабые элементы, напротив, могут иметь описательный либо указательный характер, но при этом сами по себе не придавать обозначению уникальности, обособленности. Как итог, совпадение слабых элементов товарных знаков не рассматривается в судебной практике в качестве достаточного основания для признания сходства товарных знаков до степени смешения.

В тоже время значение имеет и общая совокупность совпадающих признаков в определенном интервале. Для примера можно привести дело №6001-24-00-6ап/2819 от 6 мая 2025 года, в котором суды не нашли признаков прямого смешения при сравнении двух комбинированных знаков. Обстоятельства дела состояли в следующем, истец - ТОО обратилось в суд в связи с тем, что зарегистрированные органами юстиции товарные знаки являются тождественными или сходными до степени смешения с фирменным наименованием истца. При этом среди элементов указанных товарных знаков присутствовали и эмблемы. Суды при отказе в удовлетворении иска исходили из отсутствия фонетического, графического и семантического сходства оспариваемых товарных знаков.

Исходя из заключения экспертов совпадающие признаки комбинированных товарных знаков составляли 55%. Тогда как вывод о сходстве до степени смешения, формулируется в том случае, если процент совпадающих признаков принадлежит интервалу 85-95%.

Опять-таки следует сделать оговорку, что хотя точный процент совпадающих признаков не закреплен напрямую в законодательстве, судебная практика допускает использование объективной оценки. Однако решающим фактором остается не арифметический показатель, а вывод о вероятности введения потенциального потребителя в заблуждение.

Следует также отметить, что указанная практика была закреплена преимущественно постановлениями Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Республики Казахстан. С июля 2025 года начали работу самостоятельные кассационные суды, в том числе и кассационный суд по административным делам. Однако практика не подвергнется изменению, так как она уже устоялась за четыре полноценных года рассмотрения кассационных споров Верховным Судом Республики Казахстан. Также как отмечает А. Тукиев *«закономерным следствием реформы станет особый статус высшего судебного органа, который будет пересматривать решения, принятые вразрез судебной практике либо требующие пересмотра в интересах развития права»* (Тукиев, 2025). То есть в любом случае единообразия практики отправления правосудия будет контролироваться на уровне Верховного Суда Республики Казахстан.

Также в конце 2024 года АППК был дополнен новым принципом единообразия административных процедур и административных актов (статья 15-1 АППК). Иными словами по одним и тем же основаниям не могут быть применены различные нормы права. Все это гарантирует, сохранение сложившейся практики отправления правосудия по административным делам.

Рассмотрим теперь практику по возвращенным искам по спорам данной категории. Как было отмечено выше, общий процент возвратов исков незначителен. Так, в 2025 году было возвращено девять исков, а в 2024 году десять. Помимо отзыва иска, т.е. исчерпания спора,

наиболее частым основанием возврата являются ошибки истцов при подаче исков, связанные с их подсудностью административным судам.

Согласно части 2 статьи 102 Административного процедурно-процессуального кодекса Республики Казахстан, судам в порядке административного судопроизводства подсудны споры, вытекающие из публично-правовых отношений.

Как отмечает Й.Пуделька, предметом регулирования административного права является управление, при этом подразумевается только публичное (государственное) управление (Пуделька, 2024).

Таким образом, только публичный характер спорных правоотношений влечет их рассмотрение административными судами. Иски, поданные с ошибочной подсудностью, возвращаются судом заявителю.

Например, в деле №7194-23-00-4/2492 от 4 августа 2023 года истец – индивидуальный предприниматель обратился с иском об аннулировании регистрации товарного знака в связи с неиспользованием в течении трех лет. Действительно, пунктом 4 статьи 19 Закона Республики Казахстан «О товарных знаках, знаках обслуживания, географических указаниях и наименования мест происхождения товаров» установлено, что любое заинтересованное лицо может оспорить в суде регистрацию товарного знака в связи с его неиспользованием в течение трех лет, предшествующих дате предъявления иска в суд. Однако данные иски рассматриваются в экономических судах, в порядке гражданского судопроизводства.

В указанном деле суд в своем определении указал, что ответчик никаким властным полномочием по отношению к истцу не наделен. Между сторонами отсутствуют публично-правовые отношения, которые подлежали бы рассмотрению в порядке административного судопроизводства. Таким образом, суд возвратил иск, однако истец сохранил возможность избрания иного способа защиты в соответствующем суде, просто не в порядке административного судопроизводства.

В целом процент возвратов исков по делам незначителен, большинство административных дел заканчивается судебным рассмотрением. При этом процент удовлетворенных исков в пользу истцов по спорам связанным с товарными знаками составлял 46% в 2024 году и 44% в 2025 году. Если учитывать также отзывы исков, что фактически означает исчерпание спора, граждане и бизнес выигрывают в судах больше половины споров с административными органами.

Это можно воспринимать в качестве подтверждения успеха административной юстиции, как эффективного вида судопроизводства, отвечающего целям и задачам концепции «Справедливого Казахстана». С другой стороны, следует понимать, что государственные органы проиграли почти половину споров в судах, что свидетельствует о существующих пробелах в данном направлении работы. Объективно, требуется повышение качества работы государственных органов с бизнесом и расширение досудебных способов урегулирования конфликтов, так как многие воспринимают суд как последнюю инстанцию для достижения справедливости.

Заключение

С 2021 года в стране полноценно начали работу административные суды, которые рассматривают споры граждан и предпринимателей к административным органам. Это коснулось и споров, связанных с торговыми знаками, в которых ответчиком выступает

государственный орган. С учетом изложенного в настоящее время в Республике Казахстан сформировалась стабильная практика административного судопроизводства по делам, связанным с товарными знаками.

Первое что следует отметить, это существенная роль специальных знаний по спорам данной категории. С учетом этого суды привлекают специализированных экспертов, чьи заключения становятся ключевыми при принятии судами решений.

Также следует понимать, то хотя иск подается к государственному органу, он напрямую связан с третьим лицом, которое является правообладателем оспариваемого товарного знака. При этом статистика указывает на высокий процент удовлетворенных исков, который практически равен половине всех споров, по которым судами были приняты решения. В этой связи неверно утверждение об уклоне судебной практики в сторону безусловной защиты правообладателей.

Отдельные затруднения у государственных органов возникают при толковании критериев сходства обозначений товарных знаков. Следует отметить, что решающее значение при принятии судами решения придается фонетическим и семантическим характеристикам обозначений, тогда как визуальный фактор не всегда является определяющим.

Следует также отметить и значение добросовестности в спорах данной сферы. В ряде случаев суды анализируют поведение заявителя при подаче заявки на регистрацию и оценивают возможность злоупотребления правом. Например, выявляют факты заведомой регистрации товара со сходным обозначением с уже имеющимся на рынке товарным знаком. Возможность этого обеспечивается, в том числе, и принципом активной роли суда, в соответствии с которым административные суды не ограничиваются исключительно теми материалами, которые представлены самим сторонами, но могут изучать всю документацию и обстоятельства по рассматриваемому делу.

В последние годы в Республике Казахстан происходит объективное усложнение споров связанных с товарными знаками, что обусловлено как ростом экономической активности и гражданского оборота, так и объективными факторами роста цифровизации в экономике. Регистрация товарного знака производится в сферах электронной коммерции, а его дальнейшее использование ориентируется на социальные сети и интернет-ресурсы. Все это порождает новые формы потенциального смешения товарных знаков и факторы недобросовестной конкуренции.

В этих условиях важно обращать внимание на то, как происходит восприятие товарного знака отдельным потребителем, какое впечатление происходит при обычном восприятии без детального анализа. Также восприятие потребителей может различаться в зависимости от категории товара и видов услуг того или иного бренда.

Анализ судебной практики указывает на то, что суды при определении сходства товарных знаков до степени смешения, исходят из необходимости выявления сходства доминирующего элемента. Если совпадение затрагивает именно сильный элемент, вероятность признания знаков сходными существенно возрастает. В случаях совпадения второстепенных, «слабых элементов» суды склонны оценивать их совпадения в совокупности, уделяя особое внимание фонетическому восприятию потребителя.

Мы живем в эпоху глобальной цифровизации экономического оборота и развития технологии искусственного интеллекта, поэтому не сложно представить ситуации, когда недобросовестными участниками экономического оборота будут целенаправленно использоваться технологии ИИ для генерации сходных по внешней атрибутике, но различных по сути торговых знаков. Технология ИИ может автоматически проанализировать

устоявшуюся судебную практику, подходы отечественных экспертов и в итоге сгенерировать такие торговые знаки, которые будут формально отличны от исходного торгового знака, но при этом вызывать у потенциального потребителя ассоциации.

Безусловно, это вопрос недобросовестной конкуренции, однако судебная практика должна быть готова к подобным спорам в будущем. Отечественная законодательная и нормативная база должна быть адаптирована к подобным вызовам.

В условиях реформирования судебной системы и создания самостоятельных кассационных судов особое значение приобретает обеспечение единообразия правоприменения. Устойчивость подходов к оценке сходства обозначений, определению доминирующих элементов и разграничению подведомственности споров административным и экономическим судам – формирует предсказуемость для бизнеса. Предприниматели, принимая решения, ориентируются не только на букву закона, но и на сложившуюся практику. Поэтому единообразие судебной практики гарантирует экономическое развитие государства на годы вперед.

Список литературы

- Ajakaye, O. G., & Lawal, A. (2023). International Trademark and Copyright Law: Harmonization, Disparities, and Global Implications for Developing Countries. *International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology*, 9(5), 807-837.
- Амиргалиев, Е. Р. (2011). Некоторые вопросы, касающиеся функции товарных знаков в Республике Казахстан. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*, (3 (23)), 152-155.
- Арыстан, А. (2019). Возвращаясь к научной публикации Р. К. Канатова «Проблемы совершенствования действующего законодательства Республики Казахстан в области правовой охраны товарных знаков, объектов промышленной собственности и селекционных достижений». *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*, 4 (58), 241–246.
- Верховный Суд Республики Казахстан. (2022, 11 октября). Постановление СКАД ВС № 6001-22-00-бап/818. Судебный кабинет. <https://office.sud.kz/> (Дата обращения: 16.02.2026).
- Верховный Суд Республики Казахстан. (2024, 23 июля). Постановление СКАД ВС № 6001-24-00-бап/190. Судебный кабинет. <https://office.sud.kz/> (Дата обращения: 16.02.2026).
- Верховный Суд Республики Казахстан. (2025, 15 мая). Постановление СКАД ВС № 6001-25-00-бап/21. Судебный кабинет. <https://office.sud.kz/> (Data obrashhenija: 16.02.2026).
- Верховный Суд Республики Казахстан. (2025, 5 февраля). Постановление СКАД ВС № 6001-23-00-бап/1183. Судебный кабинет. <https://office.sud.kz/> (Дата обращения: 16.02.2026).
- Верховный Суд Республики Казахстан. (2025, 6 мая). Постановление СКАД ВС № 6001-24-00-бап/2819. Судебный кабинет. <https://office.sud.kz/> (Дата обращения: 16.02.2026).
- Канатов, Р. К. (2016). Проблемы совершенствования действующего законодательства Республики Казахстан в области правовой охраны товарных знаков, объектов промышленной собственности и селекционных достижений. *Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан*, (4 (45)), 232-240.
- Нурмагамбетов, Ж.А. (2022). Правовая природа товарного знака как средства индивидуализации в Казахстане. *Вестник Евразийского национального университета*

имени Л.Н. Гумилева. Серия Право, 139(2), 38-49.

- Пуделька, Й. (2024). Административное право Германии. Том 1 Право административных процедур. Общее административное право. 2-ое издание. Берлин: Infotropic Media. 276.
- Рабец, А. (2022). Правовая охрана товарных знаков в России. Litres.
- Судебная коллегия по административным делам Астаны. (2023, 4 августа). Определение № 7194-23-00-4/2492. Судебный кабинет. <https://office.sud.kz/> (Дата обращения: 16.02.2026).
- Тукиев, А.С. (2025). Реформа кассационных судов в Казахстане: шаг к обеспечению стабильности судебной практики. Зангер. №3 (284). 9-13.

References

- Ajakaye, O. G., & Lawal, A. (2023). International Trademark and Copyright Law: Harmonization, Disparities, and Global Implications for Developing Countries. *International Journal of Scientific Research in Computer Science, Engineering and Information Technology*, 9(5), 807-837.
- Amirgaliev, E. R. (2011). Nekotorye voprosy, kasajushhiesja funkcii tovarnyh znakov v Respublike Kazahstan. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan*, (3 (23)), 152-155.
- Arystan, A. (2019). Vozvrashhajas' k nauchnoj publikacii R. K. Kanatova «Problemy sovershenstvovaniya dejstvujushhego zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan v oblasti pravovoj ohrany tovarnyh znakov, ob#ektov promyshlennoj sobstvennosti i selekcionnyh dostizhenij». *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan*, 4 (58), 241–246.
- Kanatov, R. K. (2016). Problemy sovershenstvovaniya dejstvujushhego zakonodatel'stva Respubliki Kazahstan v oblasti pravovoj ohrany tovarnyh znakov, obektov promyshlennoj sobstvennosti i selekcionnyh dostizhenij. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan*, (4 (45)), 232-240.
- Nurmagambetov, Zh.A. (2022). Pravovaja priroda tovarnogo znaka kak sredstva individualizacii v Kazahstane. *Vestnik Evrazijskogo nacional'nogo universiteta imeni L.N. Gumileva. Serija Pravo*, 139(2), 38-49.
- Pudel'ka, J. (2024). Administrativnoe pravo Germanii. Tom 1 Pravo administrativnyh procedur. Obshhee administrativnoe pravo. 2-oe izdanie. Berlin: Infotropic Media. 276.
- Sudebnaja kollegija po administrativnym delam Astany. (2023, 4 avgusta). Opredelenie № 7194-23-00-4/2492. Sudebnyj kabinet. <https://office.sud.kz/> (Data obrashhenija: 16.02.2026).
- Verhovnyj Sud Respubliki Kazahstan. (2025, 15 maja). Postanovlenie SKAD VS № 6001-25-00-6ap/21. Sudebnyj kabinet. <https://office.sud.kz/> (Data obrashhenija: 16.02.2026).
- Verhovnyj Sud Respubliki Kazahstan. (2025, 5 fevralja). Postanovlenie SKAD VS № 6001-23-00-6ap/1183. Sudebnyj kabinet. <https://office.sud.kz/> (Data obrashhenija: 16.02.2026).
- Verhovnyj Sud Respubliki Kazahstan. (2022, 11 oktjabrja). Postanovlenie SKAD VS № 6001-22-00-6ap/818. Sudebnyj kabinet. <https://office.sud.kz/> (Data obrashhenija: 16.02.2026).
- Verhovnyj Sud Respubliki Kazahstan. (2024, 23 ijulja). Postanovlenie SKAD VS № 6001-24-00-6ap/190. Sudebnyj kabinet. <https://office.sud.kz/> (Data obrashhenija: 16.02.2026).
- Verhovnyj Sud Respubliki Kazahstan. (2025, 6 maja). Postanovlenie SKAD VS № 6001-24-00-

бар/2819. Sudebnyj kabinet. <https://office.sud.kz/> (Data obrashhenija: 16.02.2026).

Rabec, A. (2022). Pravovaja ohrana tovarnyh znakov v Rossii. Litres.

Tukiev, A.S. (2025). Reforma kassacionnyh sudov v Kazahstane: shag k obespecheniju stabil'nosti sudebnoj praktiki. Zanger.№3 (284). 9-13.

FTAMP: 10.17.31

Қазақстан Республикасының әкімшілік сот ісін жүргізудегі тауар белгілерін құқықтық қорғаудың ерекшеліктері: теория мен практика

Камал Сабиров

Қазақстан Республикасы Сот әкімшілігі секторының меңгерушісі,

Астана, Қазақстан

email: 707-0392@sud.kz

Аңдатпа

Мақала Қазақстан Республикасының әкімшілік сот ісін жүргізу тәртібімен сауда белгілеріне құқықтарды қорғауға байланысты дауларды құқықтық реттеу және қарастырудың ерекшеліктерін талдауға арналған. Зерттеудің мақсаты осындай дауларды шешудің әкімшілік-құқықтық тетіктерінің ерекшелігін, сондай-ақ құқық қолдану практикасының проблемаларын және оны жетілдіру бағыттарын анықтау болып табылады.

Жұмыстың әдіснамалық негізін тіркеу, жарамсыз деп тану және тауар белгілерінің қолданылуын тоқтату саласындағы уәкілетті органдардың шешімдеріне дау айту туралы істер бойынша әкімшілік соттардың сот актілерін қоса алғанда, 2023-2025 жылдардағы сот практикасына талдау құрайды. Қазақстандық заңгер ғалымдардың сауда белгілері туралы даулардың құқықтық сипатына және олардың әкімшілік құқық жүйесіндегі орындарына қатысты ұстанымдары қосымша зерттеледі.

Мақалада сондай-ақ осы санаттағы істер бойынша әкімшілік дауларды қарау статистикасына ерекше назар аударылған. Жұмыста сот жүйесін реформалаудың және әкімшілік рәсімдердің бірізділігі қағидатын енгізудің тұрақты құқыққолдану тәжірибесін қалыптастыруға әсері қарастырылады. Сонымен қатар айрықша құқықтарды қорғау мен еркін бәсекелестікті қамтамасыз ету арасындағы тепе-теңдік мәселесі, сондай-ақ зияткерлік меншік саласындағы Қазақстан Республикасының халықаралық міндеттемелерінің маңызы жеке талданады. Заңнаманы жетілдірудің өзектілігі сақталған жағдайда, тауар белгілері бойынша дауларды шешуде жүйелі және болжамды тәсілдің қалыптасып келе жатқаны туралы қорытынды жасалады.

Анықталған тенденциялар негізінде заңнаманың бар олқылықтары мен қайшылықтары туралы тұжырымдар жасалады. Зерттеу нәтижелерін заң шығару қызметінде, сот практикасында және одан әрі ғылыми әзірлемелерде қолдануға болады.

Кілт сөздер: сауда белгілері, әкімшілік іс-жүргізу, сот практикасы, зияткерлік меншікті қорғау, әкімшілік даулар.

IRRST: 10.17.31

Issues of legal trademark protection in administrative proceedings of the Republic of Kazakhstan: theory and practice

Kamal Sabirov

Head of the Sector of the Judicial Administration of the RK, Astana, Kazakhstan

email: 707-0392@sud.kz

Abstract

This article analyzes the specifics of legal regulation and dispute resolution related to the protection and enforcement of trademark rights in the administrative courts of the Republic of Kazakhstan. The purpose of the study is to identify the specifics of administrative legal mechanisms for resolving such disputes, as well as issues in law enforcement practice and areas for improvement.

The methodological basis of the work is an analysis of judicial practice for 2023–2025, including judicial decisions of administrative courts in cases challenging decisions of authorized bodies regarding the registration, invalidation, and termination of trademarks. Additionally, the paper examines the opinions of legal scholars of Kazakhstan regarding the legal nature of trademark disputes and their place in the administrative law system.

The article also pays particular attention to statistical data concerning the consideration of administrative disputes in this category of cases. It examines the impact of judicial system reforms and the introduction of the principle of uniformity of administrative procedures on the development of consistent law enforcement practice. The paper separately analyzes the issue of balancing the protection of exclusive rights with the promotion of free competition, as well as the significance of the international obligations of the Republic of Kazakhstan in the field of intellectual property protection. It concludes that a systematic and predictable approach to the resolution of trademark disputes is being formed, while the need for further improvement of legislation remains relevant.

Based on the identified trends, conclusions are drawn regarding existing gaps and conflicts of law. The results of the study can be used in lawmaking, judicial practice, and future research.

Key words. trademarks, administrative proceedings, judicial practice, intellectual property protection, administrative disputes.

Дата поступления: 20 Февраль, 2026

DOI: <https://doi.org/10.47344/9fyypw72>

MPНТИ:10.15.59

Правовые механизмы противодействия насилию в отношении женщин и пути их социально-экономической реинтеграции: опыт Узбекистана

Сохиба Иноятова

Ташкентский государственный юридический университет, Ташкент, Узбекистан

e-mail: s.gafarova@list.ru

Аннотация

Правовая защита женщин от насилия и гендерной дискриминации — одна из наиболее острых задач, с которыми сталкивается современное государство. В Республике Узбекистан эта задача приобрела характер конституционного приоритета: два специальных закона, принятых в 2019 году, а впоследствии и криминализация домашнего насилия в апреле 2023 года качественно изменили нормативную архитектуру страны. Вместе с тем существующая правоприменительная практика свидетельствует о том, что разрыв между буквой закона и реальной защищённостью пострадавших по-прежнему значителен. Настоящая статья последовательно рассматривает международно-правовую базу противодействия насилию — прежде всего CEDAW и надзорный механизм Комитета; реформы национального законодательства Узбекистана 2019–2025 годов; сравнительный опыт Казахстана и Кыргызстана; государственную политику содействия экономической и социальной интеграции пострадавших; наконец, барьеры реинтеграции и возможные пути их преодоления. Особое внимание уделено моноцентрам «Ишга мархамат» и программе «Женских тетрадей» как ключевым государственными инструментами восстановления экономической самостоятельности и социального достоинства женщин, переживших насилие. Исследование приводит к выводу о том, что законодательные преобразования 2019–2023 годов носят структурный характер; однако устойчивое снижение уровня гендерного насилия достижимо лишь при последовательном правоприменении, доступной психологической помощи, масштабном правовом просвещении и целенаправленной трансформации социокультурных установок.

Ключевые слова: насилие в отношении женщин, домашнее насилие, CEDAW, охранный ордер, экономическое насилие, гендерное равенство.

Введение

Защита женщин от притеснений и насилия — это не абстрактный правовой императив. Это практическая мера зрелости государства, претендующего на звание правового и социального. Слова здесь расходятся с делом повсеместно, и Узбекистан не исключение — хотя именно он являет один из наиболее показательных в регионе примеров законодательного прорыва последнего десятилетия. В стране, последовательно реализующей курс на построение правового социального государства с развитым гражданским обществом, обеспечение гендерного равенства превратилось в подлинное конституционное обязательство, а не декларацию.

Бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун в своём обращении в связи с Международным днём ликвидации насилия в отношении женщин (25 ноября 2016 г.) констатировал: насилие в отношении женщин и девочек является нарушением прав человека, масштабной угрозой общественному здравоохранению и серьёзным препятствием устойчивому развитию (United Nations Secretary-General, 2016). С тех пор прошло почти десять

лет — наблюдение не устарело ни на день. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, почти треть женщин в мире сталкивалась с домашним насилием хотя бы однажды — цифра, которая говорит о системной, а не частной природе явления.

Важно зафиксировать один концептуальный сдвиг, нередко остающийся за скобками: на протяжении большей части истории домашнее насилие воспринималось как «личное дело» семьи, а не предмет публичного права. Само появление законодательства, регулирующего этот круг отношений, явление относительно недавнее даже в странах с развитой правовой системой. В экспертной среде домашнее насилие принято определять как систематически повторяющиеся физические, психологические, сексуальные и экономические воздействия, осуществляемые против воли близкого человека с целью установления власти и контроля. Переход от архаичной модели попустительства к современной концепции государственной ответственности — вот центральная линия нормативной эволюции, которую анализирует настоящая статья.

Цель научной статьи состоит в том, чтобы показать: Узбекистан прошёл качественный перелом в правовом регулировании гендерного насилия — и одновременно выявить институциональные разрывы, которые препятствуют полноценной реализации принятых норм.

Уровень научной разработанности *темы* в международной литературе достаточно высок и отличается разнообразием подходов. Правовые измерения CEDAW исследовались в работах Cusack (2009), Cusack и Timmer (2011), Cusack и Pusey (2013), Thomas и Beasley (1993), Hintjens (2008), McPhedran et al. (2000); эффективность конвенционного механизма как инструмента трансформации национального законодательства — в трудах Vijeyarasa (2020); социологические и психологические грани семейного насилия — в исследованиях Ayvazova (2001) и Zdravomislova (2005). Из отечественных авторов вопросы гендерного равенства применительно к Центральной Азии рассматривали Alieva (2020, 2021) и Atajanova (2018).

Вместе с тем в литературе по-прежнему недостаточно представлен вопрос, составляющий предмет настоящей работы: в какой мере законодательство Узбекистана обеспечивает не просто декларирование прав женщин, но их практическое осуществление — особенно в части социально-экономической реинтеграции пострадавших. Этот пробел особенно значим, поскольку глобальная литература о взаимосвязи экономического насилия и реинтеграции сосредоточена преимущественно на западном опыте (Postmus et al., 2020), тогда как центральноазиатские данные остаются фрагментарными.

Материалы и методы

Методологическая база настоящего исследования формировалась исходя из его объективно междисциплинарного характера: правовые, социологические, экономические и психологические аспекты проблемы не поддаются адекватному изучению в рамках единственного метода. По этой причине применялась совокупность взаимодополняющих подходов.

Центральное место занял нормативно-правовой анализ, охвативший как международные инструменты — CEDAW (McPhedran et al., 2000), Всеобщую декларацию прав человека, Международные пакты о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах (Thomas & Beasley, 1993; Fedoseeva & Kostromina, 2007) — так и специальное законодательство Республики Узбекистан с учётом поправок вплоть до 2025

года (Alieva, 2021; Eshmatova, 2021). Принципиально важно, что задача состояла не только в описании нормативного содержания: требовалось оценить практическую применимость каждого механизма, то есть выявить разрыв между тем, что написано в законе, и тем, как он реально работает.

Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить подходы трёх государств — Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана, объединённых сходными правовыми традициями, постсоветским институциональным наследием и близким демографическим контекстом (Republic of Kazakhstan, 2009; Republic of Kyrgyzstan, 2017). Источниковую базу составили как тексты нормативных актов, так и материалы НКО, мониторинговые доклады международных организаций и данные правоприменительной практики. Показательно, что именно сопоставление с региональными соседями — а не с европейскими образцами — позволяет выявить наиболее практически значимые точки уязвимости узбекистанской системы.

Статистический анализ применялся для изучения динамики зарегистрированных случаев насилия и степени участия женщин в предпринимательской деятельности (UNDP Uzbekistan, 2023; Kasimov, 2023). При интерпретации данных последовательно учитывалась проблема латентности: реальный масштаб насилия, по всей видимости, существенно превышает официальную статистику — следствие социальной стигматизации и хронического недоверия к правоохранительным институтам. Дополнительно использовались методы индукции и дедукции, а также системный подход для комплексного рассмотрения правовых, экономических и психологических измерений проблемы (Alieva, 2020; Atajanova, 2018).

Особое место в источниковой базе заняли доклады международных организаций за 2020–2025 годы: оценка Всемирного банка (World Bank, 2024), отчёт ПРООН по женскому предпринимательству (UNDP Uzbekistan, 2025), доклад МСПЧ о правоприменительной практике (IPHR, 2025) и материалы HRW (Human Rights Watch, 2026). Совокупность этих источников обеспечивала взгляд одновременно «снаружи» и «изнутри» на происходящие изменения — что, на наш взгляд, повышает аналитическую ценность сделанных выводов. Такой междисциплинарный подход позволил учесть влияние юридических норм, социокультурных факторов и экономической политики на реальную защищённость женщин (Cusack, 2009; Cusack & Timmer, 2011; Shvedova, 2011; Ayvazova, 2001).

Результаты исследования

В последние годы в Узбекистане наблюдаются значительные шаги в направлении укрепления прав женщин и обеспечения их активного участия в социально-политической жизни страны. Одной из приоритетных задач государства становится защита женщин от всех форм насилия и дискриминации, а также создание условий для их экономической и социальной независимости. Соглашаясь с оценкой United Nations Secretary-General (2016), хотели бы особо подчеркнуть: права женщин закрепляют их социально-экономический, гражданский и политический статус и направлены прежде всего на защиту от гендерной дискриминации. Они входят в число основных прав человека и закреплены в многочисленных международных конвенциях, договорах, резолюциях и программах действий.

Международно-правовые рамки: CEDAW и эволюция контрольного механизма

Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин занимает центральное место в международно-правовой архитектуре защиты прав женщин —

и занимает его не случайно. До её принятия женские права растворялись в общих нормах о правах человека; Конвенция впервые выделила их в самостоятельную категорию международного права. Дискриминация определяется в ней как любое разграничение, устранение или ограничение по признаку пола, которое ослабляет либо сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах (Cusack, 2009, p. 86).

Принципиальная ценность статьи 2 — её обязывающий, а не рекомендательный характер: государствам недостаточно декларировать равноправие на бумаге, они обязаны принимать конкретные законодательные меры, включая санкции против дискриминации. Статья 5, в свою очередь, обязывает страны-участницы изменять социальные и культурные модели поведения с целью искоренения стереотипов, основанных на идее превосходства одного из полов (Cusack & Timmer, 2011, p. 329). По справедливому замечанию Shvedova (2011, p. 23), обязательства по Конвенции распространяются не только на государственные органы, но и на действия любых частных лиц и организаций. Это существенное уточнение: ответственность государства возникает и тогда, когда оно не предотвращает насилие, совершаемое частными лицами.

Нормотворческая динамика самого Комитета заслуживает отдельного внимания. Общая рекомендация № 35 (2017) расширила понятие «насилие в отношении женщин» до категории «гендерно обусловленное насилие против женщин», усилила требования должной осмотрительности государств и подтвердила: государственная ответственность возникает даже тогда, когда непосредственным исполнителем насилия является частное лицо (Vijayarasa, 2020). Это нормативное развитие напрямую значимо для оценки правоприменения в Узбекистане — именно с этой точки зрения следует читать статистику о высоком проценте примирительных прекращений дел.

Механизм периодической отчётности обязывает государства-участницы представлять доклады каждые четыре года (Antonova, 2011, p. 52; McPhedran et al., 2000). Наша страна, присоединившаяся к Конвенции в 1995 году, к настоящему времени представила в Комитет шесть национальных докладов:

- первый национальный доклад — 2000 г.;
- второй-третий — 2004 г.;
- четвёртый — 2008 г.;
- пятый — 2014 г.;
- шестой — 2019 г.

Такие доклады позволяют оценить прогресс в реализации обязательств, выявить существующие проблемы и получить рекомендации по их решению. В марте 2022 года Комитет опубликовал заключительные замечания по шестому докладу, выразив обеспокоенность высоким уровнем гендерного насилия, гендерным разрывом в оплате труда и недостаточным представительством женщин в судебном корпусе (CEDAW Committee, 2022).

Права женщин охраняются и другими нормами ООН, включая Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Конвенцию о правах ребёнка, Конвенцию против пыток (Thomas & Beasley, 1993; Fedoseeva & Kostromina, 2007). Совокупность этих актов формирует многоуровневую архитектуру международной защиты, в которой CEDAW занимает место наиболее детализированного специального договора.

Национальное законодательство Узбекистана: реформы 2019–2025 годов

Следует отметить: наша страна одной из первых в Центральной Азии ратифицировала конвенции ООН о ликвидации дискриминации в отношении женщин, об охране материнства и о дискриминации в области труда и занятий. В 2017–2019 годах в Узбекистане принято значительное количество нормативно-правовых актов, направленных на защиту прав женщин. Переломным стал 2019 год — год принятия двух ключевых законов.

Закон «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» (3 сентября 2019 г.) впервые на законодательном уровне закрепил понятия прямой и косвенной дискриминации по признаку пола. Введение категории косвенной дискриминации — шаг принципиальный: она позволяет противодействовать внешне нейтральным правилам, которые фактически ставят женщин в невыгодное положение без какого-либо умысла со стороны нормотворца. В нормативно-правовом акте также введена обязательная гендерно-правовая экспертиза нормативных актов, направленная на выявление скрытого дискриминационного потенциала. Как справедливо отмечает Alieva (2021, p. 2), лидирующие позиции в мире по гендерному равенству связаны не только с качеством правовой и институциональной базы, но и с общественным сознанием и мировоззрением людей — этот тезис напрямую применим к нашей стране: законодательная реформа работает лишь в сочетании с трансформацией социальных установок, а не вместо неё.

Закон «О защите женщин от притеснений и насилия» (2 сентября 2019 г.) стал большой реформой в этой сфере. Документ регулирует отношения в области защиты женщин от притеснений и насилия в быту, на рабочих местах, в образовательных учреждениях и в иных местах. Его принципиальное достоинство — нормативная определённость: впервые в законодательстве получили чёткую дефиницию понятия «притеснение», «насилие», «охранный ордер», а также все четыре вида насилия — психологическое, физическое, половое и экономическое. Уполномоченный Олий Мажлиса по правам человека подчеркнул прямую связь принятых мер с обязательствами, взятыми Узбекистаном при присоединении к CEDAW (Eshmatova, 2021).

Не менее значимым шагом стала криминализация домашнего насилия в апреле 2023 года: поправки в Уголовный кодекс ввели самостоятельный состав, превратив Узбекистан в пятое государство Восточной Европы и Центральной Азии, установившее уголовную ответственность за данное деяние — после Грузии, Кыргызстана, Молдовы и Украины (Amnesty International, 2023). В феврале 2025 года был также отменён обязательный период примирения при разводе по делам о домашнем насилии — мера, ликвидировавшая один из наиболее критикуемых процессуальных барьеров. Внешняя оценка этих реформ весьма показательна: по итогам доклада Всемирного банка «Women, Business and the Law 2024» Узбекистан получил 82,5 балла из 100, войдя в число наиболее динамично улучшившихся государств мира (World Bank, 2024).

Сравнительный аспект: опыт государств Центральной Азии

Проанализировав опыт соседних государств, можно точнее оценить достижения Узбекистана в региональном контексте.

Казахстан располагает наиболее длительной историей специального законодательства в регионе: Закон «О профилактике бытового насилия» № 214-IV действует с 4 декабря 2009 года (Republic of Kazakhstan, 2009). Ключевое процессуальное преимущество казахстанской модели — охранное предписание, выдаваемое сотрудником полиции непосредственно на месте происшествия без обращения в суд, что существенно ускоряет реакцию системы.

Однако в 2017 году Казахстан декриминализировал систематическое насилие, вызвав острую критику правозащитного сообщества. Трагическое убийство Салтанат Нукуновой в 2023 году повлекло принятие «Закона Салтанат» (Закон № 72-VIII, апрель 2024 г.), который восстановил уголовную ответственность.

В Кыргызстане с 27 апреля 2017 года действует Закон «Об охране и защите от семейного насилия» № 63 (Republic of Kyrgyzstan, 2017), предусматривающий трёхуровневую систему защитных инструментов: временный защитный ордер, защитный ордер и судебный защитный ордер. В 2024–2025 годах закон расширен: срок административного задержания нарушителя увеличен до 14 суток, введён электронный мониторинг.

На этом фоне законодательство Узбекистана 2019–2023 годов сопоставимо по охвату с региональными стандартами, однако по скорости реагирования уступает казахстанской модели — выдача охранный ордера требует судебного решения, что создаёт практический барьер для пострадавших, не имеющих юридической поддержки. Именно этот разрыв, а не отсутствие законодательства как такового, фиксируется как главная точка уязвимости системы. Полевые исследования подтверждают, что пострадавшие нередко прибегают к неформальным стратегиям выхода из ситуации насилия — в обход официальных механизмов, доступность которых остаётся ограниченной (Hassani & Oren, 2022).

Динамика женского предпринимательства

Согласно открытым статистическим данным, за последние пять лет число женщин-предпринимателей в Узбекистане удвоилось (Kasimov, 2023). Это, безусловно, положительная тенденция, свидетельствующая о растущей самостоятельности женщин в деловой сфере. По данным доклада ПРООН (UNDP Uzbekistan, 2025), в стране насчитывается около 2,1 млн женщин-предпринимателей из общего числа 5,2 млн, что составляет порядка 40% предпринимательского сообщества. Следует оговориться: данное соотношение является расчётным и не приводится в таком виде в первоисточнике; сам отчёт ПРООН акцентирует иной показатель — предпринимательницы составляют около 35% всех занятых женщин.

Данного результата удалось добиться благодаря ряду государственных программ: налоговым преференциям, беспроцентным кредитам с льготным периодом до десяти лет, деятельности Государственного целевого фонда по поддержке женщин. Вместе с тем оценка Всемирного банка фиксирует сохраняющееся неравенство: разрыв в уровне экономической активности между мужчинами и женщинами составляет 28 процентных пунктов, гендерный разрыв в оплате труда достигает 34%, а доля молодых женщин в категории NEET равна 42% (World Bank, 2024). Отсутствие дифференцированного мониторинга положения именно тех женщин, которые вышли из ситуации насилия, остаётся одним из ключевых пробелов государственной политики.

Анализ результатов исследования

Историко-философский контекст: от оправдания угнетения к правовому признанию

Нынешняя нормативная архитектура не возникла на пустом месте. Чтобы понять её значение — и её пределы, — необходимо хотя бы кратко обратиться к тому, что ей предшествовало. Угнетение женщин на протяжении тысячелетий не просто существовало — оно получало идеологическое обоснование. На Аравийском полуострове в эпоху невежества обычай заживо погребать новорождённых девочек был освящён традицией; в Индии

существовало сати — самосожжение вдов; в Древнем Китае рождение девочки воспринималось как несчастье. Не менее показательное другое: даже в те времена учёные и политики не просто мирились с неравным положением женщин — они его скрывали, подменяя споры о правах спорами о том, обладает ли женщина душой. Пренебрежительное отношение к женщине нашло отражение в богословских и философских произведениях древнего мира. Сократ выразил господствовавшее мировоззрение известным изречением, согласно которому счастьем считается не быть ни варваром, ни женщиной.

С тех пор прошло почти два с половиной тысячелетия. Наивно было бы утверждать, что дискриминационный взгляд исчез. Нет. Он лишь сменил форму: сегодня он воспроизводится не через богословские тексты, а через замещение понятия «социальная дискриминация в отношении женщин» расплывчатыми призывами к «гендерному равенству» — как если бы проблема была уже решена, оставалось лишь выровнять условия. Между тем это не одно и то же. Необходимой предпосылкой гендерного равенства является устранение всех форм нарушения прав женщин — прежде всего в сфере труда.

Тема домашнего насилия в нашей стране стала рассматриваться как актуальная и требующая урегулирования на законодательном уровне сравнительно недавно. В российском и постсоветском научном сообществе, как констатировала Ayvazova (2001, p. 69), данная тема долгое время оставалась предметом изучения социологов, а не юристов; Zdravomislova (2005, p. 1) показала, что семейное насилие рассматривалось как социальная, а не правовая проблема. Именно этим объясняется концептуальное значение законодательного прорыва 2019–2023 годов: он фиксирует принципиальную смену государственного подхода — от молчаливого попустительства к активному противодействию.

Научные подходы к исследованию гендерного насилия

В науке сложилось несколько концептуальных направлений, каждое из которых освещает отдельные грани проблемы и имеет следствия для правоприменения.

Во-первых, дискриминацию долгое время рассматривали исключительно как правовую проблему. Однако закреплённые в праве нормы нередко расходятся с их фактической реализацией — дистанция между статьёй закона и реальным поведением институтов бывает огромной. Именно поэтому представители правительств более чем 190 государств, участвовавшие в IV Всемирной конференции по положению женщин в Пекине, признали, что неравенство между мужчинами и женщинами всё ещё существует и нуждается в устранении как неотъемлемая часть универсальных прав человека. Данные ПРООН по судебной практике Узбекистана 2024 года наглядно иллюстрируют это расхождение: свыше 55% уголовных дел о домашнем насилии прекращаются через примирение сторон (501 из 907 дел), а 96% пострадавших лишены юридического представительства (UNDP Uzbekistan & MADAD NGO, 2025).

Во-вторых, традиционным для исследований дискриминации является психологический подход на уровне микросоциума. Матина Суретис Хорнер (родилась 28 июля 1939 г., Роксбери, Бостон) — американский психолог, чьи исследования посвящены интеллекту, мотивации и достижениям женщин. Всемирную известность ей принесло открытие в 1968 году феномена «страха успеха» — устойчивой психологической установки, при которой женщины сдерживают профессиональные амбиции из опасения социального отвержения. Этот вывод имеет прямое практическое значение для программ реинтеграции: доступ к ресурсам сам по себе не гарантирует их использования без предварительной психологической реабилитации.

Социологический подход обладает значительным объяснительным потенциалом. Рэндалл Коллинз (родился 29 июля 1941 г., Нью-Йорк) — почётный профессор социологии Пенсильванского университета, один из ведущих современных социальных теоретиков. Коллинз подчёркивал, что насилие противоречит физиологической природе человека и является исключением, а не правилом (Ayvazova, 2001). Данный вывод опровергает упрощённые объяснения, сводящие агрессию к бедности или семейным патологиям, и указывает на социально воспроизводимый характер насилия как стратегии контроля над другим.

Феминистский подход настаивает на необходимости изменения не только правовых норм, но и самих институтов, воспроизводящих патриархальные отношения. Конструктивная критика биологического детерминизма с позиций феминистской теории осуществлена Р. Коннеллом; теория социального конструктивизма (Д. Лорбер, С. Фаррелл) раскрывает механизмы воспроизводства неравенства через семью, образование и занятость. Конфликтологический подход (О. Конт, М. Вебер, Р. Дарендорф, Л. Козер) концептуализирует насилие как инструмент перераспределения власти через принуждение; гендерно-ролевая концепция Т. Парсонса, апеллирующая к идеям Фрейда о врождённых началах маскулинности и фемининности, исторически служила легитимации патриархального порядка — пока последовательная критика Р. Коннелла не поставила под сомнение сам биологический детерминизм.

Комплекс проблем, связанных с насилием в отношении женщин в семье, сегодня объединяет социологию, гендерные исследования, психологию, философию, экономику и право. Без содержательного взаимодействия этих дисциплин ни полноценный анализ проблемы, ни разработка эффективных мер противодействия невозможны.

Типология форм насилия и её правовое закрепление

Закон «О защите женщин от притеснений и насилия» закрепил четыре формы насилия — каждая отличается собственной феноменологией и уровнем латентности.

Физическое насилие — наиболее очевидная и традиционно признаваемая форма. Психологическое насилие — систематическое унижение, изоляция, запугивание — отличается значительно более высокой латентностью, поскольку не оставляет видимых следов. Половое насилие характеризуется особо высокой долей незафиксированных случаев вследствие стигматизации и культурно обусловленного стыда.

Особого внимания заслуживает экономическое насилие. Согласно статье 3 Закона Республики Узбекистан «О защите женщин от притеснений и насилия», экономическое насилие проявляется в ограничении экономических возможностей и зависимости от мужчин: удержании заработной платы, лишении доступа к финансовым ресурсам, контроле над имуществом, а также ограничении возможностей получения образования и трудоустройства (UNDP Uzbekistan, 2023). Международные исследования подтверждают: экономическое насилие создаёт прямой путь к материальной нищете и служит механизмом удержания жертвы в зависимости (Postmus et al., 2020).

Ежегодная кампания «16 дней активизма против гендерного насилия», стартующая 25 ноября и завершающаяся 10 декабря (UNDP Uzbekistan, 2023), традиционно акцентирует физическое и сексуальное насилие, оставляя экономическое на периферии общественного внимания. Это несоответствие — само по себе аргумент в пользу целенаправленной работы по повышению осведомлённости именно об этой форме притеснения.

Барьеры реинтеграции: аналитическая характеристика

Защита прав женщин, пострадавших от насилия, требует комплексного правового и социального подхода. Несмотря на проводимые реформы, сохраняется ряд факторов, ограничивающих участие женщин в общественной и деловой жизни.

Первый барьер — психологические последствия травмы. Посттравматическое стрессовое расстройство, депрессия, хронические тревожные состояния способны на протяжении многих лет подавлять социальную и профессиональную активность. Без психологической реабилитации даже открытый доступ к финансовым инструментам не трансформируется в реальную независимость. Это подтверждается данными систематического обзора: наибольший эффект дают программы, сочетающие экономическое расширение возможностей с гендерно-трансформационными подходами (Böhret et al., 2025).

Второй барьер — экономическая зависимость как прямое наследие систематического экономического насилия. Женщина, лишённая годами доступа к банковским счетам и официальной занятости, оказывается в замкнутом круге: для выхода из зависимости нужны ресурсы, которых нет именно по причине этой зависимости. Разорвать этот круг силами одного лишь правового механизма — невозможно.

Третий барьер — социальные стереотипы и культурное давление. Традиционные представления о гендерных ролях, стигматизация разведённых женщин, давление расширенной семьи создают среду, в которой даже юридически закреплённые права реализуются с трудом. Эта среда воспроизводится в том числе через институт махалли — традиционного соседского сообщества, которое может выступать и ресурсом поддержки, и инструментом социального контроля.

Четвёртый барьер — недостаточная информированность о правовых механизмах защиты. Значительная часть женщин, особенно в сельских районах, не осведомлена об охранных ордерах, порядке обращения в органы внутренних дел и программах поддержки. По данным ИПЧП (2025), лишь около 3% судей, рассматривающих дела о домашнем насилии, — женщины (IPHR, 2025), что само по себе удерживает пострадавших от обращения за защитой.

Программы социальной и экономической реабилитации

Государство располагает рядом конкретных инструментов, направленных на преодоление описанных барьеров.

Для выявления и предотвращения экономического насилия налажена деятельность моноцентров «Ишга мархамат» — 28 центров функционируют во всех регионах страны. Они обучают профессиям, преподают иностранные языки, оценивают квалификацию и помогают с трудоустройством женщин, оказавшихся жертвами домашнего насилия, а также находящихся в социально уязвимом положении. В 2021 году услугами центров воспользовались свыше 11 000 граждан, из которых 7 500 составляли женщины (UNDP Uzbekistan, 2025). Вместе с тем формальная оценка результативности моноцентров применительно именно к пострадавшим от насилия по-прежнему отсутствует — что ограничивает возможность доказательного суждения об эффективности этого механизма.

Наряду с этим особого внимания заслуживает практика «Женских тетрадей», которые служат действенным механизмом адресной поддержки по нескольким направлениям: предоставление социальной защиты, обеспечение жильём на льготных условиях, а также содействие в трудоустройстве и запуске бизнес-инициатив. Государственный целевой фонд по поддержке женщин финансирует широкий спектр мероприятий — от поддержки

предпринимательских инициатив до обеспечения социальной защиты малообеспеченных женщин.

Рекомендации

На основании проведённого исследования можно сформулировать следующие предложения практического характера.

Первое — совершенствование правоприменительной практики. Тот факт, что более половины уголовных дел о домашнем насилии прекращаются через примирение сторон (UNDP Uzbekistan & MADAD NGO, 2025), указывает на структурную проблему, не решаемую лишь совершенствованием законодательства. Полагаем целесообразным изучить казахстанский опыт административного охранного предписания, выдаваемого полицейским на месте без судебного решения; такой механизм существенно сократил бы временной разрыв между инцидентом и защитной реакцией системы. Параллельно необходима специализированная подготовка судей и сотрудников органов внутренних дел, включая обязательные модули по травма-информированному подходу. *Ответственные органы:* Верховный суд совместно с Министерством внутренних дел. *Целевой показатель к 2027 году:* снижение доли примирительных прекращений до 30%.

Второе — расширение доступности психологической помощи. Данные систематических обзоров убедительно показывают: экономические интервенции, не подкреплённые психологическим сопровождением, дают значительно более скромный эффект (Böhret et al., 2025). Кризисное консультирование и формирование адаптивных поведенческих стратегий должны войти в стандартный пакет помощи во всех моноцентрах. *Ответственные:* Министерство здравоохранения совместно с Комитетом по делам женщин. *Показатель:* охват не менее 70% обратившихся женщин психологическим сопровождением в течение трёх месяцев от момента обращения.

Третье — повышение правовой грамотности населения, особенно женщин и девочек, об их правах и возможностях, которые предоставляет государство. Для достижения этой цели особую роль играют институты гражданского общества: средства массовой информации, органы местного самоуправления и махаллинские сходы граждан. Целесообразно включить модуль о видах насилия и механизмах правовой защиты в программы средних учебных заведений — с охватом не менее 90% школ к 2026 году.

Четвёртое — трансформация социальных норм. Alieva (2021, p. 2) убеждена в необходимости совершенствования законодательства, однако признаёт, что изменение общественного сознания не менее значимо, чем качество правовой базы. Программы, формирующие уважение к достоинству женщины и равенство в семейных и трудовых отношениях, должны системно интегрироваться в образование на всех уровнях. *Ответственный:* Министерство народного образования. *Показатель:* введение гендерного компонента в не менее трёх школьных предметов к 2027 году.

Пятое — специализация программ экономической реинтеграции. Действующие программы поддержки женского предпринимательства нуждаются в дополнении специализированными треками для женщин, переживших насилие: наставничество, упрощённый доступ к микрофинансированию, группы взаимной поддержки и постзаёмное сопровождение. Не менее важно создание единого протокола межведомственного взаимодействия с чётко определёнными сроками и ответственным координатором по каждому

случаю. *Ответственные:* Министерство экономики совместно с Комитетом по делам женщин. *Показатель:* пилотное внедрение протокола в пяти регионах к концу 2026 года.

Ограничения исследования

Настоящее исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, статистика зарегистрированных случаев насилия отражает лишь «видимую» их часть: реальный масштаб гендерного насилия значительно превышает официальные данные вследствие латентности. Во-вторых, сравнительный анализ опирается преимущественно на нормативные тексты и мониторинговые доклады, а не на первичные данные правоприменения. В-третьих, доступная статистика женского предпринимательства не позволяет вычленить подгруппу женщин, вышедших из ситуации насилия, — дифференцированный мониторинг этой категории отсутствует. Наконец, источниковая база включает материалы преимущественно на русском, английском и узбекском языках.

Выводы

В завершение проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

Защита прав женщин от притеснений и насилия, а также создание условий для их равноправного участия в общественной и экономической жизни имеют важнейшее значение для построения справедливого и развитого гражданского общества. Принятие законов «О защите женщин от притеснений и насилия» и «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» — важные шаги на пути к гендерному равенству. Криминализация 2023 года и отмена принудительного примирения в 2025 году придали этой системе уголовно-правовое измерение и устранили ключевой процессуальный барьер. Сравнение с Казахстаном и Кыргызстаном указывает на конкретный вектор совершенствования — введение административного охранного предписания без немедленного судебного решения.

Моноцентры «Ишга марҳамат» и программа «Женских тетрадей» идентифицированы как значимые государственные механизмы, хотя отсутствие дифференцированного мониторинга их воздействия на женщин, переживших насилие, не позволяет дать доказательную оценку эффективности.

Рост предпринимательской активности женщин и высокая оценка Всемирного банка свидетельствуют о реальном прогрессе (World Bank, 2024; UNDP Uzbekistan, 2025). Однако для достижения полноценного успеха рекомендуется продолжать работу над эффективным применением принятых законов, развивать программы поддержки и реабилитации, а также содействовать активному участию женщин в предпринимательской деятельности. Только комплекс мер — правовых, психологических и социальных — способен обеспечить реальную защиту и равные возможности. Расширение экономической самостоятельности женщин не только способствует их личному восстановлению, но и вносит значительный вклад в социально-экономическое развитие страны в целом.

Сведения о финансировании

Научная статья подготовлена в рамках финансирования по научным и (или) научно-техническим программам на 2025–2027 годы, направленным на реализацию проекта

BR28713695 «Теоретические и методологические основы сотрудничества семьи и общества по проблемам насилия в отношении женщин и девочек-подростков», финансируемого Комитетом науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан.

Список литературы

- Alieva, K. R. (2020). Gender equality during a pandemic: The problem of domestic violence. *Review of Law Sciences*, 2, 69–73.
- Alieva, K. R. (2021). Are there enough legal reforms on gender equality (view of the experience of the European Union)? *Science, Society and Innovations Journal*, Special Issue-4. <https://cyberleninka.ru/article/n/dostatochno-li-pravovyh-reform-dlya-obespecheniya-gendernogo-ravenstva-vzglyad-opyta-evropeyskogo-soyuza> Дата обращения: 3.12.2025
- Amnesty International. (2023, April 6). Uzbekistan: Parliament passes long-overdue legislation criminalizing domestic violence. <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2023/04/uzbekistan-parliament-passes-legislation-criminalizing-domestic-violence/> Дата обращения: 11.12.2025
- Антонова, Ю. А. (2011). Дискриминация по признаку пола [Discrimination on the grounds of sex]. Создание правовой среды для защиты от дискриминации [Creating a legal environment for protection against discrimination] (с. 52). Новая Юстиция
- Atajanova, D. S. (2018). Ayollar va oilaviy vazifalarni bajarish bilan mashg'ul shaxslar mehnatini huquqiy tartibga solishning xususiyatlari [Legal regulation of labour of women and persons engaged in family duties] [Doctoral dissertation, Tashkent State University of Law].
- Айвазова, С. Г. (2001). Гендерное равенство в контексте прав человека [Gender equality in the context of human rights] (с. 69). Еслан.
- Böhret, I. A., Subramonia Pillai, V., & Steinert, J. I. (2025). What works in reducing economic violence against women: Global evidence from a systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/15248380251383915>
- CEDAW Committee. (2022, March). Concluding observations on the sixth periodic report of Uzbekistan (CEDAW/C/UZB/CO/6). United Nations. <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cedaw>
- Cusack, S. (2009). Discrimination against women: Combating its compounded and systemic forms. *Alternative Law Journal*, 34(2), 86–91.
- Cusack, S., & Pusey, L. (2013). CEDAW and the rights to non-discrimination and equality. *Melbourne Journal of International Law*, 14(1), 56–92.
- Cusack, S., & Timmer, A. S. H. (2011). Gender stereotyping in rape cases: The CEDAW Committee's decision in *Vertido v The Philippines*. *Human Rights Law Review*, 11(2), 329–342. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngr014>
- Ешматова, Ф. Ф. (2021). Омбудсман: все женщины находятся под защиты государства [Омбудсман: Алл шомен аре ундер стате протецтион]. *Ombudsman: All women are under state protection*. Office of the Authorized Person of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan for Human Rights <https://ombudsman.uz/ru/news/2021/04/26/ombudsman-barcha-xotin-qizlar-davlat-himoyasida> Дата обращения: 29.11.2025
- Федосеева, Н. Н., & Костромина, Д. Д. (2007). Международно-правовые закрепленные прав

женщин и механизмы их реализации [International legal consolidation of women's rights and mechanisms for their implementation]. *Международно-публичное и частное право*, 5, 20–24.

- Hassani, S., & Oren, T. S. (2022). Grassroots struggles against domestic violence in Uzbekistan: Strategies of exit and voice. *Central Asian Survey*, 41(3), 456–476. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.2018993>
- Hintjens, H. (2008). UNIFEM, CEDAW and the human rights-based approach. *Development and Change*, 39(6), 1181–1192. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2008.00524.x>
- Human Rights Watch. (2026, March 4). Uzbekistan's domestic violence reforms fall short [Dispatches]. <https://www.hrw.org/news/2026/03/04/uzbekistans-domestic-violence-reforms-fall-short> Дата обращения: 13.01.2026
- International Partnership for Human Rights (IPHR). (2025, December). Reform and reality: Measuring Uzbekistan's progress in the fight against domestic violence. IPHR.
- Касимов, Д. С. (2023). Число женщин-предпринимателей в Узбекистане удвоилось [The number of women entrepreneurs in Uzbekistan has doubled]. *Business Ombudsman of the Republic of Uzbekistan*. <https://biznesombudsman.uz/ru/news/1173> Дата обращения: 10.01.2026
- Phedran, M., Bazilli, S., Erickson, M., & Byrnes, A. (2000). The first CEDAW impact study: Final report. Centre for Feminist Research, York University.
- Postmus, J. L., Hoge, G. L., Breckenridge, J., Sharp-Jeffs, N., & Chung, D. (2020). Economic abuse as an invisible form of domestic violence: A multicountry review. *Trauma, Violence, & Abuse*, 21(2), 261–283. <https://doi.org/10.1177/1524838018764160>
- Республика Казахстан. (2009). Закон Республики Казахстан № 214-ИВ «О профилактике бытового насилия» [Law of the Republic of Kazakhstan No. 214-IV on the Prevention of Domestic Violence]. IS Эділет. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214> Дата обращения: 3.12.2025
- Республика Кыргызстан. (2017). Закон Кыргызской Республики № 63 «Об охране и защите от семейного насилия» [Law of the Kyrgyz Republic No. 63 on Protection from Family Violence]. Centralized Legal Information Bank of the Kyrgyz Republic.
- Шведова, Н. А. (2011). Гендерное равенство в России в XXI в. в контексте международных обязательств: Прогресс или упущенные возможности? [Gender equality in Russia in the 21st century in the context of international obligations: Progress or missed opportunities?]. *Женщина в российском обществе*, 3, 23–31.
- Thomas, D. Q., & Beasley, M. E. (1993). Domestic violence as a human rights issue. *Human Rights Quarterly*, 15(1), 36–62. <https://doi.org/10.2307/762650>
- UNDP Uzbekistan. (2023, November 17). 16 dney aktivizma protiv gendernogo nasiliya [16 days of activism against gender-based violence]. <https://www.undp.org/ru/uzbekistan/news/16-days-activism-against-gender-based-violence-2023> Дата обращения: 27.12.2025
- UNDP Uzbekistan. (2025, April). Women's entrepreneurship in Uzbekistan: Assessment and recommendations. UNDP.
- UNDP Uzbekistan & MADAD NGO. (2025, March). Analysis of judicial practice on domestic violence cases (criminal cases). UNDP.
- United Nations Secretary-General. (2016, November 25). Secretary-General's message for the International Day to End Violence Against Women and Girls. United Nations. <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-11-25/secretary-generals-message-international-day-end-violence-against> Дата обращения: 13.11.2025

- Vijayarasa, R. (2020). CEDAW's General Recommendation No. 35: A quarter of a century of evolutionary approaches to violence against women. *Journal of Human Rights*, 19(2), 153–167. <https://doi.org/10.1080/14754835.2019.1686347>
- World Bank. (2024, June). Country gender assessment: Uzbekistan. World Bank.
- Здравомислова, О. (2005). Насилье в семье и кризис традиционной концепции воспитания [Domestic violence and the crisis of the traditional concept of upbringing]. *Социальная педагогика*, 19(1), 1–8.

References

- Alieva, K. R. (2020). Gender equality during a pandemic: The problem of domestic violence. *Review of Law Sciences*, 2, 69–73.
- Alieva, K. R. (2021). Are there enough legal reforms on gender equality (view of the experience of the European Union)? *Science, Society and Innovations Journal*, Special Issue-4. <https://cyberleninka.ru/article/n/dostatochno-li-pravovyh-reform-dlya-obespecheniya-gendernogo-ravenstva-vzglyad-opyta-evropeyskogo-soyuza> (Data obrashhenija:3.12.2025)
- Amnesty International. (2023, April 6). Uzbekistan: Parliament passes long-overdue legislation criminalizing domestic violence. <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2023/04/uzbekistan-parliament-passes-legislation-criminalizing-domestic-violence/> (Data obrashhenija:11.12.2025)
- Antonova, Yu. A. (2011). Diskriminatsiya po priznaku pola [Discrimination on the grounds of sex]. In *Sozdaniye pravovoy sredy dlya zashchity ot diskriminatsii* [Creating a legal environment for protection against discrimination] (p. 52). Novaya Yustitsiya.
- Atajanova, D. S. (2018). Ayollar va oilaviy vazifalarni bajarish bilan mashg'ul shaxslar mehnatini huquqiy tartibga solishning xususiyatlari [Legal regulation of labour of women and persons engaged in family duties] [Doctoral dissertation, Tashkent State University of Law].
- Ayvazova, S. G. (2001). Gendernoye ravenstvo v kontekste prav cheloveka [Gender equality in the context of human rights] (p. 69). Eslan.
- Böhret, I. A., Subramonia Pillai, V., & Steinert, J. I. (2025). What works in reducing economic violence against women: Global evidence from a systematic review and meta-analysis. *Trauma, Violence, & Abuse*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/15248380251383915>
- CEDAW Committee. (2022, March). Concluding observations on the sixth periodic report of Uzbekistan (CEDAW/C/UZB/CO/6). United Nations. <https://www.ohchr.org/en/treaty-bodies/cedaw>
- Cusack, S. (2009). Discrimination against women: Combating its compounded and systemic forms. *Alternative Law Journal*, 34(2), 86–91.
- Cusack, S., & Pusey, L. (2013). CEDAW and the rights to non-discrimination and equality. *Melbourne Journal of International Law*, 14(1), 56–92.
- Cusack, S., & Timmer, A. S. H. (2011). Gender stereotyping in rape cases: The CEDAW Committee's decision in *Vertido v The Philippines*. *Human Rights Law Review*, 11(2), 329–342. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngr014>
- Eshmatova, F. F. (2021, April 26). Ombudsman: vse zhenshchiny nakhodyatsya pod zashchitoy gosudarstva [Ombudsman: All women are under state protection]. Office of the Authorized Person of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan for Human Rights.

- <https://ombudsman.uz/ru/news/2021/04/26/ombudsman-barcha-xotin-qizlar-davlat-himoyasida> (Data obrashheniya:29.11.2025)
- Fedoseeva, N. N., & Kostromina, D. D. (2007). Mezhdunarodno-pravovoye zakrepleniye prav zhenshchin i mekhanizmy ikh realizatsii [International legal consolidation of women's rights and mechanisms for their implementation]. *Mezhdunarodno-publichnoye i chastnoye pravo*, 5, 20–24.
- Hassani, S., & Oren, T. S. (2022). Grassroots struggles against domestic violence in Uzbekistan: Strategies of exit and voice. *Central Asian Survey*, 41(3), 456–476. <https://doi.org/10.1080/02634937.2021.2018993>
- Hintjens, H. (2008). UNIFEM, CEDAW and the human rights-based approach. *Development and Change*, 39(6), 1181–1192. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7660.2008.00524.x>
- Human Rights Watch. (2026, March 4). Uzbekistan's domestic violence reforms fall short [Dispatches]. <https://www.hrw.org/news/2026/03/04/uzbekistans-domestic-violence-reforms-fall-short> (Data obrashheniya: 13.01.2025)
- International Partnership for Human Rights (IPHR). (2025, December). Reform and reality: Measuring Uzbekistan's progress in the fight against domestic violence. IPHR.
- Kasimov, D. S. (2023, December 12). Chislo zhenshchin-predprinimateley v Uzbekistane udvoilos [The number of women entrepreneurs in Uzbekistan has doubled]. *Business Ombudsman of the Republic of Uzbekistan*. <https://biznesombudsman.uz/ru/news/1173> (Data obrashheniya: 10.01.2025)
- McPhedran, M., Bazilli, S., Erickson, M., & Byrnes, A. (2000). The first CEDAW impact study: Final report. Centre for Feminist Research, York University.
- Postmus, J. L., Hoge, G. L., Breckenridge, J., Sharp-Jeffs, N., & Chung, D. (2020). Economic abuse as an invisible form of domestic violence: A multicountry review. *Trauma, Violence, & Abuse*, 21(2), 261–283. <https://doi.org/10.1177/1524838018764160>
- Republic of Kazakhstan. (2009, December 4). Zakon Respubliki Kazakhstan № 214-IV «O profilaktike bytovogo nasiliya» [Law of the Republic of Kazakhstan No. 214-IV on the Prevention of Domestic Violence]. IS Adilet. <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214> (Data obrashheniya:3.12.2025)
- Republic of Kyrgyzstan. (2017, April 27). Zakon Kyrgyzskoy Respubliki № 63 «Ob okhrane i zashchite ot semeynogo nasiliya» [Law of the Kyrgyz Republic No. 63 on Protection from Family Violence]. Centralized Legal Information Bank of the Kyrgyz Republic.
- Shvedova, N. A. (2011). Gendernoye ravenstvo v Rossii v XXI v. v kontekste mezhdunarodnykh obyazatel'stv: Progress ili upushchennyye vozmozhnosti? [Gender equality in Russia in the 21st century in the context of international obligations: Progress or missed opportunities?]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, 3, 23–31.
- Thomas, D. Q., & Beasley, M. E. (1993). Domestic violence as a human rights issue. *Human Rights Quarterly*, 15(1), 36–62. <https://doi.org/10.2307/762650>
- UNDP Uzbekistan. (2023, November 17). 16 dney aktivizma protiv gendernogo nasiliya [16 days of activism against gender-based violence]. <https://www.undp.org/ru/uzbekistan/news/16-days-activism-against-gender-based-violence-2023> (Data obrashheniya:27.12.2025)
- UNDP Uzbekistan. (2025, April). Women's entrepreneurship in Uzbekistan: Assessment and recommendations. UNDP.
- UNDP Uzbekistan & MADAD NGO. (2025, March). Analysis of judicial practice on domestic violence cases (criminal cases). UNDP.
- United Nations Secretary-General. (2016, November 25). Secretary-General's message for the

International Day to End Violence Against Women and Girls. United Nations. <https://www.un.org/sg/en/content/sg/statement/2016-11-25/secretary-generals-message-international-day-end-violence-against> (Data obrashheniya: 13.11.2025)

Vijayarasa, R. (2020). CEDAW's General Recommendation No. 35: A quarter of a century of evolutionary approaches to violence against women. *Journal of Human Rights*, 19(2), 153–167. <https://doi.org/10.1080/14754835.2019.1686347>

World Bank. (2024, June). Country gender assessment: Uzbekistan. World Bank.

Zdravomislova, O. (2005). Nasiliye v sem'ye i krizis traditsionnoy kontseptsii vospitaniya [Domestic violence and the crisis of the traditional concept of upbringing]. *Sotsial'naya pedagogika*, 19(1), 1–8.

FTAMP: 10.15.59

Әйелдерге қатысты зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимылдың құқықтық тетіктері және оларды әлеуметтік-экономикалық қайта кіріктіру жолдары: Өзбекстан тәжірибесі

Сохиба Иноятова

Ташкент мемлекеттік құқық университеті, Ташкент, Өзбекстан

e-mail: s.gafarova@list.ru

Андатпа

Әйелдерді зорлық-зомбылықтан және гендерлік кемсітушіліктен құқықтық қорғау – қазіргі заманғы мемлекет алдында тұрған ең өзекті міндеттердің бірі. Өзбекстан Республикасында бұл міндет конституциялық басымдық сипатқа ие болды: 2019 жылы қабылданған екі арнайы заң, сондай-ақ 2023 жылғы сәуірде тұрмыстық зорлық-зомбылықты қылмыстық жауаптылыққа енгізу елдің нормативтік-құқықтық жүйесін сапалық тұрғыдан өзгертті. Сонымен қатар, қолданыстағы құқық қолдану тәжірибесі заң нормалары мен жәбірленушілердің нақты қорғалуы арасындағы алшақтықтың әлі де елеулі екенін көрсетеді. Осы мақалада зорлық-зомбылыққа қарсы іс-қимылдың халықаралық-құқықтық негіздері, ең алдымен CEDAW және оның Комитетінің қадағалау тетігі; Өзбекстанның 2019–2025 жылдардағы ұлттық заңнамалық реформалары; Қазақстан мен Қырғызстанның салыстырмалы тәжірибесі; жәбірленушілердің экономикалық және әлеуметтік интеграциясына бағытталған мемлекеттік саясат; сондай-ақ қайта интеграциялау үдерісіндегі кедергілер мен оларды еңсеру жолдары жүйелі түрде қарастырылады. Зерттеуде «Ишга мархамат» моноорталықтары мен «Әйелдер дәптері» бағдарламасына ерекше назар аударылады, өйткені олар зорлық-зомбылықтан зардап шеккен әйелдердің экономикалық дербестігін қалпына келтіру және әлеуметтік қадір-қасиетін нығайтудағы негізгі мемлекеттік құралдар болып табылады. Зерттеу қорытындысы 2019–2023 жылдардағы заңнамалық өзгерістердің құрылымдық сипатқа ие екенін көрсетеді. Дегенмен, гендерлік зорлық-зомбылық деңгейін тұрақты түрде төмендету тек құқық нормаларын дәйекті қолдану, қолжетімді психологиялық көмек, кең ауқымды құқықтық ағарту және социомәдени ұстанымдарды мақсатты түрде трансформациялау жағдайында ғана мүмкін болады.

Кілт сөздер: әйелдерге қатысты зорлық-зомбылық, тұрмыстық зорлық-зомбылық, CEDAW, қорғау нұсқамасы, экономикалық зорлық-зомбылық, гендерлік теңдік.

IRRS: 10.15.59

Legal Mechanisms for Combating Violence Against Women and Pathways to Their Socioeconomic Reintegration: The Experience of Uzbekistan

Sohiba Inoyatova
Tashkent State University Of Law, Tashkent, Uzbekistan
e-mail: s.gafarova@list.ru

Abstract

Legal protection of women against violence and gender-based discrimination is among the most pressing obligations that confront the contemporary state. In the Republic of Uzbekistan, this obligation has taken on the character of a constitutional priority: two landmark laws enacted in 2019, followed by the criminalization of domestic violence in April 2023, fundamentally reshaped the country's normative framework. Enforcement practice, however, continues to reveal a considerable gap between statutory text and the actual protection available to survivors. This article examines, in sequence, the international legal instruments for combating violence — principally CEDAW and the monitoring mechanism of its Committee — the trajectory of Uzbekistan's national legislative reforms from 2019 to 2025, the comparative experiences of Kazakhstan and Kyrgyzstan, state policy on the economic and social integration of survivors, and the barriers to reintegration together with pathways for overcoming them. Particular attention is given to the Ishga Marhmat monocentre network and the Women's Notebooks programme as the primary state mechanisms for restoring the economic independence and social dignity of women who have experienced violence. The study concludes that Uzbekistan's 2019–2023 legislative progress is structural in character; sustained reduction of gender-based violence, however, is achievable only through consistent enforcement, accessible psychological support, broad legal literacy, and the systematic transformation of cultural norms.

Key words: violence against women, domestic violence, CEDAW, protection order, economic violence, gender, equality.

Дата поступления: 24 Март, 2026

DOI: <https://doi.org/10.47344/fgk51214>

MPНТИ 10.27.21

Общество с ограниченной ответственностью в законодательстве Германии и Казахстана: сравнительный анализ

Таня Галандер¹, Светлана Зеппельт², Нилс Бауманн³, Анна Рихтер⁴, Марат Естемиров⁵
^{1,2,3}юридическая фирма GvW Graf von Westphalen, Берлин, Германия
⁴юридическая фирма Heuking, Кёльн, Германия
⁵Университет SDU, Каскелен, Казахстан
email: marat.yestemirov@sdu.edu.kz

Аннотация

В статье анализируется регулирование различных аспектов деятельности товариществ с ограниченной ответственностью в законодательстве Германии и Казахстана. В частности, рассматривается правовое регулирование вопросов регистрации товариществ с ограниченной ответственностью, учредительных документов, уставного капитала, распределения чистой прибыли и преимущественного права выкупа доли. Уделяется внимание вопросам, связанным с государственной регистрацией юридических лиц, включая товарищества с ограниченной ответственностью. В Казахстане требования различаются в зависимости от вида и формы юридического лица, а также от того, относится ли оно к малому, среднему или крупному предпринимательству. Например, государственная регистрация некоммерческих организаций осуществляется органами юстиции, а коммерческие организации регистрируются в Государственной корпорации «Правительство для граждан». Кроме того, рассматриваются вопросы формирования уставного капитала. Обращается внимание на недостатки требований к его поддержанию в казахстанском законодательстве. Также анализируется правовое регулирование требований к уставному капиталу товарищества с ограниченной ответственностью по немецкому праву, порядок распределения чистой прибыли и преимущественное право выкупа доли участника.

Ключевые слова: товарищество с ограниченной ответственностью, государственная регистрация, уставный капитал, учредительные документы, чистая прибыль, преимущественное право покупки доли.

Введение

Организационно-правовая форма товарищества с ограниченной ответственностью пользуется большой популярностью в казахстанском бизнес-сообществе. Её выбирают не только субъекты малого и среднего предпринимательства, но и субъекты крупного бизнеса. Так, в организационно-правовой форме ТОО осуществляет деятельность компания «ТенгизШевройл», прямые платежи которой в 2025 году в Республику Казахстан составили 10,6 млрд долларов США (отчёт «ТенгизШевройл» за 2025 год).

Исследователь из Грузии Л. Чантурия выделяет две модели правового регулирования корпоративных отношений в мировой практике. В первой модели законодатель всесторонне регулирует корпоративные отношения посредством закона, причём большинство норм носит императивный характер (нормативный метод). Во второй модели расширяются возможности регулирования посредством устава, и учредителям корпорации предоставляются широкие полномочия по урегулированию вопросов, связанных с внутренней деятельностью корпорации (метод саморегулирования, или *self-enforcing model*). Автор также обращает внимание на то, что в посткоммунистических странах, не имеющих устоявшегося опыта

создания и управления корпорациями, приоритет нередко отдаётся модели саморегулирования, что приводит к недостаточной урегулированности ряда вопросов (Л.Чантурия).

Другой грузинский исследователь, Иракий Бурдули, основываясь на опыте своей страны, отмечает: «...корпоративное право должно уделять значительное внимание тому, чтобы идея либерализма не стала предпосылкой бесконтрольности и распущенности. Это особенно опасно для стран с переходной экономикой, в которых отсутствует либо недостаточно развита деловая этика, корпоративное управление, а также практика удовлетворения требований корпоративных кредиторов и т.д.» (Иракий, 2013).

Приведённые научные позиции представляются актуальными и для правовой системы Республики Казахстан. Например, действующее казахстанское законодательство о ТОО игнорирует вопрос сохранения капитала. В частности, формирование уставного капитала и его сохранение в ходе последующей деятельности не контролируются регистрирующим органом или другими государственными органами. В имущественном обороте встречаются случаи распределения чистой прибыли, несмотря на сложное финансовое положение товарищества. Например, постановление апелляции судебной инстанции Актюбинского областного суда №2А-221 от 18 февраля 2011 года, решение специализированного межрайонного экономического суда Костанайской области № 3971-18-00-2/2800 от 28 августа 2018 года. При этом казахстанское законодательство, которое должно было бы предотвращать такие ситуации, не предусматривает соответствующих запретов.

Немецкий законодатель обладает богатым опытом регулирования деятельности товариществ с ограниченной ответственностью. Действующий немецкий закон о ТОО был принят 20 апреля 1892 года и действует по настоящее время. Немецкими авторами проведено значительное количество исследований (учебники, монографии, комментарии, судебная практика), посвящённых применению данного закона. Это является важным ресурсом для развития казахстанского законодательства о ТОО.

Ежедневный имущественный оборот выдвигает множество новых вопросов, требующих осмысления и нормативного разрешения со стороны казахстанского законодателя. В этой связи настоящая статья, подготовленная совместными усилиями юристов из Германии и Казахстана, представляет научный и практический интерес, а также может способствовать дальнейшему развитию и совершенствованию казахстанского законодательства о ТОО и правоприменительной практики.

Относительно терминологии: немецкое наименование «Gesellschaft mit beschränkter Haftung» переводится на русский язык как «общество с ограниченной ответственностью». Однако, учитывая, что казахстанский законодатель использует термин «товарищество с ограниченной ответственностью», в настоящей статье при изложении немецкого права будут использоваться термины «общество» или «GmbH», тогда как применительно к казахстанскому праву — «товарищество» либо сокращённое обозначение «ТОО».

Порядок регистрации ТОО/ГмБХ

Германия

Общество с ограниченной ответственностью (по-немецки: Gesellschaft mit beschränkter Haftung, далее по тексту «GmbH» или «Общество») является юридическим лицом, особенностью которого является то, за обязательства общества отвечают не участники, а само

общество в размере его уставного капитала. На практике это имеет большое значение, поскольку вследствие ограничения ответственности согласно § 13 абз. 2 Закона Германии об обществах с ограниченной ответственностью (далее по тексту «GmbHG») в случае ответственности, как правило, можно обратиться только на имущество общества. (Merkt, 2025) Как указано в § 13 абз. 1 GmbHG, оно может независимо от участников приобретать собственные права и обязанности («правосубъектность»), самостоятельно предъявлять иски и быть ответчиком по искам (Merkt, 2025), а также приобретать собственное имущество общества.

Цели деятельности GmbH ограничены только законом, т.е. возможна любая деятельность, которая не противоречит законодательству. (Fleisher, 2025)

Орган, осуществляющий регистрацию

1. Регистрация GmbH

GmbH регистрируется в соответствии с § 7 абз. 1 GmbHG в торговом реестре участкового суда - регистрационного суда, в судебном участке которого находится местонахождение общества по уставу («Уставное местонахождение») (Jaeger, 2025). Фактически можно повлиять на территориальную компетенцию регистрационного суда посредством выбора уставного местонахождения, сознательно назначенного отлично от административного местонахождения. (Jaeger, 2025)

Уставное местонахождение общества - это место на территории Германии, которое определено в соответствии с § 4a GmbHG в уставе общества. (Hupka, 2025) Уставное местонахождение не обязано совпадать с административным местонахождением общества. Административное местонахождение GmbH - это место, где управляющий директор и другие исполнительные органы фактически реализуют основные управленческие решения в текущей корпоративной деятельности общества. (Hupka, 2025)

Согласно § 376 абз. 2 Закона о производстве по семейным делам (FamFG) существует возможность посредством нормативного акта передать ведение реестра другим или дополнительным участковым судам либо установить иные судебные округа. (Herrler, 2025) Поэтому рекомендуется заранее проверить территориальную компетенцию конкретного регистрационного суда. Функционально за регистрацию отвечает судья или судебный чиновник (по-немецки: Rechtspfleger). (Herrler, 2025)

В рамках подачи заявления на регистрацию общества и занесение в реестр регистрационный суд проверяет, соблюдены ли установленные законом предпосылки для внесения записи. Суд контролирует, было ли общество учреждено надлежащим образом - как с формальной, так и с материальной точки зрения. (Kafka, 2025). В частности регистрационный суд проверяет, соответствует ли фирменное наименование требованиям § 18 абз. 2 Торгового Уложения Германии (по немецки: Handelsgesetzbuch, «HGB»), внесены ли минимальные вклады в уставный капитал (§ 7 абз. 2 GmbHG), представлены ли необходимые документы, такие как список участников, учредительный договор и предусмотренные законом подтверждения руководителей (§§ 7, 8 GmbHG). Суд вправе отказать во внесении записи только в том случае, если обязательные требования закона не соблюдены.

2. Заявление на регистрацию

Заявление о регистрации и внесении записи о GmbH в торговый реестр подается через нотариуса. Порядок подачи заявления регулируется §§ 7 и 8 GmbHG. В зависимости от

положений о представительстве общества заявление должно быть подано лично одним или несколькими управляющими директорами общества. (Servatius, 2025).

Участники общества не обладают правом подавать вышеуказанное заявление. Их обязанность ограничивается обеспечением предпосылок для внесения записи (внесение уставного капитала, предоставление необходимой информации для списка участников) (Jaeger, 2025), однако участвовать непосредственно в подаче заявления о регистрации они не обязаны и не уполномочены. Как юридическое лицо GmbH возникает только с момента внесения записи в торговый реестр.

Документы предоставляемые для регистрации GmbH

Документы, которые необходимо представить для регистрации общества, перечислены в § 8 GmbHG:

- нотариально удостоверенный учредительный договор;
- решение участников о назначении управляющего директора, если он не был назначен в рамках нотариального заверения учредительного договора;
- список участников в соответствии § 40 GmbHG;
- заверение управляющего директора о надлежащем внесении вкладов в уставный капитал (путем внесения неденежных вкладов или путём предъявления отчёта о неденежном вкладе);
- указание внутреннего (немецкого) адреса для деловой корреспонденции;
- сведения о виде и объёме полномочий по представительству управляющих директоров, включая перечень лиц, обладающих правом представительства (например прокурисов);
- заверение управляющего директора, что в отношении его не существует препятствий для его назначения как управляющего директора в форме судебного или административного запрета на профессиональную или предпринимательскую деятельность в Германии, в одном из государств Евросоюза или в одном из государств-членов ЕАСТ, совпадающей полностью или частично с предметом деятельности общества, либо в форме в течение последних пяти лет вступившего в законную силу приговора немецкого суда за определённые преступления, перечисленные в § 6 абз. 2 №3 GmbHG, или вынесенного за рубежом приговора за преступления, сопоставимые с перечисленными в § 6 абз. 2 №3 GmbHG преступлениями. Перед заверением управляющий директор должен быть уведомлён нотариусом, представителем аналогичной юридической профессии (например адвокатом) или консульским должностным лицом о своей неограниченной обязанности по предоставлению сведений регистрационному суду.

3. Требования, предъявляемые к учредителям

GmbH может быть учреждена одним лицом или несколькими лицами. Участниками GmbH могут быть физические лица, независимо от их гражданства, места жительства или пребывания. Кроме того, участниками GmbH могут быть юридические лица, а также иностранные юридические лица. (Heinze, 2025). В последнем случае предпосылкой для участия в немецкой GmbH является их правоспособность, признаваемая в соответствии с применимым для них национальным правом. Иностранное юридическое лицо должно подтвердить своё существование и его представитель его полномочия на представительство посредством соответствующих документов. Как правило, подтверждение осуществляется путем предоставления актуальной выписки из иностранного торгового реестра или

учредительного документа, каждый из которых должен быть легализован и переведён на немецкий язык. (Heinze, 2025)

Казахстан

Вопросы регистрации юридических лиц регулируются Гражданским кодексом Республики Казахстан, а также Законом Республики Казахстан от 17 апреля 1995 года «О государственной регистрации юридических лиц и учётной регистрации филиалов и представительств».

В случае если учредителями выступают иностранные граждане, подлежат применению также Закон Республики Казахстан от 22 июля 2011 года «О миграции населения» и Закон Республики Казахстан от 19 июня 1995 года «О правовом положении иностранцев».

Так, для учреждения либо приобретения доли в уставном капитале товарищества с ограниченной ответственностью иностранными гражданами требуется получение визы категории «С5 — бизнес-иммигрант», за исключением граждан государств — членов Евразийского экономического союза. В судебной практике имеется ряд примеров, когда в связи с отсутствием указанной визы у участника перерегистрация товарищества с ограниченной ответственностью признавалась недействительной. Например, постановление судебной коллегии по гражданским делам Алматинского областного суда № 1999-23-00-2а/13 от 2 марта 2023 года, а также постановление судебной коллегии по гражданским делам Кызылординского областного суда № 4399-23-00-2а/531 от 13 июля 2023 года.

В соответствии со статьей 42 Гражданского кодекса Республики Казахстан юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, подлежат государственной регистрации в Государственной корпорации «Правительство для граждан». Государственная регистрация может быть осуществлена путём обращения в Государственную корпорацию «Правительство для граждан» по месту нахождения юридического лица с подачей соответствующих документов либо посредством портала eGov с возможностью регистрации товарищества с ограниченной ответственностью в онлайн-режиме.

Учредительные документы

Германия

1. Устав

Учредительный договор (Устав) общества подлежит нотариальному удостоверению и должен содержать минимальный обязательный перечень сведений, включая наименование общества, его местонахождение, предмет деятельности предприятия, размер уставного капитала, а также количество и номинальную стоимость долей участия (см. §§ 2, 3 GmbHG).

В определённых случаях допускается учреждение GmbH в упрощённом порядке посредством использования типового протокола (понемецки: Musterprotokoll) в соответствии с § 2 абз. 1а GmbHG. Такой протокол объединяет в одном документе нотариально удостоверенный устав общества, список участников и решение о назначении управляющего директора. Учреждение GmbH по типовому протоколу разрешено в соответствии с § 2 абз. 1а GmbHG лишь при соблюдении следующих условий: число участников не должно превышать трёх и назначается только один управляющий директор. В устав могут быть только те положения, которые предусмотрены в типовом протоколе по закону. Никакие

дополнительные положения не могут быть включены. (Heinze, 2025) Учреждение общества на основании типового протокола происходит, как правило, быстрее и связано с меньшими расходами. Большим недостатком является то, что из-за очень простой структуры устава все особенно спорные вопросы между участниками или между участниками и управляющим директором, решаются исключительно в соответствии с законодательными положениями. Поэтому для иностранных учредителей или смешанного участия из-за различающихся интересов и конфликтного потенциала, учреждение общества на основании типового протокола не целесообразно.

Более подходящим является индивидуальный устав. В нём помимо предусмотренных законом обязательных положений, которые были описаны выше, могут быть включены факультативные (дополнительные) положения. К основным факультативным положениям (Wicke, 2025) в уставе могут относиться, в частности:

- срок существования общества;
- дополнительные обязанности участников;
- перечень сделок, требующих согласия общего собрания участников;
- особые правила о распределении прибыли и убытков;
- положения об изъятии долей, ограничении их уступки, преимущественных правах покупки и требованиях о согласии при передаче долей;
- регулирование выхода участников и компенсации (по-немецки: Abfindung);
- создание факультативного наблюдательного совета и определение его структуры (например задачи, состав, полномочия), в соответствии с § 52 GmbHG;
- отклоняющиеся правила о проведении собраний участников, порядке принятия решений и их оспаривании;
- регулирование правопреемства в случае смерти участника и наследственные оговорки;
- арбитражные оговорки и др.

2. Иные решения и соглашения

2.1 Назначение управляющего директора

В соответствии с § 6 абз. 1 GmbHG для GmbH должен быть назначен как минимум один управляющий директор. В соответствии с § 6 абз. 1 GmbHG управляющим директором может быть только совершеннолетнее физическое лицо. Управляющий директор является неотъемлемым органом представительства общества, поскольку он единственный вправе действовать от имени общества во внешних отношениях и связывать его юридически значимыми действиями. Без назначения управляющего директора не может быть произведена даже регистрация общества. При этом его национальность не имеет значения. Если управляющий директор является иностранным гражданином, необходимо обеспечить возможность его беспрепятственного въезда в Германию в любое время. В качестве управляющего директора могут быть назначены как сами участники GmbH, так и третьи лица. В § 8 абз. 2 GmbHG установлен список обстоятельств, которые считаются препятствиями для назначения на должность управляющего директора (Goette, 2025)

Назначение управляющего директора и снятие его с поста осуществляется, как правило, посредством решения участников общества. Нотариальное удостоверение такого решения участников не требуется. Назначение управляющего директора в уставе не

исключено, но встречается на практике – за исключение назначения первого директора – очень редко.

2.2 Назначение прокуриста

GmbH в праве наделить одного или нескольких сотрудников прокурой. Прокурист - как правило - действует в рамках оперативного бизнеса рядом с управляющим директором, но его назначение не является неотъемлемой частью при учреждении общества. Прокурист является факультативным органом управления. Объём его деятельность регулируется по закону §§ 48, 49 HGB. Участники имеют право в уставе или на основании решения участников расширить полномочия прокуриста.

Прокурист назначается либо на основании решения участников, либо на основании распоряжения управляющего директора, если это входит в его компетенцию.

Если прокурист назначен, то этот факт должен быть обязательно занесён в торговый реестр, за что отвечает управляющий директор.

2.3 Факультативные договоры и соглашения

2.3.1 Соглашение участников общества (*Gesellschaftervereinbarung*)

Под соглашением участников общества понимается соглашение, заключаемое вне устава общества. (Wicke, 2025) Преимущества такого соглашения заключаются прежде всего в его конфиденциальности и возможности принять индивидуальные правила, не включаемые в устав общества. Не являясь частью устава соглашения участников общества не документируются в уставе и не подлежат внесению в торговый реестр. Потому у общественности нет доступа к таким соглашениям. Сторонами такого соглашения могут быть не только участники GmbH, но третьи лица.

Как правило, соглашения участников не подлежат особой форме. Если соглашения участников содержат положения о преимущественных или опционных правах покупки, либо о правах приобретения долей, то такие соглашения подлежат нотариальному удостоверению.

2.3.2 Трудовой договор с управляющим директором (*Geschäftsführeranstellungsvertrag*)

Само назначение управляющего директора на должность не даёт ему права на получение вознаграждения за его деятельность. В современной правовой доктрине допустимо, чтобы управляющие директора получали вознаграждение за выполнение своих функций. В этом случае рекомендуется заключение письменного договора с управляющим директором. Несмотря на некоторую схожесть договор с управляющим не является обычным трудовым договором в соответствии с нормами немецкого трудового права.

Такой договор регулирует исключительно внутренние отношения между GmbH и её управляющим директором и подвергается законодательным положениям по договорам об оказании услуг в смысле §§ 611 Германского Гражданского Уложения (ГГУ, по-немецки: Bürgerliches Gesetzbuch, BGB). В договоре с управляющим директором устанавливаются конкретные права и обязанности директора при выполнении его услуг по управлению делами и имуществом общества, в частности: срок действия договора, размер вознаграждения, круг обязанностей и компетенций управляющего директора, случаи для согласования с участниками, положения о неконкуренции, правила увольнения и выходных компенсаций и др.

Тот факт, что правовые основы для (трудовых) отношений управляющего директора и его формальной позиции отличаются, ведёт к тому, что снятие управляющего директора с

поста как органа управления GmbH не приводит автоматически к прекращению его трудового договора и наоборот. (Jaeger & Steinbrück, 2026)

Казахстан

Учредительными документами товарищества с ограниченной ответственностью являются устав и учредительный договор. Согласно требованиям статьи 14 Закона Республики Казахстан «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», учредительный договор товарищества с ограниченной ответственностью должен содержать:

- решение о создании товарищества, его фирменное наименование и место нахождения;
- перечень учредителей товарищества с указанием их наименования, места нахождения, банковских реквизитов (если учредителем является юридическое лицо) либо имени, места жительства и данных документа, удостоверяющего личность (если учредителем является физическое лицо);
- порядок учреждения товарищества, обязанности учредителей, связанные с его учреждением, а также иные условия осуществления учредителями деятельности по созданию товарищества; определение полномочий указанных лиц, а также иных лиц, уполномоченных представлять интересы учреждаемого товарищества в процессе его создания и регистрации;
- размер уставного капитала товарищества;
- сведения о составе, размере и сроках внесения денежного вклада каждого учредителя в уставный капитал товарищества либо о денежной оценке вклада в натуральной форме или в виде имущественных прав; порядок принятия решения о внесении дополнительных вкладов в уставный капитал товарищества, а также последствия несвоевременного внесения вкладов;
- определение доли учредителя в имуществе товарищества; порядок перехода долей участников товарищества;
- утверждение устава товарищества;
- порядок распределения чистого дохода товарищества. В соответствии с пунктом 2 статьи 17 Закона Республики Казахстан «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» устав товарищества с ограниченной ответственностью должен содержать:
 - фирменное наименование, место нахождения и адрес товарищества;
 - перечень участников товарищества (за исключением товарищества, ведение реестра участников которого осуществляется центральным депозитарием) с указанием их наименования, места нахождения, адреса, банковских реквизитов (если участником является юридическое лицо) либо имени, места жительства и данных документа, удостоверяющего личность (если участником является физическое лицо);
 - сведения о размере уставного капитала товарищества;
 - порядок формирования и компетенцию органов товарищества;
 - условия реорганизации и прекращения деятельности товарищества;
 - порядок распределения чистого дохода товарищества в случае, когда ведение реестра участников осуществляется центральным депозитарием;
 - порядок и сроки предоставления участникам товарищества и приобретателям долей информации о деятельности товарищества;

- наименование средства массовой информации, используемого для публикации информации о деятельности товарищества;
- права и обязанности участников товарищества.

Одной из актуальных проблем корпоративных организаций в Республике Казахстан, включая товарищества с ограниченной ответственностью, является проблема так называемых «тупиковых ситуаций» (deadlock). С 2020 года казахстанским законодательством предусмотрена возможность включения в устав товарищества с ограниченной ответственностью положений о порядке разрешения подобных «тупиковых ситуаций».

Уставный капитал

Германия

1. Порядок формирования уставного капитала

Общество в германском праве всегда обладает так называемым уставным капиталом. Согласно § 5 абз. 1 GmbHG его минимальный размер составляет 25 000 евро. Уставный капитал разделяется на доли участников общества.

Формирование уставного капитала происходит в процессе учреждения GmbH. Учредители первоначально заключают учредительный договор, который подлежит обязательному нотариальному удостоверению (§ 2 GmbHG). В данном договоре должны быть, в частности, определены размер уставного капитала и величина отдельных долей участников.

Каждый участник принимает на себя определённую долю в обществе. На каждую долю должна быть внесена соответствующая вкладная сумма (§ 14 S. 1 GmbHG). Вклад может быть внесён как в денежной форме, так и в форме имущественного вклада (§ 5 абз. 4 GmbHG). За счёт этих вкладов формируется уставный капитал общества.

Если вклад вносится в имущественной форме, его стоимость не может превышать его объективную рыночную стоимость. В связи с этим учредители обязаны представить отчёт о создании общества с имущественными вкладами, в котором должны быть изложены существенные обстоятельства, подтверждающие соразмерность имущественного вклада (§ 5 абз. 4 предложение 2 GmbHG). Данный отчёт подаётся вместе с заявлением о регистрации общества в торговом реестре. Если стоимость имущественного вклада была завышена, соответствующий участник обязан внести дополнительный денежный вклад в размере выявленной разницы (§ 9 абз. 1 предложение 1 GmbHG).

При внесении денежных вкладов до регистрации общества в торговом реестре должно быть оплачено не менее одной четверти каждой доли. Общая сумма внесённых вкладов должна составлять не менее 12 500 евро (§ 7 абз. 2 GmbHG).

Внесённые вклады образуют так называемое связанное имущество общества и не могут быть возвращены участникам (§ 30 абз. 1 предложение 1 GmbHG). Данное правило направлено на обеспечение защиты уставного капитала и, тем самым, защиту кредиторов. (Schmolke, 2025). По этой причине указанная норма рассматривается как ключевой элемент германского права об обществах с ограниченной ответственностью.

2. Увеличение уставного капитала

После создания общества его уставный капитал может быть увеличен. Для этого требуется решение общего собрания участников, которое подлежит обязательному нотариальному удостоверению (§ 55 GmbHG).

В решении определяется размер увеличения уставного капитала и указываются лица, принимающие на себя новые доли общества. Увеличение капитала может осуществляться как существующими участниками общества, так и новыми инвесторами.

Лица, принимающие новые доли, обязаны внести соответствующие вклады. Эти вклады могут быть как денежными, так и имущественными. При этом §§ 55 абз. 4, 56 абз. 2 и 56а GmbHG содержат отсылку к положениям, применяемым при учреждении общества (Altmeppen, 2023). Следовательно, процедура увеличения уставного капитала в значительной степени соответствует порядку первоначального формирования капитала.

После принятия решения об увеличении капитала управляющие директора обязаны подать заявление о регистрации соответствующих изменений в торговом реестре. Увеличение уставного капитала приобретает юридическую силу только после внесения соответствующей записи в торговый реестр (Servatius, 2025).

3. Уменьшение уставного капитала

Общество с ограниченной ответственностью также вправе уменьшить свой уставный капитал. Для этого требуется нотариально удостоверенное решение общего собрания участников (§§ 58, 53 абз. 3 предложение 1 GmbHG).

Уменьшение уставного капитала часто используется для покрытия убытков общества либо для возврата части капитала участникам. При этом происходит сокращение имущества общества.

В целях защиты кредиторов § 58 GmbHG предусматривает специальные меры. Решение об уменьшении капитала должно быть публично объявлено. Регистрация уменьшения капитала в торговом реестре может быть произведена только по истечении одного года после такого объявления. Кредиторы общества обладают правом возражения. Если они воспользуются данным правом, общество обязано либо удовлетворить их требования, либо предоставить соответствующее обеспечение.

Казахстан

Согласно требованиям пункта 2 статьи 23 Закона Республики Казахстан «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью», первоначальный размер уставного капитала равен сумме вкладов учредителей и не может быть менее суммы, эквивалентной стократному размеру месячного расчётного показателя, установленного на соответствующий финансовый год законом о республиканском бюджете на дату представления документов для государственной регистрации товарищества.

На 2026 год один месячный расчётный показатель составляет 4 325 тенге. Соответственно, минимальный размер уставного капитала составляет 432 500 тенге. Если товарищество с ограниченной ответственностью относится к субъектам малого предпринимательства, размер его уставного капитала может быть установлен в нулевом размере.

Уставный капитал может формироваться не только за счёт денежных средств, но и за счёт вещей и иных имущественных прав. При этом не допускается внесение вкладов в виде личных неимущественных прав и иных нематериальных благ.

В законе о ТОО закреплены следующие способы увеличения уставного капитала товарищества с ограниченной ответственностью:

- внесение дополнительных пропорциональных вкладов всеми участниками товарищества;

- увеличение уставного капитала за счёт собственного капитала товарищества, в том числе его резервного капитала;
- внесение одним или несколькими участниками дополнительных вкладов при согласии всех остальных участников;
- принятие в состав товарищества новых участников.

Распределение прибыли

Германия

1. Порядок распределения прибыли

Распределение прибыли в обществе с ограниченной ответственностью осуществляется, как правило, на основании решения общего собрания участников (§ 29 GmbHG).

Основанием для распределения прибыли служит годовая финансовая отчётность общества, которая составляется по окончании финансового года. После её утверждения участники принимают решение о распределении полученной прибыли. На практике выплата прибыли чаще всего осуществляется один раз в год после утверждения годовой отчётности. Учредительный договор может предусматривать и иные правила. Например, возможны квартальные выплаты или промежуточные выплаты прибыли, если общество располагает достаточной прибылью и при этом соблюдается принцип сохранения капитала.

Кроме того, участники могут принять решение полностью или частично оставить прибыль в распоряжении общества, например для формирования резервов.

2. Возможность непропорционального распределения прибыли

Согласно общему правилу распределение прибыли осуществляется пропорционально долям участников в уставном капитале (§ 29 абз. 3 GmbHG). Это означает, что участник, владеющий 10 % уставного капитала, как правило, получает 10 % прибыли. Однако учредительный договор может предусматривать иные правила распределения прибыли (§ 29 абз. 3 предложение 2 GmbHG). Следовательно, в принципе возможно, что участник, владеющий 10 % уставного капитала, будет получать, например, 50 % прибыли, если такое положение прямо закреплено в учредительном договоре.

Тем не менее подобные положения должны быть согласованы заранее. Если подобные изменения вводятся позднее, необходимо согласие участников, чьи интересы могут быть затронуты. В противном случае будет нарушен общий принцип равного обращения с участниками общества. (von Selle, 2024)

Казахстан

Участники имеют право на получение чистой прибыли по решению общего собрания за квартал, полугодие или год. Однако общее собрание также может принять решение не распределять чистую прибыль.

Казахстанские исследователи высказали две противоположные позиции по вопросу неравномерного распределения чистой прибыли по отношению к размеру долей в уставном капитале. Согласно первой позиции, чистая прибыль может распределяться неравномерно по отношению к размеру долей в уставном капитале (Диденко). Согласно второй позиции, чистая прибыль должна распределяться пропорционально размеру долей в уставном капитале, и отклонения от этого не допускаются (Климкин). В то же время в имущественном обороте

имеются примеры, когда участники ТОО согласовывают распределение чистого дохода следующим образом. Например, доходы от комплекса автомойки, числящегося на балансе ТОО, получает участник А, а доходы, вырученные от остального имущества, получает участник Б. Например, постановление надзорной судебной коллегии по гражданским и административным делам Верховного Суда Республики Казахстан №Згп-309-15 от 17 июня 2015 года.

Преимущественное право покупки доли

Германия

Доли в уставном капитале GmbH в принципе могут свободно отчуждаться. Однако договор об их передаче подлежит обязательному нотариальному удостоверению (§ 15 абз. 3 GmbHG).

Во многих учредительных договорах дополнительно предусматривается преимущественное право покупки доли в определённых случаях. (Wicke, 2025) В таких ситуациях участник обязан прежде всего предложить свою долю самому обществу или другим участникам. Цель данного механизма заключается в предотвращении вступления в общество нежелательных третьих лиц. (Wicke, 2025)

Типичными случаями применения подобных положений являются, например, банкротство участника, обращение взыскания на его долю, переход доли по наследству либо прекращение активного участия в деятельности общества. (Wicke, 2025)

Если участник намерен продать свою долю, он обязан сначала уведомить других участников о предполагаемой сделке. При этом должны быть указаны, в частности, цена продажи и основные условия договора. Другие участники имеют установленный срок для реализации своего преимущественного права. Если они воспользуются данным правом, они вступают в договор купли-продажи на тех же условиях. Если несколько участников одновременно реализуют своё преимущественное право, доля, как правило, распределяется между ними пропорционально их долям участия, если учредительный договор не предусматривает иного.

Если же преимущественное право не реализовано в установленный срок, доля может быть передана третьему покупателю. При этом договор передачи доли по-прежнему подлежит нотариальному удостоверению.

Казахстан

В случае возмездного отчуждения одним из участников ТОО своей доли другие участники могут воспользоваться преимущественным правом на приобретение этой доли. В случае, если доля отчуждается безвозмездно, преимущественное право других участников не применяется. Однако участники товарищества могут указать в учредительных документах, что согласие других участников требуется и в случае безвозмездного отчуждения. Это подтверждается постановлением надзорной судебной коллегии по гражданским и административным делам Верховного Суда Республики Казахстан № ЗГП-188-13 от 9 апреля 2013 года.

В случае, если один из участников продаёт свою долю другому участнику товарищества, имеют ли остальные участники товарищества возможность воспользоваться преимущественным правом покупки? В казахстанской судебной практике существуют

позиции, подтверждающие, что в случае, если участник товарищества продаёт свою долю другому участнику товарищества, остальные участники не имеют преимущественного права. Например, постановление судебной коллегии по гражданским делам Алматинского областного суда № 1999-16-00-2а/1829 от 17 ноября 2016 года.

Список литератур:

- Altmepfen. (2023). § 55, Randnummer 53. In *Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (11. Auflage).
- Bayerisches Oberstes Landesgericht. (1998, December 10). Beschluss, 3Z BR 237/98.
- Beurskens. (2025). § 13, Randnummer 7. In Noack, Servatius, & Haas, *Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (24. edition).
- Bundesgerichtshof. (1958, June 30). Urteil, II ZR 213/56. *Neue Juristische Wochenschrift*, 1958, 1351.
- Ekkenga. (2025). § 30, Randnummer 1. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Fleisher. (2025). § 1, Randnummer 19. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Goette. (2025). § 6, Randnummern 16–41. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Heinze. (2025). § 2, Randnummern 111, 129. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Herrler. (2025). § 7, Randnummer 46. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Hupka. (2025). § 4a, Randnummer 10. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Jaeger, & Steinbrück. (2026). § 35, Randnummer 256. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Jaeger. (2025). § 7, Randnummer 5. In *Beck'scher Online-Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (66. edition, Stand: 01.11.2025). Retrieved March 15, 2026.
- Kafka. (2025). § 8, Randnummer 80 ff. In *Münchener Kommentar zum Handelsgesetzbuch* (6. edition).
- Landgericht Berlin (Kammergericht). (2025, July 1). Urteil, 1 W 140/25. *NJW-Spezial*, 2025, 592.
- Merkt. (2025). § 13, Randnummer 14. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Oberlandesgericht Brandenburg. (2006, March 28). Urteil, 6 U 107/05. *BeckRS*, 2006, 6991.
- Oberlandesgericht Bremen. (2009, September 15). Urteil, 2 W 61/09. *Neue Juristische Wochenschrift*, 2010, 542.
- Rühland. (2025). § 58, Randnummer 6. In *Beck'scher Online-Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (66. Edition vom 1. November 2025).
- Schmolke. (2025). § 30, Randnummern 1 ff. In *Beck'scher Online-Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (66. Edition vom 1. November 2025). Retrieved March 15, 2026.

- Schwandtner. (2025). § 5, Randnummer 160. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Selle. (2024). § 29, Randnummern 48 ff. In Henssler, & Strohn, *Kommentar zum Gesellschaftsrecht* (6. Auflage).
- Servatius. (2025). §§ 57 and 7, Randnummern 1, 2. In Noack, Servatius, Haas, & Servatius, *Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (24. Auflage). von
- Wicke. (2025). § 3, Randnummern 3–5, 58–59, 80–81. In *Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (5. Auflage).
- Wilhelm. (2025). § 13, Randnummer 49 ff. In *Beck'scher Online-Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (66. edition, Stand: 01.11.2025). Retrieved March 18, 2026.
- Верховный Суд Республики Казахстан, надзорная судебная коллегия по гражданским и административным делам. (2013, April 9). Постановление № ЗГП-188-13.
- Верховный Суд Республики Казахстан, надзорная судебная коллегия по гражданским и административным делам. (2015, June 17). Постановление № Згп-309-15.
- Диденко, А. Г. (n.d.). Распределение чистого дохода между участниками хозяйственного товарищества. *PRG*. Retrieved March 20, 2026, from https://prg.kz/document/?doc_id=38249234&pos=3;67
- Иракий, Б. (2013). Современное грузинское корпоративное право как отрасль права. In М. К. Сулейменов (Ред.), *Гражданское право и корпоративные отношения: Материалы международной научно-практической конференции в рамках ежегодных цивилистических чтений, посвященных 90-летию видного казахстанского ученого-цивилиста Ю. Г. Басина (Алматы, 13–14 мая 2013 г.)* (p. 111). Алматы.
- Климкин, С. И. (n.d.). Комментарий к Закону Республики Казахстан от 22 апреля 1998 года № 220-І «О товариществах с ограниченной и дополнительной ответственностью». *PRG*. Retrieved March 20, 2026, from https://prg.kz/document/?doc_id=31162727&pos=4;134
- Постановление апелляционной судебной инстанции Актюбинского областного суда. (2011, February 18). № 2А-221.
- Решение специализированного межрайонного экономического суда Костанайской области. (2018, August 28). № 3971-18-00-2/2800.
- Судебная коллегия по гражданским делам Алматинского областного суда. (2016, November 17). Постановление № 1999-16-0
- Чантурия, Л. (2013). Корпоративное право и корпоративные отношения (понятия для теории и практики). In М. К. Сулейменов (Ред.), *Гражданское право и корпоративные отношения: Материалы международной научно-практической конференции в рамках ежегодных цивилистических чтений, посвященных 90-летию видного казахстанского ученого-цивилиста Ю. Г. Басина (Алматы, 13–14 мая 2013 г.)* (pp. 66–67). Алматы.

References:

- Altmeppen. (2023). § 55, Randnummer 53. In *Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (11. Auflage).

- Beurskens. (2025). § 13, Randnummer 7. In Noack, Servatius, & Haas, Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (24. edition).
- Ekkenga. (2025). § 30, Randnummer 1. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Fleisher. (2025). § 1, Randnummer 19. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Goette. (2025). § 6, Randnummern 16–41. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Heinze. (2025). § 2, Randnummern 111, 129. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Herrler. (2025). § 7, Randnummer 46. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Hupka. (2025). § 4a, Randnummer 10. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Jaeger, & Steinbrück. (2026). § 35, Randnummer 256. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Jaeger. (2025). § 7, Randnummer 5. In Beck'scher Online-Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (66. edition, Stand: 01.11.2025). Retrieved March 15, 2026.
- Kafka. (2025). § 8, Randnummer 80 ff. In Münchener Kommentar zum Handelsgesetzbuch (6. edition).
- Merkt. (2025). § 13, Randnummer 14. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Rühland. (2025). § 58, Randnummer 6. In Beck'scher Online-Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (66. Edition vom 1. November 2025).
- Schmolke. (2025). § 30, Randnummern 1 ff. In Beck'scher Online-Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (66. Edition vom 1. November 2025). Retrieved March 15, 2026.
- Schwandtner. (2025). § 5, Randnummer 160. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Selle. (2024). § 29, Randnummern 48 ff. In Henssler, & Strohn, Kommentar zum Gesellschaftsrecht (6. Auflage).
- Wicke. (2025). § 3, Randnummern 3–5, 58–59, 80–81. In Münchener Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (5. Auflage).
- Wilhelm. (2025). § 13, Randnummer 49 ff. In Beck'scher Online-Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (66. edition, Stand: 01.11.2025). Retrieved March 18, 2026.
- Verhovnyj Sud Respubliki Kazahstan, nadzornaja sudebnaja kolegija po grazhdanskim i administrativnym delam. (2013, April 9). Postanovlenie № 3GP-188-13.
- Verhovnyj Sud Respubliki Kazahstan, nadzornaja sudebnaja kolegija po grazhdanskim i administrativnym delam. (2015, June 17). Postanovlenie № 3gp-309-15.
- Didenko, A. G. (n.d.). Raspredelenie chistogo dohoda mezhdou uchastnikami hozjajstvennogo tovarishhestva. PRG. Retrieved March 20, 2026, from https://prg.kz/document/?doc_id=38249234&pos=3;67
- Iraklij, B. (2013). Sovremennoe gruzinskoe korporativnoe pravo kak otrasl' prava. In M. K. Sulejmenov (Red.), *Grazhdanskoe pravo i korporativnye otnoshenija: Materialy*

mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkah ezhegodnyh civilisticheskikh chtenij, posvjashhennyh 90-letiju vidnogo kazahstanskogo uchenogo-civilista Ju. G. Basina (Almaty, 13–14 maja 2013 g.) (p. 111). Almaty.

Klimkin, S. I. (n.d.). Kommentarij k Zakonu Respubliki Kazahstan ot 22 aprelja 1998 goda № 220-I «O tovarishhestvah s ogranichennoj i dopolnitel'noj otvetstvennost'ju». PRG. Retrieved March 20, 2026, from https://prg.kz/document/?doc_id=31162727&pos=4;134

Postanovlenie apelljacionnoj sudebnoj instancii Aktjubinskogo oblastnogo suda. (2011, February 18). № 2A-221.

Reshenie specializirovannogo mezhrajonnogo jekonomicheskogo suda Kostanajskoj oblasti. (2018, August 28). № 3971-18-00-2/2800.

Sudebnaja kollegija po grazhdanskim delam Almatinskogo oblastnogo suda. (2016, November 17). Postanovlenie № 1999-16-0

Chanturija, L. (2013). Korporativnoe pravo i korporativnye otnoshenija (ponjatija dlja teorii i praktiki). In M. K. Sulejmenov (Red.), *Grazhdanskoe pravo i korporativnye otnoshenija: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkah ezhegodnyh civilisticheskikh chtenij, posvjashhennyh 90-letiju vidnogo kazahstanskogo uchenogo-civilista Ju. G. Basina* (Almaty, 13–14 maja 2013 g.) (pp. 66–67). Almaty.

Bundesgerichtshof. (1958, June 30). Urteil, II ZR 213/56. *Neue Juristische Wochenschrift*, 1958, 1351.

Bayerisches Oberstes Landesgericht. (1998, December 10). Beschluss, 3Z BR 237/98.

Oberlandesgericht Brandenburg. (2006, March 28). Urteil, 6 U 107/05. *BeckRS*, 2006, 6991.

Oberlandesgericht Bremen. (2009, September 15). Urteil, 2 W 61/09. *Neue Juristische Wochenschrift*, 2010, 542.

Landgericht Berlin (Kammergericht). (2025, July 1). Urteil, 1 W 140/25. *NJW-Spezial*, 2025, 592.

Servatius. (2025). §§ 57 and 7, Randnummern 1, 2. In Noack, Servatius, Haas, & Servatius, *Kommentar zum Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung* (24. Auflage). von

FTAMP: 10.27.21

Германия және Қазақстан заңнамасындағы жауапкершілігі шектеулі серіктестік: салыстырмалы талдау

Таня Галандер¹, Светлана Зеппельт², Нилс Бауманн³, Анна Рихтер⁴, Марат Естемиров⁵

^{1,2,3}GvW Graf von Westphalen заң фирмасы, Берлин, Германия

⁴Heuking заң фирмасы, Кёльн, Германия

⁵SDU Университеті, Қаскелең, Қазақстан

email: marat.yestemirov@sdu.edu.kz

Аңдатпа

Мақалада жауапкершілігі шектеулі серіктестігінің әралуан қырларының Германия және Қазақстан заңнамалары тарапынан реттелуі талданады. Атап айтқанда жауапкершілігі шектеулі

серіктестігінің тіркелуі, құрылтай құжаттары, жарғылық капиталы, таза табысты бөлуі, үлесті сатып алудағы артықшылық құқығы сауалдарының құқықтық реттелуі талданған. Заңды тұлғаларды соның ішінде жауапкершілігі шектеулі серіктестіктің мемлекеттік тіркелуіне қатысты мәселелерге назар аударылады. Қазақстанда заңды тұлғаны тіркеу түріне, нысанына және шағын, орта не ірі кәсіпкерліктің қайсысына жататындығына қарай талаптар әралуан болып келеді. Мысалы, коммерциялық емес ұйымдарды мемлекеттік тіркеуді әділет органдары жүргізсе, ал коммерциялық ұйымдар "Азаматтарға арналған үкімет" мемлекеттік корпорациясында тіркеледі. Бұдан тыс жарғылық капиталдың құрылуы сауалдарына көңіл бөлінген. Жарғылық капиталдың сақталынуына қатысты талаптардың қазақстандық заңнамадағы әлсіздігіне назар аударылады. Неміс заңнамасы бойынша жауапкершілігі шектеулі серіктестіктің жарғылық капиталына қойылар талаптар, таза табысты бөлу тәртібі және қатысушы үлесін сатып алудағы артықшылық құқық сауалдарының құқықтық реттелуіне назар аударылған.

Кілт сөздер: жауапкершілігі шектеулі серіктестік, мемлекеттік тіркеу, жарғылық капитал, құрылтай құжаттары, таза табыс, үлесті сатып алудағы артықшылық құқық

IRRSST: 10.27.21

Issues of legal trademark protection in administrative proceedings of the Republic of Kazakhstan: theory and practice

Tanya Galander¹, Svetlana Seppelt², Nils Baumann³, Anna Richter⁴, Marat Estemirov⁵

^{1,2,3}GvW Graf von Westphalen Law Firm, Berlin, Germany

⁴Heuking Law firm, Cologne, Germany

⁵SDU University, Kaskelen, Kazakhstan

email: marat.yestemirov@sdu.edu.kz

Abstract

This article analyzes the specifics of legal regulation and dispute resolution related to the protection and enforcement of trademark rights in the administrative courts of the Republic of Kazakhstan. The purpose of the study is to identify the specifics of administrative legal mechanisms for resolving such disputes, as well as issues in law enforcement practice and areas for improvement.

The methodological basis of the work is an analysis of judicial practice for 2023–2025, including judicial decisions of administrative courts in cases challenging decisions of authorized bodies regarding the registration, invalidation, and termination of trademarks. Additionally, the paper examines the opinions of legal scholars of Kazakhstan regarding the legal nature of trademark disputes and their place in the administrative law system.

The article also pays particular attention to statistical data concerning the consideration of administrative disputes in this category of cases. It examines the impact of judicial system reforms and the introduction of the principle of uniformity of administrative procedures on the development of consistent law enforcement practice. The paper separately analyzes the issue of balancing the protection of exclusive rights with the promotion of free competition, as well as the significance of the international obligations of the Republic of Kazakhstan in the field of intellectual property protection. It concludes that a systematic and predictable approach to the resolution of trademark disputes is being formed, while the need for further improvement of legislation remains relevant.

Based on the identified trends, conclusions are drawn regarding existing gaps and conflicts of law. The

results of the study can be used in lawmaking, judicial practice, and future research.

Key words: trademarks, administrative proceedings, judicial practice, intellectual property protection, administrative disputes.

Дата поступления: 25 Март, 2026